

Геннадий Алексеев

**Известный Алексеев. Т. 6.
Избранные стихотворения**

«Геликон Плюс»

1976-1987

УДК 821.112.5
ББК 84.4

Алексеев Г. И.

Известный Алексеев. Т. 6. Избранные стихотворения /
Г. И. Алексеев — «Геликон Плюс», 1976-1987

ISBN 978-5-6046448-6-7

Завершающий том собрания сочинений Геннадия Алексеева (1932—1987) — культового автора середины XX в., основоположника российского верлибра, поэта, прозаика, художника. В этом томе в хронологическом порядке собраны стихи из всех опубликованных при жизни автора книг и практически все журнальные публикации, не вошедшие впоследствии в книги. Всего прижизненных книг было четыре, три из них вышли в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», а одна в Москве, в «Современнике». Посмертная книга была издана в 1991 году Майей Ллексеевой в Ленинграде. В том в качестве послесловия вошла статья Бориса Романова, редактора книги Алексеева «Обычный час».

УДК 821.112.5

ББК 84.4

ISBN 978-5-6046448-6-7

© Алексеев Г. И., 1976-1987

© Геликон Плюс, 1976-1987

Содержание

На мосту	15
Дождь на дворцовой площади	15
Лошадь на Невском	16
О пользе вязания	17
Еще о вечности	18
«В один печальный туманный вечер...»	19
На мосту	20
Демон	21
Купол Исаакия	22
Последний кентавр	23
Восторженный	24
Шхуна	25
Всю жизнь	26
В лесу	27
Милая	28
Лучшее стихотворение	29
Пьеро делла Франческа	30
Гобелен	31
Охота царя Ашшурбанипала	32
Обманчивая тишина	33
Бабий яр	34
«Солнце лежит на черте горизонта...»	35
Сила любви	36
Статуя	37
Доверчивый	38
Пляшущий конь	39
Мастер	41
Англия и Вильям Блейк	42
Греческая вазапись	43
Чернофигурный килик	43
Краснофигурная амфора	43
Белый лекиф	43
Чернофигурный кратер	43
Краснофигурный килик	44
Как скрипку	45
Цветок	47
На радуге	48
Эй, ты	49
На набережной	50
«Так долго не было меня!..»	51
Осень пришла	52
Моя юность	53
Вокализ	54
Сказка о Золотой Рыбке	55
Хатшепсут	56
Взор младенца	58

Та женщина	59
Колокол	60
Даль	61
Стихи о человечестве	62
Жар-птица	63
Высокие деревья	73
«Протяни руку...»	73
Вариации на тему радости	74
«Ее не поймешь...»	74
«Вкушая радость...»	74
Обычный час	76
Обидчик	77
Зло	78
Облака	79
Непоседа	80
«Движения души...»	81
Мысли	82
Вечер	83
Контур будущего	84
Дождь	85
Точка	86
Высокие деревья	87
Открытая дверь	88
Рыцарь, дьявол и смерть	89
Пират	90
Анна Болейн	91
Фридрих Барбаросса	92
В ту ночь	93
Чакона Баха	94
Сизиф	95
В музее	97
Волшебница	98
Весенние стихи	99
Целый день	102
В порыве отчаянья	104
Озорство	105
Хвостун	106
Накатило	107
Возвышенная жизнь	108
Факел	109
Светлая поляна	110
Коктейль	111
Белая ночь на Карповке	112
Без эпитетов	113
Снег	114
Выдумщик	115
Так	116
Журавль в небе	117
«Можно любить запах грибов...»	118

«Необъяснимо...»	119
«Что рассказать...»	120
Пригородный пейзаж	121
1	121
День	121
Как ни странно	121
Весенние советы	122
«— Эй ты...»	123
Дети	124
Вместо того	124
Красота	125
Бессовестные	125
Машина времени	126
Говорящая птица	126
История о том, как я одолел страшного кентавра и спас юную красавицу	127
Влюбленные манекены	128
«Куда же ты?...»	129
Гордый	130
Жизнь и смерть бумажного листа	130
Сушки	131
Простота	132
Другу	133
Рукопожатие	133
2	135
«как тяжелые авиабомбы...»	135
Ивану Федоровичу Крузенштерну	135
«Малые Голландцы»	136
Грустная история	136
Саломея	137
Рядышком	138
Ахилл и Пентесилея	138
«На фанерном жеребце вы никогда не скакали?...»	139
«Я боюсь ходить по Невскому...»	140
Кармен	140
Старинное оружие	141
«Что же ты...»	142
В лунном свете	142
Мумия ребенка	143
К вопросу о французском престолонаследии	145
Бессмертный Карло	146
Чужая муза	146
3	148
Пригородный пейзаж	148
Анастасия Вяльцева	148
«На стене обои...»	149
Облака	150
«Были земля и небо...»	152
Черная корова	153

Крымские стихи	153
Ялта	153
Белый теплоход	154
Счастливчик	155
Морские заботы	155
Внезапное утро	156
Белые джунгли	157
«И вдруг...»	157
Сцилла и Харибда	158
Осенние стихи	159
1. Редкое имя	159
2. Креманчули	160
3. Осенние деревья	161
Потерявшийся ребенок	162
Наконец-то!	162
Подымающий руки	163
4	164
Стихи о молодости	164
Я и вселенная	165
На платформе	166
«Пришла...»	166
Пожар	167
«Казалось...»	167
Любовная переписка	168
Мое счастье	169
Стихи о звездах	170
1. Звездный урожай	170
2. Упавшая звезда	170
3. Большая Медведица	171
4. Близорукая звезда	172
Непрочная душа	172
Многобашенный	172
Озаренный	173
За шторой	173
Дурочка жизнь	174
Обычный час	176
«Возникает...»	176
Мои заботы	177
«Разбудите спящего...»	178
Человек и гитара	179
Кот в магазине	180
Крымские стихи	181
Живя на берегах Тавриды	181
Красное пятно	181
Разговор с эгоцентристом	183
Два камушка	184
Гора	185
Космос	186
И правильно делают	187

Стихи о том, как плохо быть человеком	188
Настырные	189
Принципиальный	190
На берегу бытия	191
Странная любовь	192
«Человек спокоен...»	193
Химера	195
«Подходя к музею...»	196
Морда, которая просит кирпича	197
Шут	198
«Они меня недолюбливают...»	199
Белая ночь	200
Клеопатра	201
Проходящий	203
Беспомощность	204
Девушка и собор	205
Осторожный	207
Непонятливый	208
Вот в чем штука	209
Катулл и Лесбия	210
«Когда я прохожу мимо них...»	211
Погребение поэта	212
Вилла Цицерона	213
Ее счастье	214
Дурная привычка	215
Жестокость гор	216
«Какие мы, однако, смешные!..»	217
Странная жизнь	218
Каждое утро	219
«Посмотришь, прищурясь, вдаль...»	220
Стихи об истории	221
Мое дело	222
Писатель	224
«Был ли я крылатым?..»	225
Упрямые музы	226
Гости	227
«Жить бы да жить...»	228
Чудной	229
Подарок	230
А чего стесняться?	231
Старушки, посылающие телеграммы	232
«Он пришел, и я сказал ему...»	233
Труженики	234
«Как грустно...»	235
Я и Город	236
Тебе и себе	236
Тебе	236
Себе	244
Апостол духа	250

Чаша	251
Смерть Гипатии	252
Бывает час	253
«люблю...»	254
«вы не вызываете во мне...»	255
Хищные люди	256
По-своему	257
«величие дел моих...»	258
«поглядеть на мир...»	259
Угол Исаакия	260
На берегу озера	261
Лицо поэзии	262
На темы книги Иова	263
Бегун	266
Кладбищенские кошки	267
Монолог о смерти	268
«их трое...»	269
Веселые пьяненькие	271
Под грохот барабана	272
Как я тебя люблю	273
Знакомство	274
Положение во гроб	275
Циприану Норvidу	277
Возвращаясь к отчаянью	278
Старуха	279
Безумный рыцарь	281
Люди	283
Три страницы из дневника	284
Страница первая	284
Страница вторая	284
Страница третья	284
Три вечерних стихотворения	285
1. Дошло	285
2. Обычный час	285
3. Вариация на тему о моем кресте	286
Я и Город	288
Памятник	289
Созвездие Стрельца	290
На пути из Петербурга в Москву	291
К истокам	292
Танцевальные мотивы	293
1. Дальняя пляска	293
2. Полонез	293
3. Свистопляска	294
«скромный...»	296
Кватроченто	297
Надежда	298
Вариация на тему о зависти	299
Вариация на тему о Голгофе	300

«сегодня как вчера...»	301
«вот жизнь и смерть...»	302
Неизвестность	303
Новости	304
На заливе	305
Гуляя по городу	306
«замахнувшийся на святыни...»	307
«я хочу вам что-то сказать...»	308
Вариация на тему о времени	309
В тени обелиска	310
Вариация на тему об этом	311
Небольшая коллекция кратких монологов	312
Среди колонн	313
Вечер	315
Рижский дождь	316
«возьму скрипку...»	317
Вариация на тему о боге	318
Женихи Пенелопы	319
Возвращение в Коринф	321
Вавилонская башня	322
У стен	323
Разувшийся	324
В полях	325
«ты ли это?...»	326
Похожие	327
Реальный случай	328
Колосс	329
Горечь	330
Мудрый восьмой	331
Крылья	333
Ночной всадник	335
«Надо научиться...»	336
Вам	337
Камни	338
Сундук	339
Вариация на тему об истине	340
Ответ моему почитателю	341
Белой ночью	342
Вариация на тему о судьбе	343
«Надуваем щеки...»	344
Красота	345
Чудо	346
«Одни говорят...»	347
«Обретя мужество...»	348
Удивительная женщина	349
«Шли они очень старательно...»	350
«Все что есть...»	351
Начало	352
Почему	353

«Что вы шарахаетесь от меня...»	354
«Места для пассажиров с детьми...»	355
Живучий	356
Лодка	357
«Мальчишек не терплю...»	358
«Зовут тебя...»	359
Зрелое яблоко	360
Три вариации	361
Дорога вдаль	363
Голубая дорога	364
Его жизнь	365
Вариация на тему о голове	366
Неблагодарный Маяковский	367
На побережье	368
Как оно было на самом деле	369
Выстрел	370
Надо подумать	371
Богохульник	372
Браггарагуга	373
Витязь на распутье	374
Мост	375
«Споем что ли?...»	376
Городок	377
Скакун	378
Вежливые	379
«Говорили...»	380
Пораженец	381
Фон	382
Путник	383
Несчастный	384
«Идет старик...»	385
Последнее стихотворение	386
Слово Иоанну Крестителю	387
Злобным	388
«Скользя к небытию...»	389
«Не дичись дурака...»	390
Знамя	391
Лес	392
Ради вас	393
Неразбериха	395
Вариация на тему о том, что меня нет и никогда не было	397
«Ходит тут один...»	398
«Придет ли юноша...»	399
Кое-что о моем старинном приятеле Франсуа Вийоне	400
Сонеты	401
1	401
2	401
3	401
4	402

5	402
6	403
7	403
8	403
9	404
10	404
11	405
12	405
13	406
14	406
15	406
16	407
17	407
18	408
19	408
20	408
21	409
22	409
23	410
24	410
25	410
Из журналов и сборников	412
Из журнала «Аврора»	412
Верующий	412
Эй, ты...	412
«Берут...»	413
Кузнечик	413
Рядом с вечностью	414
Вселенная	414
Весна	415
Ночное стихотворение	416
Манекен	416
«Время от времени...»	417
Связанный пленник	417
«Если уж идти...»	418
Несколько слов о золоте	418
«Надо что-то делать...»	419
«Вышли с нею...»	420
«Надо научиться...»	420
Из журнала «Нева»	421
Среди людей	421
Цветы	421
Над крышей	422
Твоя пропасть	423
«Кому они только не сияли...»	423
Два варианта	424
Цвет Истины	425
На рынке	425
Консервная банка	426

Мечта и действительность	427
Предательство	427
Звездное небо	428
«Когда сосны...»	429
Поздняя осень	429
«Постучи в мое окно...»	429
Чего мне хочется	430
Чертовские стихи	430
«Надуваем щеки...»	431
Вопросы и ответы	432
Из журнала «Литературное обозрение»	433
Шли	433
Из сборников «День поэзии»	434
Надо	434
Многие	434
На морском берегу	435
«Я накормил бы всех детей мороженым...»	435
«Ах, братцы...»	436
Неопознанный летающий объект	436
Сергий из Радонежа	437
Эта женщина и эта крепость	438
Кентавр на Невском	440

Геннадий Алексеев
Известный Алексеев
Т.6. Избранные стихотворения

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

© Ельяшевич А. Г. наследник, тексты, 2022

© Романов Б. Н., статья, 2022

© «Геликон Плюс», макет, 2022

* * *

На мосту 1976

Дождь на дворцовой площади

Асфальт.
Когда дождь,
он скользкий.

Туристы.
Когда дождь,
они не вылезают из автобусов.

Милиционер.
Когда дождь,
Он прячется под арку.

И Александровская колонна.
Когда дождь,
она никуда не прячется.
Ей приятно
постоять на Дворцовой площади
под дождем.

Лошадь на Невском

Лошадь на Невском.
Идет себе шагом,
тащит телегу.

Лошадь пегая
и абсолютно живая.

И машины косятся на нее
со злой завистью,
и машины обгоняют ее
со злорадством.
– Эй, – кричат, – лошадь!
– Ха, – кричат, – лошадь!
А лошадь идет себе шагом
и не оборачивается.

Такая живая
и такая хорошая.

О пользе вязания

Там женщины
сидят себе и вяжут.
Спокойные,
сидят себе и вяжут.
А мне так страшно,
тошно,
неспокойно.

Эй, женщины!
Да бросьте же вязать!
Глядите —
мир на проволоке пляшет!
Он оборваться может
каждый миг!

Но вяжут женщины,
не слушая меня,
и спицы острые
в руках у них мелькают.

Я успокоился:
знать, есть какой-то смысл
в вязанье этом,
значит, женщинам виднее.
Ведь портить шерсть
они не будут зря.

Еще о вечности

– Да, да,
ничто не вечно в этом мире! —
сказал я себе.

Зашло солнце,
и наступила
пора свиданий и любви.

И я увидел у ворот
вечно юного Ромео,
который что-то шептал
в розовое ухо
вечно любимой Джульетты.
– Но ведь Шекспира же
когда-то не было! – крикнул я им.
Они засмеялись.

«В один печальный туманный вечер...»

В один печальный туманный вечер
до меня дошло,
что я не бессмертен,
что я непременно умру
в одно прекрасное ясное утро.

От этой мысли
я не подскочил,
как ужаленный злоющей осой,
не вскрикнул,
как укушенный бешеным псом,
не взвыл,
как ошпаренный крутым кипятком,
но, признаться,
я отчаянно загрустил
от этой
внезапно пронзившей меня мысли
в тот
невыносимо печальный
и на редкость туманный вечер.

Погрустив,
я лег спать
и проснулся прекрасным ясным утром.
Летали галки,
дымили трубы,
грохотали грузовики.
«Может быть, я все же бессмертен? —
подумал я. —
Всякое бывает».

На мосту

Глядел я долго,
стоя на мосту,
как вдаль текла Нева,
как было ей вольготно
течь на закат,
как было ей смешно
течь под мостами,
то и дело огибая
быки гранитные.

Тут выплыл из-под моста
буксирчик маленький
с высокой
старомодной,
самоуверенно торчавшею трубой.

Глядел я долго,
стоя на мосту,
как уплывал он
в сторону заката.

Труба его
дымила вызывающе.

Демон

Позвонили.
Я открыл дверь
и увидел глазастого,
лохматого,
мокрого от дождя
Демона.

– Михаил Юрьевич Лермонтов
здесь живет? —
спросил он.
– Нет, – сказал я, —
вы ошиблись квартирой.
– Простите! – сказал он
и ушел,
волоча по ступеням
свои гигантские,
черные,
мокрые от дождя
крылья.

На лестнице
запахло звездами.

Купол Исаакия

Вечером
я любовался куполом Исаакия,
который был эффектно освещен
и сиял
на фоне сине-фиолетового неба.

И вдруг я понял,
что он совсем незащищен.

И вдруг я понял,
что он боится неба,
от которого
можно ждать всего, чего угодно,
что он боится звезд,
которых слишком много.

И вдруг я понял,
что этот огромный позолоченный купол
ужасно одинок
и это
непоправимо.

Последний кентавр

Гнедой,
сытый,
с широким крупом,
галопом проскакал по Невскому.
Народ тепло приветствовал его.

Остановился на Аничковом мосту
и долго разглядывал
коней Клодта.
Иностранные туристы
фотографировали его прямо из автобуса.

У Мойки встретил битюга,
запряженного в телегу.
Шел с ним в обнимку
и что-то говорил на лошадином языке.
Оба весело ржали.

Доскакал до Эрмитажа,
пришел в античный отдел,
встал к стенке
и стал мраморным.
Мрамор розоватый,
благородного оттенка.

Восторженный

Хожу по весеннему городу,
и в горле у меня булькает восторг.
Но я и виду не подаю.
Хожу по городу и криво усмехаюсь:
«Подумаешь, весна!»

Сажусь в весеннюю электричку,
и в ушах у меня щекотно от восторга,
но я не поддаюсь.
Еду в весенней электричке
и исподлобья гляжу в окно:
«Эка невидаль – весна!»

Вылезаю из электрички,
бросаюсь в лес,
раскапываю снег под елкой,
расталкиваю знакомого муравья
и кричу ему в ухо:
– Проснись, весна на дворе!
Восторг-то какой!

– Сумасшедший! – говорит муравей. —
И откуда только берутся
такие восторженные идиоты?

Шхуна

Мы гуляли с ней у пристани
и любовались изящными белыми шхунами
с высокими мачтами.

— Кто я? —
спросила она меня —
как ты думаешь?

— Ты шхуна — ответил я, —
ты случайно зашла в мою гавань,
тебя тянет в океан.

Через месяц
мы с нею расстались.

Каждый день я хожу в порт
и расспрашиваю моряков:
не видал ли кто-нибудь
стройную шхуну
с зелеными глазами?
Но все напрасно.

Трудно поверить,
что ее постигло кораблекрушение.

Всю жизнь

Девки поют.

Протяжно,
ах, как протяжно девки поют
вдалеке.

Девки поют про любовь.

Сладко,
ах, как сладко сердце щемит:
девки поют про любовь.

Конечно, вечер.
Конечно, река.
Конечно, березы.
И девки поют вдалеке.

И сказать тут нечего.

Конечно, грустно.
Конечно, по-русски.
Конечно, хорошо.

И никуда тут не денешься.

Всю жизнь они будут петь,
эти девки,
всю жизнь они будут петь вдалеке
про любовь.

В лесу

– Ау! – кричат мне. —
Ау! Где ты?

– Ау! – кричу. —
Ау! Я далеко где-то!

– Ау! – кричат. —
Ау! Иди сюда!

– Ау! – кричу. —
Иду! Я скоро!

А сам не тороплюсь.

Тихо иду по лесной дороге,
перешагивая тени сосновых стволов,
и все удивляюсь этому миру,
в который попал ненароком.

Милая

Незнакомые люди
подходили к ней на улице
и говорили:
– Какая вы милая!

Тогда я любил ее
и она меня – тоже.

Потом она меня разлюбила,
а я ее – еще нет.

Спустя два года
я встретил ее.
Она так подурнела,
что ее трудно было узнать.

– Милая, – сказал я ей, —
ты очень подурнела!
Наверное, это оттого,
что ты меня разлюбила.
Полюби меня снова!

– Попытаюсь! – сказала она,
но так и не попыталась —
ей было некогда.

А я еще долго любил ее
зачем-то.

Лучшее стихотворение

Предвкушать его.

Услышать скрип двери
и догадаться,
что это оно.

Растеряться.

Но взять себя в руки
и, побледнев от решимости,
прочесть его про себя.

Поразиться.

И, переведя дух,
прочесть его вслух,
но шепотом.

Расхрабриться.

И, открыв окно,
прокричать его громко,
на всю улицу.

Наконец успокоиться.

И ждать новое,
самое лучшее.

Пьеро делла Франческа

Как безмятежен,
как торжественно спокоен
был грешный мир
в глазах делла Франческа!

Среди деревьев
проходили женщины,
с глазами темными,
в простых прекрасных платьях,
и ангелы с волосами золотыми
взирали на крещение Христа.

Но в старости
Пьеро совсем ослеп.
И он уже не видел этих женщин
и ангелов
с Христом и Иоанном,
но он, конечно,
слышал их шаги,
их вздохи
и шуршание одежд.

Как строен,
как величественно прост
по-прежнему
был этот мир нестройный
в слепых глазах
Пьеро делла Франческа!

Гобелен

На гобелене юный пастушок
и рядом с ним румяная пастушка.
На гобелене ручеек бежит
и белые овечки щиплют травку.
Садится бабочка на шляпу пастушка,
а он не видит,
он обнял пастушку,
и невзначай рука его легла
чуть выше талии —
каков шалун!

Но вдруг
из-за пригорка выполз ржавый танк,
вращая башней
и урча от злобы.

Пастушка взвизгнула,
но смелый пастушок
отважно пальцем погрозил злодею.
Танк развернулся
и уполз в кусты.

«Наверное, танкист сошел с ума, —
подумал я, —
война давно прошла,
а он себе воюет и воюет.

К тому же век он перепутал —
из двадцатого
заехал в восемнадцатый, бедняга.
Ведь там бензина нет.
Потом ему придется
пройти пешком
лет двести».

Охота царя Ашшурбанипала

(У Ассирийского рельефа)

– Что за шум?
– Ашшурбанипал охотится.

Вот он стреляет из лука,
и издыхающий лев
ползет по песку,
волоча задние ноги.

Охота так охота —
тут не до жалости.

Вот он садится за пулемет,
и полсотни львов
бьются в агонии,
изрыгая на песок красную кровь.

Охота такое дело —
без крови не обойтись.

Вот он нажимает кнопку,
и вся пустыня
со всеми львами
взлетает к чертовой матери.

Охота пуще неволи —
ничего не поделаешь.

– Но что еще за шум?
– Нашему царю стало дурно —
он слишком впечатлителен.

Обманчивая тишина

Было очень тихо.
За прутьями арматуры,
торчавшей из взорванного дота,
светлело маленькое лесное озеро.

«Тишина обманчива», – подумал я.

И тотчас
железо закричало
страшным предсмертным криком,
а поверхность озера
покрылась трупами солдат,
покрылась сплошь,
как ряской.

«Так я и знал!» – подумал я
и пошел прочь,
натываясь на остолбеневшие от ужаса
молодые сосны.
Они и не подозревали,
что тишина так обманчива.

Бабий яр

Говорят,
что пулеметчики
были веселые белобрысые парни.

Говорят,
что в перерывах
они пили молоко
и один из них играл на губной гармошке.

Говорят,
что рядом с пулеметчиками
сидели два
каких-то странно
одетых типа —
один смахивал на Данте,
а второй был вылитый Вергилий.
Они хлопали в ладоши
и истерически хохотали.

Говорят,
что потом их тоже расстреляли,
чтобы не было свидетелей.

«Солнце лежит на черте горизонта...»

Солнце лежит на черте горизонта,
оно слегка приплюснуто.
Тень моя бесконечна,
она пришита к моим ступням.
А на небе видна восьмерка,
ее начертал реактивный истребитель.

Горизонт прогнулся
под тяжестью солнца.
Я еле иду,
волоча за собой свою тень.
А восьмерка
смущает меня своей загадочностью.

Подойду
и откачу солнце с линии горизонта.
Оно горячее,
но ничего —
надену варежки.

Возьму ножницы
и отрежу от себя свою тень.
Она плохо режется,
но не беда —
справлюсь.

Возьму тряпку
и сотру с неба восьмерку.
Она высоко,
но я дотянусь —
не маленький.
Наведу порядок
и успокоюсь
до поры до времени.

Сила любви

Еду в автобусе.
Предо мною
милый девичий затылок
с гладкими русыми волосами.
Я тотчас влюбляюсь
в этот девичий затылок,
я тотчас влюбляюсь
в эту девушку с русыми волосами,
я люблю ее беспamięтно
и безнадежно.

Пусть эта девушка
окажется высокой и стройной! —
говорю я себе.
Девушка встает,
и – о чудо! —
она и впрямь высокая и стройная!

Пусть у этой девушки
окажется красивое лицо
с нежной белой кожей! —
говорю я себе.
Девушка оборачивается,
и – о чудо! —
у нее красивое лицо
с нежной белой кожей!

А теперь
пусть у этой девушки
окажется изящная женственная походка! —
говорю я себе.
Девушка выходит из автобуса
и идет по тротуару
изящной женственной походкой.

– Bravo! – кричу я
и смеюсь, как ребенок.

– Эта девушка будет счастлива, —
говорю я соседям по автобусу, —
вот увидите!

Статуя

Я встретил в парке
бронзовую статую.

Нагая женщина
стояла неподвижно,
а любопытный
хладнокровный снег
скользил по черной
выгнутой спине,
по ягодицам,
бедрам
и коленям
и у ступней ее
ложился по-хозяйски.
Она руками прикрывалась,
замирая
от страха,
отвращения
и стыда.

Что было делать?
Снял свое пальто,
на плечи бронзовые
ей набросил.

Доверчивый

Я всем верю —
и мужчинам,
и женщинам,
и младенцам,
и лошадям.

Некоторые меня обманывают,
но я всем верю.

– Быть может, я неumen? —
спрашиваю я у женщин,
и они опускают глаза.

– Быть может, я недотепа? —
спрашиваю я у мужчин,
и они отворачиваются.

– Неужели я глупец? —
спрашиваю я у младенцев,
и они начинают плакать.

– Ну скажите же мне прямо,
что я болван! —
кричу я лошадям. —
Что вы хвостами-то машете?

– Да нет, – говорят лошади, —
просто ты такой доверчивый. —
И всем как-то неловко.

Пляшущий конь (Диалог)

Приятно видеть пляшущего коня.

Да,
пляшущий конь —
это пляшущий конь,
это пляшущий конь
веселый.

И пусть будет пляшущий конь,
резво пляшущий конь,
а не плачущий конь,
горько плачущий конь —
так лучше.

Но это же глупо:
выходит конь из ворот
и тут же пускается в пляс!
Но это же неприлично:
появляется конь на экране кинотеатра
и пляшет у всех на глазах!
Но это же просто страшно:
конь пляшет прямо посреди улицы!
Его может задавить машина!

Ах, оставьте его в покое!
Он отпляшет свое на лужайке,
заросшей белой кашкой,
или на шоссе
у закрытого железнодорожного шлагбаума.

А если вымыть его,
пляшущего?
А если и впрямь
тщательно, с мылом вымыть его,
расплясавшегося?
Вдруг окажется,
что он белый,
совсем белый?
Вдруг окажется,
что он — «конь блед»?

Ах, бросьте!
Конь серый,
настоящий серый конь
в яблоках.

И вообще,
пляшущий конь —
это пляшущий конь,
это пляшущий конь
навски.

Приятно видеть пляшущего коня.

Мастер

Смелость мастера:
все творимое им —
неслыханная дерзость.

Гордость мастера:
все содеянное им
неповторимо.

Радость мастера:
все рожденное им
способно жить.

Участь мастера:
все увиденное им
не все увидят.

Горечь мастера:
все совершенное им
несовершенно.

Торжество мастера:
он мастер!

Англия и Вильям Блейк

Вот Англия восемнадцатого века.
В ней живет Вильям Блейк.
Но Англия его не замечает.

Или точнее:
вот некий остров.
На нем в восемнадцатом веке
живут рядышком
Англия и Вильям Блейк.
Но Англия Блейка почему-то не замечает.

Или еще точнее:
вот восемнадцатый век.
Вот некий остров.
На нем живет Вильям Блейк.
Вокруг него живет Англия.
Но, как ни смешно,
Англия Блейка совершенно не замечает.

Остается предположить,
что на вышеозначенном острове
в восемнадцатом веке живет один Блейк,
а Англия там не живет.
Поэтому-то она Блейка и не замечает.

Вот Англия девятнадцатого века.
Ура! Она заметила Вильяма Блейка!
Но странно,
ведь Блейк уже покинул Англию
и поселился в раю.

Греческая вазопись

Чернофигурный килик

Маленькие фигуры
на огромном красном фоне.
Одинокий охотник
убивает одинокого оленя
в безбрежной красной пустыне.
Очень жестокий художник
или очень несчастный.

Краснофигурная амфора

Воин у колесницы,
собака, лошади, слуги.
Воин медлит,
ему не хочется воевать.
Собака, лошади, слуги —
все ждут:
неужто войны не будет?
Художник,
решайся!

Белый лекиф

Юноша подает девушке
пурпурную ленту.
Девушка улыбается,
она знает,
что умрет молодой и красивой,
волосы ее
перевяжут пурпурной лентой,
а этот лекиф
поставят в ее гробницу.
Художник, пожалей юношу!
Пусть он умрет раньше
и ничего не узнает!

Чернофигурный кратер

Мужчина с кинжалом
преследует женщину.
Я подставил ему ножку,
он упал,
наткнулся на кинжал
и умер.

– Пойдите! – кричу я женщине,
но она не понимает по-русски,
она бежит, заломив руки,
и тонкий пеплос
струится за ней
шурша.

Художник,
зачем ты впутал меня
в эту историю?

Краснофигурный килик

Чудовищные рыбы
плывут по кругу,
норовя схватить друг друга
за хвост.

Двадцать пять веков
крутится эта карусель.

Художник,
зачем ты ее придумал?

– Нет, – отвечает художник, —
я ничего не придумал,
я – реалист.

Как скрипку

Это он
берег свое сердце
так старательно.

Это он
берег его,
как скрипач
бережет скрипку Гварнери,
не играя на ней
даже по праздникам.

Это он,
он
берег свое сердце,
как безвестный скрипач
бережет скрипку Джузеппе Гварнери,
не играя на ней
даже в день своего рождения.

Это он,
он самый
берег свое сердце,
как бесталанный скрипач
бережет редчайшую скрипку
Джузеппе Антонио Гварнери,
не прикасаясь к ней
ни при каких обстоятельствах.

Это он,
он,
он
дрожал над своим сердцем,
как скрипач-любитель
дрожит над бесценной скрипкой

работы великого мастера,
попавшей к нему
неведомо как.

Да,
это он
всю жизнь
берег свое сердце.

И он отлично сберег его.

Это оно,
его сердце,
хранится в музее сердец
в запаснике.

Цветок

В моих руках
цветок.

Цвет у него необычный,
запах у него незнакомый,
форма у него невиданная,
название его неизвестно.

Подходят
на него взглянуть,
наклоняются
его понюхать,
просят разрешения
его потрогать,
отходят,
потрясенные.

Я горд —
у меня цветок.

Вы видите —
у меня цветок!
Вы не пугайтесь —
у меня цветок!
Вы не огорчайтесь,
но у меня цветок!
Вы не злитесь,
но у меня ведь цветок!
Вы меня не трогайте —
у меня же цветок!

Откуда взялся этот цветок?
Откуда?

Если б я знал!
Зазевался,
и, глядь, —
в моих руках
цветок!

На радуге

Гулял по радуге
какой-то человек.

Ходил по красному,
шагал по синему,
топал по желтому
и улыбался.

И вместе с ним
гулял какой-то пес.

Бегал по красному,
носился по синему,
обнюхивал желтое
и повизгивал от удовольствия.

И больше не видно было
на радуге
ни людей,
ни собак.
Только эти двое и были.

Эй, ты

Эй, ты,
слышишь – поют!
Закрой глаза и слушай,
хорошо ведь поют!

Эй, ты,
бегущий к ничтожной цели,
отдохни немного, отдышись!

Эй, ты,
скользящий по наклонной плоскости,
ухватись за что-нибудь,
удержись.

Эй, ты,
стоящий у окна,
рассеянно глядя на улицу,
кто ты?

Эй, ты,
невидимый,
ты ли это?
Покажись!

Эй ты,
недолгий,
погляди —
как торжественно в мире
после полуночи!

На набережной

Я вышел на набережную
и в тысячный раз
увидел все тот же пейзаж
с мостом.

«Черт подери, – подумал я, —
неужели никому не придет в голову
подвинуть мост
хоть на сто метров влево!
Вечно он торчит
на одном месте!»

Я сказал об этом рыболову с удочкой.
Он улыбнулся и шепнул мне доверительно:

– Какие-то энтузиасты
хотели перетащить мост
как раз на сто метров,
только не влево,
а вправо.
В последний момент
они почему-то передумали.

Я промолчал.

Вечно я опаздываю
со своими мыслями!

«Так долго не было меня!..»

Так долго не было меня!
Вселенная томилась,
предчувствуя мое возникновение,
а я не торопился,
я тянул,
я тешился своим небытием,
придумывал предлоги для отсрочек —
филонил всячески.

Но все же мне пришлось
однажды утром
в мире появиться.

И оказалось:
жизнь — такая новость!
И каждый день —
такая неожиданность!

Разинув рот
гляжу на белый свет,
на завитки волос
у женщин на затылках.

Осень пришла

Осень пришла.
Грачи кричат громко и бестолково —
ни слова не разобрать.

Странная какая-то осень пришла —
с зонтиком, но босиком.
Простудится ведь!

Грачи ругаются на чем свет стоит —
жуткая идет перебранка.

Нищая какая-то осень пришла —
даже сапог резиновых у нее нет,
и зонтик-то весь дырявый!

Грачи кричат оглушительно, хоть уши затыкай,
а из-за чего скандал – неизвестно.

Глупая какая-то осень пришла.
И чего она приперлась так рано?
Курам на смех!

Моя юность

Моя юность
бросила меня.
Она ушла от меня,
моя юность,
и, кажется,
навсегда.

Вон она топает
там, по дороге!
Вон она, чудачка!
Вон, вон она
в голубом беретике!

И чем я ей не угодил —
не понимаю.

Вокализ

Чего они так распелись
эти сосны?

О чем они поют
так долго и протяжно
над моей головой?

О чем они поют
так самозабвенно
весь день,
закрыв глаза
и в такт качая телами?

Скорее всего,
ни о чем.
Скорее всего,
это вокализ,
который специально для них
написал ветер.

Сказка о Золотой Рыбке

Берег.
Небо.
Море.
Старик закидывает невод.
Ему нужна золотая рыбка,
и больше ничего.

Берег.
Небо.
Море.
Старик вытаскивает невод.
В неводе две малюсенькие колюшки,
водоросли,
и больше ничего.

Берег.
Небо.
Море.
Старик опять закидывает невод.
Но это пустая трата времени,
и больше ничего.
Золотая рыбка не водится в этом море,
золотая рыбка не дура.

Берег.
Небо.
Море.
Старик опять вытаскивает невод.
В неводе золотая рыбка!

Откуда она взялась?
Это же чудо!

Нет,
это просто сказка,
и больше ничего.

Хатшепсут

*Сердце взыграло,
Как бы имея вечность в запасе, —
Царица моя, подойди,
Не медли вдали от меня!
Древнеегипетская надпись, XIII в. до н. э.*

По Неве плывут баржи с песком.
На берегу лежат два сфинкса.
Подхожу к ним,
хлопаю в ладоши
и говорю: – Слушайте!

Крокодилы дремали на отмелях,
бегемоты резвились в тростниках,
а я строил для нее храм
у подножья скал.

Она была величава и прекрасна.
Ее узкое льняное платье
доходило до щиколоток —
такая уж тогда была мода.

Воины мечтали о войнах,
я ревновал ее к Нилу
и скрежетал зубами,
когда она каталась на лодке,
а она посылала корабли в страну Пунт
за миртовыми деревьями.

Тутмос бредил славой,
я ревновал ее к миртовым деревьям,
а она сажала их перед своим храмом,
и мир царствовал в мире.
– Недолго! – сказали сфинксы.
– Да, конечно, – сказал я, —

но и тогда,
когда рабыни натирали ее тело благовонным маслом,
а я стоял за колонной и смотрел,
и тогда,
когда она вышла к народу в простом черном парике
с ниткой синих фаянсовых бус на шее,
и тогда,
когда она стояла в храме, прижимая руки к груди,
и бритые головы жрецов поблескивали во мраке,
и тогда,

когда она с хохотом бегала по саду,
хватаясь за стволы пальм,
и я не мог поймать ее...

– Что же тогда? – спросили сфинксы.
– Так, ничего, – ответил я. —
Вчера я увидел ее в метро на эскалаторе,
она подымалась,
а я опускался.
Она была величава и прекрасна,
ее узкое платье не достигало колен —
такая уж нынче мода, —
и я побежал за ней
вверх по опускавшейся лестнице.

– Безнадежное дело! – сказали сфинксы.
– Да, конечно, – сказал я.

По Неве плывет буксир с зелеными огнями.
Выхожу на мост
и кричу, сложив ладони рупором:
– Хатшепсут!
Это я!
Твой возлюбленный зодчий!

Взор младенца

Глядит младенец на меня
 большим
 серьезным
 умным оком.

Ну что?
Ну что ты глядишь?
Что?

Ну чего?
Ну чего тебе надо?
Чего?

Зачем ты смущаешь меня
своим младенческим взором?

Ну заплачь,
заплачь,
 что ли!
Ну улыбнись,
улыбнись,
 что ли!

Глядит младенец на меня
 большим,
 голубым,
 удивленным оком.

Подмигнуть ему,
 что ли?

Та женщина

Та женщина
тогда была доргой —
при нашем бездорожье
это клад.

Та женщина
была прямым шоссе,
обсаженным
прямыми тополями.

Та женщина
меня бы завела
в такую даль,
откуда возвращаться
уж смысла нет.

Но странствия в ту пору
меня не привлекали
почему-то.

Ту женщину
я недавно встретил.
Она превратилась в узкую тропинку,
а тополя засохли.

Но тропинка
по-прежнему манит вдаль —
поразительно!

Колокол

Бывает,
купаешься в озере
и ни о чем не думаешь,
а он
где-то за лесом,
негромко так
и будто смущаясь:
«Бом! Бом!»
И еще раз:
«Бом! Бом!»
И еще разок:
«Бом! Бом!»

Все напоминает,
будто я и сам не помню.
Все остерегает,
будто я и сам не осторожен.
Все заботится обо мне,
будто я и сам о себе не позабочусь.

Но в общем-то
он неплохой колокол,
с красивым звуком.
Но в общем-то
он отличный колокол,
с доброй душой.

Но вообще-то
он надежный колокол,
с ним не пропадешь.

Признаться,
мне повезло,
что у меня такой колокол.
У многих
колокола гораздо хуже.

Даль

Тянет меня почему-то
в эту даль.

И будто нет в ней
ничего особенного —
типичная же даль!
А тянет.

Ушел бы
и жил бы там, в дали.
Да все дела какие-то,
все дела.

Смотрю в даль
и вздыхаю.

Тянет меня
в эту банальную туманную даль,
будь она неладна!

Стихи о человечестве

Я поднимаюсь на пятнадцатый этаж,
гляжу оттуда на крыши домов
и говорю торжественно:
– Человечество!

Я спускаюсь во двор,
гляжу на мальчишку,
рисующего на заборе,
и говорю со вздохом:
– Человечество!

Я разглядываю себя в зеркале,
подмигиваю себе
и говорю загадочно:
– Человечество!

Я ложусь спать,
засыпаю,
и вокруг меня
храпит и причмокивает во сне
набегавшееся за день
Человечество.

Жар-птица *Сентиментальная поэма*

Я встретил ее совершенно случайно —
однажды ночью
на набережной.

Она была такая худенькая,
такая тоненькая-тоненькая —
одни косточки.

Она сказала:
— Вы меня простите,
но я должна,
должна вам рассказать!

Мне было двадцать,
двадцать и сейчас —
я почему-то вовсе не старею...

Все родилось
из гранитных ступеней,
из терпеливости рыболовов,
из поплавков и качания лодок,
из беготни и кривлянья мальчишек,
из ряби бульжника,
из разноцветных
трамвайных огней,
из газетных киосков,
из пресной на вкус
недозрелой черешни.

Был город нам отдан.
Двоим — целый город.
Он был нам игрушкой,
забавой
и домом,
убежищем тихим
и каруселью.
Он был тридевятым таинственным царством.
В нем сфинксы водились
и дикие кони,
в нем жили незлые
крылатые львы.

И был там царевич.
И, рук не жалея,
спеша, обжигаясь,

ловил он Жар-птицу.
А я убегала,
взлетала,
металась
и снова садилась,
и снова взлетала,
манила его и дразнила.
Дразнила...
И он целовал меня,
он меня трогал
и очень любил,
если я щекотала
ресницами щеку ему.

И подолгу
стояло в зените
веселое солнце,
и дождики были на редкость смешливы,
и тучи тряслись и давились от смеха,
и густо краснел хохотавший закат.

Был город сбит с толку
и взбаламучен.
Растеряны были
каналы и пирсы,
от зависти лопались кариатиды,
и были все скверы в недоуменье,
и даже атланты теряли терпенье,
и хмурились важные аполлоны,
но в Летнем саду улыбалась Венера,
и толпы амуров ходили за нами,
как свита...
Потом наступил этот день.
И следом за ним
наступил этот вечер.
И я провожала его.

В полумраке
лицо его было
бело и спокойно.
Лицо его было спокойно, как лес
при полном безветрии
осенью поздней,
как школьные классы
ночью порой.
В лице его было
сплетенье каких-то
железных конструкций,
напрягшихся страшно.

Раздался
тот самый последний гудок.
И я побежала потом
за вагоном
в толпе среди прочих
бежавших,
кричавших,
махавших платками
заплаканных женщин.

Потом были письма.
Я помню отрывки:
«Жар-птица моя,
я не смел и подумать,
что мне попадется такая добыча...
Не бойся, глупышка!
Никто не решится,
никто не сумеет такое разрушить.
Ведь сказки живучи,
ведь сказки бессмертны,
ведь их невозможно взорвать или сжечь,
ведь их расстрелять у стены
невозможно...
Жар-птица моя,
мой единственный жребий
светящийся!
Губы свои обжигая,
целую, спеша,
твои жаркие перья!
Целую!»

А город
был строг и печален.
А город был страшен.
А город был грозен.
Рычали крылатые львы над каналом,
и ржали над крышами
медные кони
тревожно,
и сфинксов бесстрастные лица
мрачнели от копоти ближних пожаров.
Но крепко держали карнизы атланты,
а в Летнем саду улыбалась Венера,
и стук метронома ее не пугал.

Потом...
Вы же знаете,
знаете,

знаете,
что было потом!

.....

В квартирной пустыне,
в крошечных потемках
лежала я тихо
и тихо стучали
часы надо мною.
Стучали и ждали.
И медленно жизнь от меня уходила.

И я попросила ее оглянуться,
и я попросила ее задержаться,
и я попросила ее не спешить,
но слабый мой шепот она не слыхала,
она уходила,
а он и не видел,
он был далеко,
далеко,
далеко!
Но рядом со мною стояла на стуле
его фотография в желтенькой рамке,
И он улыбался на ней,
улыбался.

Как ласково жизнь от меня уходила!

Я тихо лежала,
глядела ей в спину,
в широкую,
крепкую
женскую спину,
и было мне странно,
мучительно странно —
зачем, для чего они женского рода —
и жизнь, и она,
та, что жизни на смену
приходит с унылым своим постоянством.
А мир колебался,
а мир расплывался,
а мир растворялся в каких-то пустотах,
качая боками,
крутясь и ныряя,
как бочка пустая
в бетонном бассейне,
наполненном нефтью
холодной и черной.

И вдруг появилась
усталая женщина.
Усталая женщина
с острыми скулами.

Усталая женщина
в ватнике грязном.
Усталая женщина
в стоптанных валенках.

Она мне сказала:
«Пора, торопитесь!
Мне некогда,
нынче так много работы».

И я удивилась:
«А где же ваш саван?
А где же коса?
Ведь должна быть коса!»
Она улыбнулась одними губами.
Улыбка была неестественно чуждой
всему,
что я видела раньше и знала.
Она улыбнулась:
«Ну что вы!
Ну что вы!
Подумайте сами —
зачем мне коса?
Все выдумки,
сказки для малых детей.
Пора! Вы готовы?»
И я потянулась
так сладко,
так сладко,
как в детстве спросонья...

В квартирных потемках
лежала я тихо.
И тихо стучали часы надо мною.
А время живое
все шло, торопилось
куда-то туда,
в заквартирные бездны,
в какие-то сытые райские страны.
А время живое
меня сторонилось,
меня обходило,
меня не касалось.

Лежала я долго,
быть может,
неделю.
Не знаю.
Не помню.
Часы уже стали,
но рядом со мною
все также стояла
его фотография в желтенькой рамке.
И он улыбался на ней.
Улыбался.

Потом
он приехал,
вбежал запыхавшись,
ходил по квартире
вслепую, на ощупь,
на мебель на каждом шагу натыкаясь,
ко мне приближаясь
все ближе,
все ближе.

В квартирной пустыне
в дремучих потемках
зажглась зажигалка,
и пламя ее
в моих побелевших зрачках заплясало.

Лицо его было
смертельно спокойно.
Лицо его было спокойно,
как снег
в степи при безветрии
и как вода
в лесном заболоченном гибнущем озере.
В лице его было
сплетенье каких-то
железных конструкций,
изорванных в клочья.
Лицо его было,
как взорванный мост,
как тень
от остатков сожженного дома.

Он взял меня на руки.
На руки взял он
мое полудетское легкое тело
и вышел из дому.

В морозном тумане
висело багровое низкое солнце.

Зима была в мире.
Она была белой.
Она была плоской и шарообразной:
Была пирамидой она в то же время
прозрачно-зеленой
из чистого льда.

И там, в глубине пирамиды,
был город.

Дома прижимались
друг к другу боками.
Дома замерзали не падая,
стоя.
И улицы
прямо и гордо лежали,
примерзнув друг к другу
на перекрестках.

Он нес меня бережно,
нес меня нежно.
Он нес меня,
тщательно, твердо ступая,
как будто была я
редчайшей находкой,
единственным в мире
бесценным сосудом,
остатком мифической древней культуры,
и он – археолог, счастливчик, удачник —
нашел,
раскопал,
распознал это чудо.

Он нес меня,
нес меня,
нес меня долго
по улице длинной,
прямой безупречно,
по свежему
белому-белому снегу,
поющему снегу,
скрипящему снегу.
Он нес меня долго.
И там, в перспективе,
и там, где лучи ее сходятся в точку,
висело багровое низкое солнце.

Он нес меня к солнцу,
но он утомился
и сел на ступенях какого-то дома.
И я на коленях его
неподвижно
лежала,
а он говорил, говорил мне,
сбиваясь,
какие-то странные вещи.

«Послушай, – сказал он, —
послушай, Жар-птица,
несчастье мое,
моя бедная птица,
потухшая,
тусклая,
серая птица!
До солнца осталось
не так уж и много.
Оно отопреет тебя,
отопреет.
Попросим его,
и оно отопреет.

Послушай, – сказал он, —
ведь ты же, я знаю,
всегда астрономией увлекалась.
Ты очень обяжешь меня,
если скажешь,
какая дорога короче и лучше,
где меньше ухабов,
космической пыли
и всяких бродячих метеоритов —
бог знает ведь,
что у них там на уме!
Послушай,
нам надо поторопиться,
еще полчаса,
и уже будет поздно.

Припас я две банки
прекрасных консервов.
Одну нам придется
отдать за услугу —
ведь солнцу небось
тоже нынче не сытно.
Вторую оставим себе
и немедля

устроим роскошный,
немыслимый ужин...»

Да,
странные вещи тогда говорил он.

Потом подошли к нам
какие-то люди
и в кузов трехтонки
меня положили.
Он рвался за мной,
но его не пустили.
Машина поехала.
Следом бежал он,
бежал, спотыкаясь,
и голос его,
и голос его отставал постепенно!

«Жар-птица!
Жар-птица!

Жар-птица!
Жар-птица!»

Зарыли меня
на Охтинском.
Третья траншея от входа,
в двух метрах
от крайней восточной дорожки.

Его повстречаете вы,
может статься,
скажите мой адрес ему,
я же знаю:
он ищет меня,
но не может найти.
Скажите —
я жду,
пусть приходит скорее,
я жду.
И простите —
я вас задержала.
Простите.
Прощайте!
И она ушла от меня
по набережной.
Такая тоненькая-тоненькая,
ужасно,
невыносимо худенькая,

самая худенькая Жар-птица
из всех,
которые мне встречались.

Высокие деревья 1980

«Протяни руку...»

Протяни руку,
и на твою ладонь
упадет дождевая капля.
Протяни руку,
и на твою ладонь
сядет стрекоза,
большая зеленая стрекоза.
Только протяни руку,
и к тебе на ладонь
спустится райская птица
ослепительной красоты,
настоящая райская птица!
Протяни же руку!
чего ты стесняешься —
ты же не нищий.

Постой минуточку с протянутой рукой,
и кто-то положит тебе на ладонь
свое пылкое восторженное сердце.

А если положат камень,
не обижайся,
будь великодушен.

Вариации на тему радости

«Ее не поймешь...»

Ее не поймешь.

То она прогуливается поодаль
с черной сумочкой,
в черных чулках
и с белыми волосами до пояса.

То лежит в беспмятстве
на операционном столе,
и видно, как пульсирует ее сердце
в кровавом отверстии.

То она пляшет до упаду
на чьей-то свадьбе
и парни
пожирают ее глазами.

А то она стоит передо мной
спокойно и прямо,
и в руке у нее
красный пион.

Но всегда она чуть-чуть печальная —
радость человеческая.

«Вкушая радость...»

Вкушая радость,
будьте внимательны:
она, как лец,
в ней много мелких костей.

Проглотив радость,
запейте ее
стаканом легкой прозрачной грусти —
это полезно для пищеварения.

Немного погрустив,
снова принимайтесь за радость.

Не ленитесь радоваться,
радуйтесь почаще.
Не стесняйтесь радоваться,

радуйтесь откровенно.
Не опасайтесь радоваться,
радуйтесь бесстрашно.

Глядя на вас,
и все возрадуются.

Обычный час

Был вечерний час
с десяти до одиннадцати.
Ветра не было,
были сумерки,
было прохладно,
была тишина.
Лишь внезапный грохот реактивного истребителя
над самой головой
(пролетел —
и опять тишина).
Лишь гул товарного поезда
вдалеке
(прошел —
и опять тишина).
Лишь треск мотоцикла
где-то за озером
(проехал —
и снова тихо).
Лишь глухой стук в левой части груди
под ребрами.
(он не смолкает
ни на минуту).

Был обычный час жизни
на пороге ночи.
Был необычный век,
двадцатый по счету.

Обидчик

Обидели человека,
несправедливо обидели.

Где,
где обидели человека?
Кто,
кто посмел обидеть
самого человека?

Никто его не обидел,
никто.
Кто может его обидеть?
Смешно!
Он сам себя
глубоко обижает.

Он сам обижает Землю
и зверей на Земле.
Он сам себя
глубоко обижает.

Обидит себя —
и ходит расстроенный,
обидит —
и ночами не спит, переживает.

Но не судите его,
не судите строго,
Поймите человека —
ему нелегко.

Зло

1

Вхожу в чертоги зла.
Здесь,
в горнице высокой,
сидит девица-смерть
с туманным рыбьим взором
и вышивает шелком по холсту.

2

Есть мнение, что зло не существует,
что зло – лишь сук
на дереве добра,
не нем и вешаются все самоубийцы.
Но скалы зла торчат из моря времени,
и птицы хищные
на них птенцов выводят.

3

А было так:
маленькая собачонка
бежала посреди улицы.
Брошенная,
потерявшая голову от горя,
она бежала посреди улицы —
ей безразлично было, где бежать.
И все силы зла,
 все темные силы зла,
 все кровожадные силы зла
взирали на собачонку,
предвкушая ее скорую гибель.

Но трамваи тормозили,
 такси тормозили,
 грузовики тормозили.
И силы зла
морщились от досады.
Вот как это было.

Облака

Поглядим на облака
в разное время суток.

Вот утро.

На востоке появилось
зловещей формы
кучевое облако,
у горизонта
в отдаленье появилось
угрюмое загадочное облако.

Вот полдень.

Видите – в зените проплывает
надменное
заносчивое облако,
не торопясь,
в зените проплывает
самовлюбленное зазнавшееся облако.

Вот вечер.

По небу куда-то быстро движется
одно-единственное
маленькое облако,
куда-то к югу
очень быстро движется
бесстрашное решительное облако.

Вот поздний вечер.

Поглядите – над закатом
висит счастливое
сияющее облако.

Как видите,
в разное время дня
облака ведут себя по-разному,
и с этим приходится считаться.

Вот снова утро.

На востоке показалось
бесформенное
заспанное облако.

Поздоровайтесь с ним!

Непоседа

Поглядите,
вон там,
по обочине шоссе,
человек идет —
машины его обгоняют —
это он.

И там, у мыса Желания,
видите —
на снегу фигура темнеет —
это тоже он.

И по Литейному мосту,
наклонясь
против ветра —
плащ развевается, —
тоже он идет.

Ему бы дома сидеть
в тепле и уюте
ему бы чай пить
с брусничным вареньем,
а он шатается где-то
целыми днями,
а он бродит по свету
до глубокой ночи.

Вон там,
на вершине Фудзиямы
видите —
кто-то сидит.
Это же он!

«Движения души...»

Движения души
порой необъяснимы:
она бросается куда-то в сторону,
она делает зигзаги,
она выписывает петли
и долго кружится на одном месте.

Можно подумать,
что душа пьяна,
но она не выносит спиртного.
Можно предположить,
что душа что-то ищет,
но она ничего не потеряла.
Можно допустить,
что душа слегка помешалась,
но это маловероятно.

Порою кажется,
что душа просто играет,
играет в игру,
которую сама придумала,
играет,
как играют дети.

Быть может,
она еще ребенок,
наша душа?

Мысли

Какие только мысли не приходят мне на ум!

Порою мелкие и круглые, как галька
на крымских пляжах.
Временами плоские,
как камбалы с глазами на макушке.
А то вдруг длинные и гибкие, как стебли
кувшинок.
Иногда нелепые,
нескладные, причудливые монстры.
Но изредка глубокие и ясные,
как небо в солнечный осенний полдень.

А любопытно было бы мне узнать,
какие мысли не приходят мне на ум,
блуждают в стороне?

Веспер

Как встарь,
как в древности,
как сто веков назад,
восходит Веспер на вечернем небосклоне.
Он так красив, но мне не до него —
ищу иголку я
в огромном стоге сена.

Полстога я уже разворошил,
иголку же пока не обнаружил.
Осталось мне
разворошить
полстога.

А Веспер,
этот Веспер окаянный,
восходит каждый вечер над закатом
и шевелит лучами,
как назло...

Контур будущего

Очень просто
получить контур Венеры Таврической —
ставим статую к стене
и обводим ее тень карандашом.

Труднее
получить контур лошади —
она не стоит на месте
и тень ее движется.

Очень трудно
получить контур счастья —
оно расплывчато
и не имеет четких границ.

Но удивительно —
пятилетний ребенок взял прутик
и изобразил на песке
четкий профиль будущего —
все так и ахнули!

Дождь

В косом дожде
есть некоторая порочность.
Прямой же дождь
безгрешен, как дитя.

Тупица-дождь
нашептывал мне какие-то глупости.
Закрыл окно —
он забарабанил пальцами по стеклу.
Погрозил ему кулаком —
он угомонился и затих.
Или притворился, что затих,
чтобы я снова открыл окно.

Все преимущества дождя
в его звериной хитрости.
Вся философия дождя
заключена в его походке.

Точка

– Ты всего лишь точка, —
сказали ему, —
ты даже не буква.

– Прекрасно! —
сказал он. —
Но мне нравится гордое одиночество.
Поставьте меня отдельно.
я не люблю многоточий.

И вот его одного
ставят в конце фразы,
совершенно бессмысленной,
дурацкой фразы.

Стоит,
закусив губу.

Высокие деревья

Высокие деревья
 появляются на холме.
Высокие деревья
 спускаются по склону.
Высокие деревья
 останавливаются в низине.

Гляжу на них с восхищением.

А в их листве
 уже щебечут бойкие птицы,
а в их тени
 уже кто-то расположился на отдых.

Но высокие деревья пришли ненадолго.
Постояв немного,
они уходят.

Бегу за ними,
 размахивая руками,
бегу за ними,
 что-то крича.
А их и след простыл.

Век буду помнить,
 как приходили высокие деревья,
 как они спускались по склону холма.
Век не забуду,
 как они ушли,
 унося с собой щебечущих птиц.

Открытая дверь

Это не ночь,
это не тьма,
это не фонарь на улице.

Стало быть,
 это день,
Стало быть,
 это свет,
стало быть,
 это солнце над горизонтом.

Но если это так,
то открывайте дверь,
пора ее открыть —
всю ночь она закрыта.

Но если это так,
то распахните дверь,
и отойдите прочь —
пусть входит, кто захочет.

Если войдет ребенок —
 прекрасно,
если вбежит кошка —
 хорошо,
если вползет улитка —
 неплохо,
если ворвется ветер —
 не сердитесь.

Скажите:
– Ах, это ты! —
Спросите:
– Какие новости?

Рыцарь, дьявол и смерть (Гравюра Дюрера)

Все трое очень типичны:

храбрый рыцарь,
хитрый дьявол,
хищная смерть.

Рыцарь и смерть —
на лошадях.

Дьявол —
пешком.

– Неплохо бы отдохнуть! —
говорит дьявол.

– Пора сделать привал! —
говорит смерть.

– Мужайтесь, мы почти у цели! —
говорит рыцарь.

Все трое продолжают путь.

– У меня болит нога,
я очень хромаю! —
говорит дьявол.

– Я простудилась,
у меня жуткий насморк! —
говорит смерть.

– Замолчите!

Хватит ныть! —
говорит рыцарь.

Все трое продолжают путь.

Пират

Триста лет назад
я разозлился
и стал пиратом.

Плавал,
грабил,
убивал,
жег корабли.

Шпагой
выкололи мне глаз —
стал носить черную повязку.
Саблей
отрубили мне руку —
стал запихивать рукав за пояс.

Ядром
оторвало мне ногу —
стал ковылять с деревяшкой.

Но все грабил,
все убивал,
все злился.

Наконец
пуля попала мне точно в переносицу,
и я помер легкой смертью.
Привязали ядро
к моей оставшейся ноге
и бросили меня в море.

Стою на дне,
весь черный от злобы.
Рыбы нюхают меня,
но не жрут.

Стою и припоминаю,
из-за чего я разозлился.

Триста лет стою —
не могу припомнить.

Анна Болейн

Все-таки странно:
дочь ее, Елизавета,
вырастет дурнушкой,
а сама она – красавица писаная.

Я знаю,
что ее ждет,
но между нами широченная пропасть,
которую не перепрыгнуть.

И я кричу на ту сторону:

– Спасите!
Спасите Анну Болейн!
Она же погибнет!

Но ветер времени
относит мой голос
и какие-то испанцы
кричат из шестнадцатого века:

– К чертям!
К чертям Анну Болейн!
Пусть погибает!

Фридрих Барбаросса

Как известно,
Фридрих Барбаросса утонул в речке.

Кольчуга была тяжелой,
а Фридрих был навеселе.
И вот результат:
храбрый Фридрих Барбаросса
утонул в неглубокой речке.

Но все же
как могло случиться,
что отважный Фридрих Барбаросса
утонул в какой-то паршивой речушке?

Трудно себе представить,
что грозный, рыжебородый Фридрих Барбаросса
утонул в какой-то жалкой канаве!

Нет, просто невозможно себе представить,
что сам бесподобный Фридрих Барбаросса
утонул в какой-то грязной луже,
так и не добравшись до гроба господня!

В ту ночь

В ту ночь мы слегка выпили.

– Вот послушай! – сказал Альбий. —

«Паллы шафранный покров, льющийся к нежным стопам,
Пурпура тирского ткань и сладостной флейты напевы»¹.

– Неплохо, – сказал я, —

но ты еще не нашел себя.

Скоро ты будешь писать лучше.

– Пойдем к Делии! – сказал Альбий,

и мы побрели по темным улицам Рима,

шатаясь

и ругая раба

за то, что факел у него нещадно дымил.

– Хороши! – сказала Делия,

встретив нас на пороге.

– Нет, ты лучше послушай! – сказал Альбий. —

«Паллы шафранный поток, льющийся к дивным стопам,
Тирского пурпура кровь и флейты напев беспечальный».

– Недурно, – сказала Делия, —

но, пожалуй, слишком красиво.

Раньше ты писал лучше.

В ту ночь у Делии

мы еще долго пили хиосское,

хотя я не очень люблю сладкие вина.

Под утро Альбий заснул как убитый.

– Ох уж эти мне поэты! – сказала Делия.

– Брось! – сказал я. —

Разве это не прекрасно:

«Паллы шафранные складки, льнущие к милым коленям,
Пурпура тусклое пламя и флейты томительный голос!»?

¹ Тибулл. Элегии, кн. I. Эллегия VII. Перевод Л. Остроумова

Чакона Баха

Я еще не слышал чакону Баха,
и нет мне покоя.

Сижу в сквере на скамейке,
и какая-то бабка в валенках
говорит мне сокрушенно:
– Касатик,
ты еще не слышал
гениальную чакону Баха,
это же великий грех!

Подхожу к пивному ларьку,
встаю в очередь,
и вся очередь возмущается:
– Этот тип
не слышал
грандиозную чакону Баха!
Не давать ему пива!

Выхожу к заливу,
сажусь на парапет,
и чайки кружатся надо мной, крича:
– Неужели он и впрямь не слышал
эту удивительную чакону Баха?
Стыд-то какой!

И тут ко мне подбегает
совсем крошечная девочка.

– Не плачьте, дяденька! —
говорит она. —

Я еще тоже не слышала
эту потрясающую чакону Баха.
Правда, мама говорит,
что я от этого плохо расту.

Сизиф

Сажусь в метро
и еду в подземное царство
в гости к Сизифу.

Проезжаем какую-то мутную речку —
вроде бы Ахеронт.
У берега стоит лодка —
вроде бы Харона.
В лодке бородатый старик —
вроде бы сам Харон.

На следующей остановке
я выхожу.

Сизиф, как и прежде,
возится со своей скалой,
и грязный пот
течет по его усталому лицу.

— Давай вытру! — говорю я.
— Да ладно уж, — говорит Сизиф, —
жалко платок пачкать.

— Давай помогу! — говорю я.
— Да не стоит, — говорит Сизиф, —
я уже привык.

— Давай покурим! — говорю я.
— Да не могу я, — говорит Сизиф, —
работы много.

— Чудак ты, Сизиф! — говорю я, —
Работа не волк,
в лес не убежит.

— Да отстань ты! — говорит Сизиф. —
Чего пристал?

— Дурак ты, Сизиф! — говорю я. —
Дураков работа любит!
— Катись отсюда! — говорит Сизиф.
Катись, пока цел!

Обиженный,
сажусь в метро
и уезжаю из подземного царства.

Снова проезжаем Ахеронт.
Лодка плывет посреди реки.
В лодке полно народу.
Харон стоит на корме
и гребет веслом.

В музее

У богоматери
было очень усталое лицо.

– Мария, – сказал я, —
отдохните немного.
Я поддержу ребенка.

Она благодарно улыбнулась
и согласилась.

Младенец
и впрямь был нелегкий.
Он обхватил мою шею ручонкой
и сидел спокойно.

Подбежала служительница музея
и закричала,
что я испортил икону.

Глупая женщина.

Волшебница

Шел медленный крупный снег.

Я ждал долго

и совсем окоченел.

Она пришла веселая

в легком летнем платье

и в босоножках.

— С ума сошла! — закричал я. —

Снег же идет! —

Она подставила руку снежинкам,

они садились на ладонь

и не таяли.

— Ты что-то путаешь, —

сказала она, —

по-моему, это тополиный пух. —

Я пригляделся, и правда —

тополиный пух!

— Ты просто волшебница! —

сказал я.

— Ты просто ошибся! —

сказала она.

Весенние стихи

* * *

Помимо всего остального
существует весна.

Если поглядеть на нее,
то можно подумать,
что она спортсменка —
она худоцава,
длиннонога
и, судя по всему,
вынослива.

Если поговорить с ней,
то можно убедиться,
что она неглупа —
она никому
не верит на слово
и обо всем
имеет свое мнение.

Если же последить за нею,
то можно заметить,
что у нее мужские повадки —
она охотница
и любит густые дикие леса,
где отошавшие за зиму медведи
пожирают сладкую прошлогоднюю клюкву.

Она приходит
под барабанный бой капелей,
и тотчас
весь лед на Неве
становится дыбом,
и тотчас
все девчонки выбегают на улицу
и начинают играть в «классы»,
и тотчас
происходит множество прочих
важных
весенних событий.

Поэтому весна
необычайно популярна.

* * *

В начале весны
появляется неодолимая потребность
бедокурить:
 щекотать
гранитных львов,
 дразнить
гипсовых грифонов,
 пугать
мраморных лошадей
 и дергать за ногу
бронзового графа Орлова,
восседающего у ног
бронзовой Екатерины Второй.

В начале весны
возникает намеренье жить вечно.
 Но как осуществить
 это безумное намеренье?

Спросил гранитных львов —
 они не знают.
Спросил гипсовых грифонов —
 они тоже не знают.
Спросил мраморных лошадей —
 и они не знают.
Спросил бронзового графа —
 он и понятия об этом не имеет.

* * *

Я говорил ей:
 не мешайте мне,
 я занят важным делом,
 я влюбляюсь.
Я говорил ей:
 не отвлекайте меня,
 мне нужно сосредоточиться —
 я же влюбляюсь.
Я говорил ей:
 подождите немного,
 мне некогда,
 я же влюбляюсь в вас!
Мне надо здорово
в вас влюбиться.

— Ну и как? — спрашивала она. —

Получается?
– Ничего, – отвечал я, —
 все идет как по маслу.
– Ну что? – спрашивала она. —
 Уже скоро?
– Да, да! – отвечал я. —
 Только не торопите меня.
– Ну скорее же, скорее! – просила она. —
 Мне надоело ждать!
– Потерпите еще немножко, – говорил я, —
 куда вам спешить?
– Но почему же так долго? – возмущалась она. —
 Так ужасно долго!
– Потому что это навсегда, – говорил я, —
 потому что это навеки.
– Ну, теперь-то уже готово? – спрашивала она. —
 Сколько можно тянуть?
– Да, уже готово, – сказал я
 и поглядел на нее
 влюбленными глазами.
– Не глядите на меня так! – сказала она. —
 Вы что,
 с ума сошли?

Целый день

Я решил тебя разлюбить.

Зачем, думаю,
мне любить-то тебя,
далекую —

ты где-то там,
а я тут.

Зачем, думаю,
мне сохнуть по тебе —

ты там с кем-то,
а я тут без тебя.

К чему, думаю,
мне мучиться —
разлюблю-ка я тебя,
и дело с концом.

И я тебя разлюбил.

Целый день
я не любил тебя ни капельки.

Целый день
я ходил мрачный и свободный,
свободный и несчастный,
несчастный и опустошенный,
опустошенный и озлобленный,
на кого — неизвестно.

Целый день
я ходил страшно гордый
тем, что тебя разлюбил,
разлюбил так храбро,
так храбро и решительно,
так решительно и бесповоротно.

Целый день
я ходил и чуть не плакал —
все-таки жалко было,
что я тебя разлюбил,
что ни говори,
а жалко.

Но вечером
я снова влюбился в тебя,
влюбился до беспамятства.
И теперь я люблю тебя
свежей,

острой,
совершенно новой любовью.

Разлюбить тебя больше не пытаюсь —
бесполезно.

В порыве отчаянья

В порыве невыносимого отчаянья
я схватил телевизионную башню
высотой в триста метров
и швырнул это сооружение
к ее ногам.

Но она и глазом не моргнула.
— Спасибо, — сказала она, —
пригодится в хозяйстве.
 (Практична она
 до ужаса.)

— А как же телевиденье? —
спросил я, слегка оробев.
— А как угодно, — сказала она
и улыбнулась невинно.
 (Эгоистка она —
 таких поискать!)

В порыве слепого отчаяния
я набросал к ее ногам
гору всяких предметов.

— Бросай, бросай! —
говорила она.

Я и бросал
Вспотел весь.

Озорство

Утром она исчезла.

Дома ее не было,
на работе ее не было,
в городе ее не было,
в стране ее не было,
за границей ее не было,
на Земле ее не было
и в Солнечной системе тоже.

Куда ее занесло? —
подумал я со страхом.

Вечером она появилась
как не в чем ни бывало.

Где была? – спрашиваю.
Молчит.
Чего молчишь? – спрашиваю.
Не отвечает.
Что случилось? – спрашиваю.
Смеется.

Значит ничего не случилось.
Просто озорство.

Хвастун

Стоит мне захотеть, —
 говоря, —
и я увековечу ее красоту
в тысячах гранитных,
бронзовых
и мраморных статуй,
и навсегда останутся во вселенной
ее тонкие ноздри
и узенькая ложбинка
снизу между ноздрей —
 стоит мне только захотеть!

Экий бахвал! —
 говорят. —
Противно слушать!

Стоит мне захотеть, —
 говоря, —
и тысячелетия
будут каплями стекать
в ямки ее ключиц
и высыхать там,
не оставляя никакого следа, —
 стоит мне лишь захотеть!

Ну и хвастун! —
 говорят. —
Таких мало!

Тогда я подхожу к ней,
целую ее в висок,
и ее волосы
начинают светиться
мягким голубоватым светом.

Глядят
и глазам своим не верят.

Накатило

Накатило,
обдало,
ударило,
захлестнуло,
перевернуло вверх тормашками,
завертело,
швырнуло в сторону,
прокатилось над головой
и умчалось.

Стою,
отряхиваюсь.
Доволен – страшно.

Редко накатывает.

Возвышенная жизнь

Живу возвышенно.
Возвышенные мысли
ко мне приходят.
Я их не гоню,
и мне они смертельно благодарны.

Живу возвышенно.
Возвышенные чувства
за мною бегают,
как преданные псы.
И лестно мне
иметь такую свиту.

Живу возвышенно,
но этого мне мало —
все выше поднимаюсь постепенно.
А мне кричат:
– Куда вы?
Эй, куда вы?
Живите ниже —
ведь опасна для здоровья
неосмотрительно возвышенная жизнь!

Я соглашаюсь:
– Разумеется, опасна, —
и, чуть помедлив,
продолжаю подниматься.

Факел

Вышел из трамвая —
пахнет гарью.
Потрогал голову —
так и есть:
волосы на голове моей
полыхают.

Так и шел по Садовой
как факел.
Было светло и весело
мне и прохожим.

Так и пришел к Лебяжьей канавке.
Здесь и погас.

Загорюсь ли я снова?.
Как знать.

Светлая поляна

Мой добрый август взял меня за локоть
и вывел из лесу на светлую поляну.

Там было утро,
там росла трава,
кузнечик стрекотал,
порхали бабочки,
синело небо
и белели облака.

И мальчик лет шести или семи
с сачком за бабочками бегал по поляне.

И я узнал себя,
узнал свои веснушки,
свои штанишки,
свой голубенький сачок.
Но мальчик, к счастью,
не узнал меня.

Он подошел ко мне
и вежливо спросил,
который час.

И я ему ответил.
А он спросил тогда,
который нынче год.
И я сказал ему,
что нынче год счастливый.
А он спросил еще,
какая нынче эра.
И я сказал ему,
что эра нынче новая.

— На редкость любознательный ребенок! —
сказал мне август
и увел с поляны.

Там было сыро,
там цвели ромашки,
шмели гудели
и летала стрекоза.

Там было утро,
там остался мальчик
в коротеньких вельветовых штанишках.

Коктейль

Если взять
 тень стрекозы,
 скользящую по воде,
а потом
 мраморную голову Персефоны
 с белыми слепыми глазами,
а потом
 спортивный автомобиль,
 мчащийся по проспекту
 с оглушительным воем,
а после
 концерт для клавесина и флейты
 сочиненный молодым композитором,
и, наконец,
 стакан холодного томатного сока
 и пару белых махровых гвоздик,
то получится довольно неплохой
и довольно крепкий коктейль.

Его можно сделать еще крепче,
если добавить
вечернюю прогулку по набережной,
когда на кораблях уже все спят
и только вахтенные,
зевая,
бродят по палубам.

Пожалуй,
его не испортил бы
и телефонный звонок среди ночи,
когда вы вскакиваете с постели,
хватаете трубку
и слышите только гудки.

Но это уже
на любителя.

Белая ночь на Карповке

На берегу
тишайшей речки Карповки
стою спокойно,
окруженный тишиной
заботливой и теплой белой ночи.
О воды Карповки,
мерцающие тускло!
О чайка,
полуночица, безумица,
заблудшая испуганная птица,
без передышки машущая крыльями
над водами мерцающими Карповки!
Гляжу спокойно
на мельканье птичьих крыльев,
гляжу спокойно
на негаснущий закат,
и сладко мне
в спокойствии полнейшем
стоять над узкой,
мутной,
сонной Карповкой,
а чайка беспокойная садится
неподалеку
на гранитный парапет.
Все успокоилось теперь
на берегах
медлительной донельзя
речки Карповки.

Без эпитетов

Стальной,
торжественный,
бессонный,
кудреватый...

Я не люблю эпитетов,
простите.

Прохладно-огненный,
монументально-хрупкий,
преступно-праведный,
коварно-простоватый...

Я не люблю эпитетов —
увольте.

Да славится святая нагота
стихов и женщин!

Вот она,
смотрите!

вот шея,
вот лопатки,
вот живот,
вот родинка на животе,
и только.

И перед этим
все эпитеты бессильны.

Ведь ясно же,
что шея

бесподобна,
лопатки

сказочны,
живот

неописуем,
а родинка

похожа на изюминку.

Снег

Если запрокинуть голову
и смотреть снизу вверх
на медленно,
 медленно падающий
крупный снег,
то может показаться
бог знает что.

Но снег падает на глаза
и тут же тает.

И начинает казаться,
что ты плачешь,
тихо плачешь холодными слезами,
 безутешно,
 безутешно плачешь,
стоя под снегом,
трагически запрокинув голову.
И начинает казаться,
что ты глубоко,
 глубоко несчастен.

Для счастливых
это одно удовольствие.

Выдумщик

Придумаю себе врагов,
одарю их силой и храбростью,
брошу им вызов,
и мы сразимся.
 Битва будет жестокой,
 битва будет упорной,
 битва будет кровавой.
И когда враги меня одолеют,
я первым поздравлю их с победой.
 И я увижу врагов своих
 в сиянии славы
 и позавидую им.

Придумаю себе друзей,
наделю их умом и талантами,
приглашу их в гости,
и мы встретимся.
 Наша встреча будет торжественной,
 наша встреча будет радостной,
 наша встреча станет незабываемой.
И когда друзья соберутся уходить,
я провожу их с крыльца.
 И погляжу на друзей своих
 шагающих по дороге,
 и помашу им рукой.

Придумаю себе любимую,
подарю ей красоту и молодость,
назову ее звучным именем,
но она не полюбит меня.
 Моя любовь будет несчастной,
 моя любовь будет трагической,
 моя любовь будет безответной.
И когда моя любимая выйдет замуж,
я приду к ней на свадьбу.
 И я буду орать «горько»,
 пока не охрипну,
 и напьюсь с горя.

Впрочем,
не пойду я к ней на свадьбу,
это уж слишком.
 Дома посижу.

Так

– Не так, – говорю, —
вовсе не так.

– А как? – спрашивают.

– Да никак, – говорю, —
вот разве что ночью
в открытом море
под звездным небом
и слушать шипенье воды,
скользящей вдоль борта.
Вот разве что в море
под небом полночным,
наполненным звездами,
и плыть, не тревожась нисколько.
Вот разве что так.

Иль, может быть, утром
на пустынной набережной,
поеживаясь от холода,
и смотреть на большие баржи,
плывущие друг за другом.
Да разве что утром
у воды на гранитных плитах,
подняв воротник пальто,
и стоять, ни о чем не печалясь.

Вот разве что так, – говорю, —
не иначе.

Журавль в небе

В руке у меня синица,
а журавль – во-о-о-н он! —
высоко в небе.

Ну и бог с ним.
Лучше синица в руке,
чем журавль в небе.
(Но как он хорош,
этот журавль!
Как длинны его крылья —
загляденье!)

Нет, не нужен мне
далекий журавль в синем небе,
обойдусь и синицей!
(Но как он летит,
как он машет крыльями —
красота!)

Нет, правда,
зачем мне какой-то журавль,
летающий в пустом безоблачном небе?
Я и глядеть на него не стану,
отвернусь.
(Но как он курлычет —
курлы-курлы-курлы!
Ах, черт, как он курлычет!
Хоть уши затыкай!)

В руке у меня синица,
пичужка жалкая,
а журавля уже и не слышно —
улетел.

Нет, нет,
ни к чему мне этот журавль!
Ну его к богу!

«Можно любить запах грибов...»

Можно любить запах грибов,
быстрые лесные речушки,
заваленные камнями,
и романсы Рахманинова.
Можно любить все это
и ни о чем не тревожиться.

Но я люблю просыпаться,
когда ночь на исходе,
когда и утро, и день
еще впереди
и когда вдалеке
кто-то скачет к рассвету,
не щадя коня —
кому-то всегда не терпится.

«Необъяснимо...»

Необъяснимо,
но ребенок
 так горько плачет
 у истока жизни.

Непостижимо,
но мужчина
 пренебрегает
 красотой созревшей жизни.

Невероятно,
но старик
 смеется радостно
 у жизни на краю.

«Что рассказать...»

Что рассказать
деревьям,
траве
и дороге?
Что показать
птицам?
Что подарить
камням?

Посторониться
и не мешать спешащим?
Поторопиться
и прийти самым первым?

Как полезно возникнуть!
Как увлекательно быть!
Как несложно исчезнуть!

Спотыкаясь о камни,
выбегаю к морю.

Оно зеленое,
оно колышется,
оно безбрежно,
оно предо мною.

Пригородный пейзаж 1986

1

День

Проснувшись,
хорошо начать день
с глубокого сладкого вздоха.
Встав,
неплохо продолжить день
широким решительным шагом.
Умывшись,
разумно взглянуть на день
твердым спокойным взглядом.
Позавтракав,
полезно наполнить день
неустанным бескорыстным трудом.
Пообедав,
нелишне украсить день
красивым благородным поступком.
Пужинав,
уместно закончить день
блаженным заслуженным отдыхом.
Засыпая,
недурно вспомнить прошедший день
с доброй мягкой улыбкой.
Во сне
приятно увидеть себя проснувшимся,
начинающим день
с глубокого
сладкого
вздоха.

Как ни странно

Однажды в понедельник
мне показалось,
что я существую.
Я очень удивился
и стал ждать вторника.
Во вторник
мои подозрения не рассеялись.
Я был совсем обескуражен.

В среду
мое существование стало и вовсе очевидным.
Я был потрясен.

С тех пор
я не нахожу себе места —
как ни странно,
я существую.

Я стою на набережной.
Передо мной Дворцовый мост,
а за ним мост Лейтенанта Шмидта,
а дальше уже нет мостов,
дальше, как ни странно,
уже Финский залив.

Я покупаю билет на Финляндском вокзале,
сажусь в электричку
и еду среди сосен на северо-запад.
И сосны, как ни странно,
расступаются в стороны.

А потом я иду по лесу.
Поют птицы,
Снуют муравьи,
и облака надо мной белые,
как ни странно.

Весенние советы

Послушайте, как поют птицы
на Елагином острове.
Послушайте радио —
передают прогноз хорошей погоды.
Послушайте, как плещется вода
в Фонтанке.
Не хотите слушать?
Но почему?

Посмотрите налево,
посмотрите направо.
Посмотрите какая красивая зеленая трава
растет в скверике
у Консерватории.
Не желаете смотреть?
И напрасно!

Понюхайте желтый одуванчик —
он только что распустился.

Понюхайте волосы девушки,
сидящей на скамейке, —
она не обидится.
Понюхайте-ка воздух —
чувствуете, как он пахнет?
Не чувствуете?
Не может быть!

«– Эй ты...»

– Эй ты,
поэт! —
крикнуло мне созвездие Лебедя. —
Напиши обо мне красиво!

– Эй ты,
поэт! —
крикнул мне сфинкс на набережной. —
Напиши обо мне загадочно!

– Эй ты,
поэт! —
крикнул мне башенный кран. —
Напиши про меня задушевно!

– Эй ты,
поэт! —
кричит мне продавщица мороженого. —
Напиши обо мне что-нибудь тепленькое!

Я сажусь
и пишу о созвездии Лебедя —
получается, кажется, красиво, —
и о сфинксе на набережной —
получается вроде бы загадочно, —
и про башенный кран —
выходит вполне задушевно, —
и для продавщицы мороженого —
вышло что-то очень теплое.

– Дурак ты,
поэт! —
говорит мне Литейный мост. —
Пиши, что душа просит!

Я взял
и написал это стихотворение.
Получилось ли оно —
не знаю.

Дети

Что же вы, дети,
так громко кричите?
Что же вы, дети,
так часто деретесь?
Что вы ревете,
несносные дети?

Сосредоточиться
нам дети не дают,
но и отчаянью
они нас не подпустят.
Уединиться дети
не дают,
но облениться
тоже не позволяют.
Ни дня покоя
дети не дают,
но вдохновению
они не мешают.

Что же вы, дети, умолкли?
Орите!
Что же вы, дети, притихли?
Деритесь!
Что вы не плачете,
милые дети?

И почему вы так быстро взрослеете?
Что вы торопитесь,
глупые дети?

Вместо того

Вместо того
чтобы спать до полудня,
он вставал с рассветом
и принимался за дело.

Вместо того,
чтобы сидеть на крылечке,
он бродил по лесам
и гляделся в озера.

Вместо того
чтобы стать счастливым,
он делал счастливым

каждого встречного.

Вместо того
чтобы считать ворон,
он творил зачем-то
подлинные шедевры.

Вместо того
чтобы о нем позабыть,
все его отлично помнят
почему-то.

Красота

Я восхищаюсь ею,
а она грозит мне кулаком
(запугать хочет),
потом хватает иерихонскую трубу
и трубит в нее
что есть мочи
(оглушить хочет),
потом подбегает
и бьет меня по глазам
тонким прутиком
(ослепить хочет),
потом изменяет черты
и притворяется безобразной
(одурачить хочет),
а потом исчезает
и долго-долго не появляется
(испытать меня хочет),
но я все равно восхищаюсь ею
(зря старается).

Бессовестные

Веселые они люди —
бессовестные.

Спросишь:
— И не совестно вам?
— Нет, — отвечают, —
не совестно! —
И улыбаются.

Удивишься:
— Неужто и впрямь
совсем у вас совести нет?
— Да, — говорят, —

ни капельки нет! —
И смеются.

Полюбопытствуешь:
— Куда же вы ее дели,
 совесть-то свою?
— Да у нас и не было ее, — говорят, —
никогда не было! —
И хохочут.

Отойдешь в сторонку
и задумаешься.

Машина времени

Тетка в синем переднике
сдирает со стен старые афиши.
Они отдираются слоями.
Обнажаются:
 название выставки,
 которая уже давно закрыта,
 фотография клоуна,
 который умер месяц назад,
 и фамилия дирижера,
 уже закончившего свои гастроли.
Тетка в синем переднике
поворачивает время вспять.

Содрав старые афиши,
тетка мажет стену клеем
и наклеивает новые.
Появляются:
 название театральной премьеры,
 которая еще не состоялась,
 портрет иноземной певицы,
 которая еще не приехала в город,
 и дата открытия цирка,
 который еще не построен.
Тетка в синем переднике
открывает тайны грядущего.

Так зачем же вам машина времени,
скажите на милость?

Говорящая птица

Какая-то птица кричит – пустите!
Пустите!
Пустите!

Пустите!
Пустите!
Куда же пустить тебя,
странная птица,
куда ты стремишься?

Но может быть, птица молит – простите?
Простите!
Простите!
Простите!
Простите!
За что же простить тебя,
бедная птица,
что ты натворила?

Иль, может быть, птица велит – грустите?
Грустите!
Грустите!
Грустите!
Грустите!
Зачем же грустить-то,
смешная птица?
Предадимся веселью!

А что, если птица кричит – спасите!
Спасите!
Спасите!
Спасите!
Спасите!
А что, если птице грозит опасность?

Я должен ее спасти.

История о том, как я одолел страшного кентавра и спас юную красавицу

Что я вижу!
Кентавр пристает к девице!
Наглый, грубый, лохматый кентавр
пытается обнять
миловидную, скромную, беззащитную девицу!

Что я делаю?
Я подхожу к кентавру
и говорю ему вежливо:
– Будьте добры,
оставьте в покое эту девушку!

Что делает кентавр?

Он угрожающе поднимает копыто
и говорит мне следующее:
– Иди ты в джунгли реки Амазонки,
в снега Земли Франца-Иосифа,
на дно Тускарорской впадины
и на вершину горы Джомолунгма!
Понял?

Что мне остается делать?
Не долго думая,
я щелкаю грубияна по носу
(не очень больно,
только для остратки).

Что происходит с кентавром?
Дико заржав,
он бросает девицу
и обращается в бегство
(стук его копыт
быстро затихает в отдалении).

Что говорит мне юная красавица? —
Вы мой спаситель! —
говорит она
(при этом слезы благодарности
выступают у нее на глазах).

А что говорю я?
– Пустяки! —
говорю я
(и при этом ковыряю землю
носком ботинка).

Каков же вывод
из этой волнующей,
неправдоподобной,
но совершенно подлинной истории?

Вывод прост:
нечего церемониться с кентаврами!

Влюбленные манекены

Вечером
я шел по проспекту.
В освещенной витрине магазина
стояли парень и девушка —
они наряжали елку.
Будто бы наряжали,

а на самом деле
объяснялись друг другу в любви.
Так мне казалось.
Так, наверное, казалось и всем.
Так оно, конечно, и было на самом деле.

Через день
я снова шел по вечернему проспекту.
В освещенной витрине
по-прежнему стояли парень и девушка,
делая вид, что наряжают елку.

— Сколько же можно выяснять отношения! —
подумал я вслух.
Вокруг меня засмеялись.
— Это же манекены! —
сказали мне. —
Каждый год в конце декабря
их ставят в этой витрине!

Мне стало грустно.
«Каждый год, — думал я, —
каждый год в декабре
эти влюбленные манекены
объясняются друг другу в любви
и никак не могут объясниться!
Каждый год в декабре
все глазают на них,
и им приходится притворяться,
будто они наряжают
эту дурацкую елку!»

«Куда же ты?..»

Куда же ты?
Туда, в запредельность.
Хочу поглядеть,
что там и как.
Ну и беги в свою запредельность,
коль охота!

Откуда ты?
Оттуда, из запредельности.
Черт знает, что там творится!
Вот видишь!
Посидел бы лучше в кресле
у горящего камина!

Куда же ты опять?

Туда, в неведомое.
Быть может,
тем меня ждут.
Ну и катись в свое неведомое,
ну и катись!

Откуда ты опять?
Оттуда, из неведомого.
Меня там никто не ждал.
Вот то-то!
Посидел бы лучше на бревнышке
в лесу у костра!

Но где же ты теперь?
Здесь, в непостижимом.
Давно собирался
сюда заглянуть.

Гордый

Человек не успел вскочить в автобус,
и ему прищемило ногу дверью.
Автобус тронулся,
и человек поскакал за ним
на одной ноге.

Все кричали:
– Остановите, остановите машину! —
А человек скакал за автобусом
и смущенно улыбался.
Все кричали:
– Откройте, откройте дверь! —
А человек и автобус
удалялись.

Когда дверь открылась,
человек не сел в автобус —
пошел пешком.

– Гордый! – сказали все.

А человек шел по улице
и блаженно улыбался.
А человек понял,
что ему некуда торопиться.

Жизнь и смерть бумажного листа

На асфальте

лежит большой измятый бумажный лист.
Налетает ветер.
Лист подпрыгивает
и плавно пролетает по воздуху
несколько метров
(наслаждается жизнью!).

Опустившись,
он застывает в красивой позе
(любуется собой!).

Потом он тихо ползет вдоль тротуара,
загребая опавшие листья
(делает вид,
что не прочь и поработать!).

Потом он катается по асфальту,
как мальчишка – по траве
(валяет дурака!).

Потом снова подпрыгивает
и летит куда-то в сторону
(предчувствует что-то недоброе!).

На лету
его сбивает грузовик
и подминает под свои колеса.

Раздавленный,
сплюснутый,
он еще подает признаки жизни,

но на него наезжает вторая машина,
и это
уже конец.

На асфальте
лежит мертвый бумажный лист.
Мир праху его!

Сушки

В полуверсте от рая
на зеленой лужайке
сидели два юных ангела
и грызли сушки.

– Не хотите ли сушек? —
сказал среброкудрый ангел.

– В раю сушек не купите! —
добавил златокудрый ангел.
– Спасибо! – ответил я
и двинулся в сторону ада
(зачем же мне рай без сушек?).

У самого входа в ад
на бурых камнях
сидели два старых черта
и лопали сушки.

– Могу предложить вам сушку! —
сказал свинорылый черт.
– В аду не достанете сушек! —
добавил козлоногий черт.
– Благодарствуйте! – сказал я
и направился прочь от ада
(без сушек крошечный ад
не нужен мне и подавно!).

Зашел в булочную
и купил кулек сушек.

Не надо мне ни рая,
ни ада —
обойдусь.

Простота

Все не так-то просто.
Все поразительно сложно,
обескураживающе сложно,
удручающе сложно,
утомительно сложно.
Все переплелось
перехлестнулось
запуталось,
перемешалось.

Куда же подевалась простота?

Да вот же она,
простота-душенька,
простота-лапушка!
Да вот же она,
красавица наша писаная,
красавица синеглазая!

Вот она, скромница,

стоит, опустив ресницы,
и тихонечко дышит.

Другу

Будь светел, милый друг,
не угасай,
будь светел!
Твой долг – сиять,
твой долг – всегда светиться.
Запомни: мир погибнет,
если ты
не будешь постоянно светел.

Когда вокруг светло,
ты не ленись —
будь неприметно,
но упорно светел.
Когда же вдруг
погаснут все огни —
один светись,
один сияй во мраке.

Пред ликом жизни
и пред ликом смерти
будь равно светел,
будь отважно светел.

Жизнь поглядит на тебя
и удивится,
и всплеснет руками,
и рассмеется.

Смерть подойдет к тебе
и смутится,
и остановится,
и помедлит.

И после смерти,
дорогой мой друг,
ты будь, как прежде,
неизменно светел!

Рукопожатие

Пустынная улица.
За мною кто-то идет —
слышен стук шагов.
Сворачиваю в переулок

и прибавляю шаг.

Пустынный переулок.
За мною по-прежнему кто-то идет —
шаги стали громче.
Сворачиваю во двор
и пускаюсь бегом.

Пустынный двор.
За мною кто-то бужит,
оглушительно топая ногами.
Посреди двора
я останавливаюсь.

Подбежав ко мне,
запыхавшийся человек
крепко пожимает мне руку.

– Извините, – говорит человек, —
но мне так хотелось
пожать кому-нибудь руку!

2

«как тяжелые авиабомбы...»

как тяжелые авиабомбы,
падают века в прошлое,
пробивая этажи истории
и взрываясь где-то далеко внизу.

Как пустые ящики из-под картишки,
падают годы
на сырое бетонное дно века
и там лежат,
пока не понадобятся.

Как дождевые капли,
капают дни на ладошку ребенка.
И он смеется —
щекотно ему.

Ивану Федоровичу Крузенштерну

Ваш гордый силуэт
эффектен.
Он темнеет
на фоне кранов
и багрового заката.

Чем восхищались вы,
скитаясь по морям,
пересекая океанские пространства?
Что потрясло вас
на дальних островах,
у побережий незнакомых континентов?
Не страшно ли
на Огненной Земле —
там все горит небось
и все черно от копоти?
Каков он, свет,
вокруг которого так долго
вы плыли, —
приглянулся ли он вам,
иль были вы слегка разочарованы?

Ваш силуэт
уже неразличим —
закат угас.

Но ведь не так уж дурно
стать бронзовым,
не так уж утомительно
стоять здесь,
на граните
у Невы,
сложивши руки на груди,
признайтесь!

«Малые Голландцы»

Глядя на полотна «малых голландцев»,
вспоминаю:

на этом стуле с высокой спинкой
я когда-то сидел
(удобный стул),
из этого бокала дымчатого хрусталя
пил темное пиво
(его вкус трудно позабыть),
этой салфеткой льняного полотна
вытер подбородок
(так и осталась она, смятая,
на столе),
в это окошко с цветными стеклами
я глядел на улицу
(по ней бродили бездомные собаки).

Как все хорошо сохранилось!

Но где же я сам?
Куда я делся?

Годами ишу себя
на полотнах «малых голландцев».

Грустная история

Афанасий Фет
читал свои стихи Марии Лазич.
Она ему нравилась.
Мария Лазич
по уши влюбилась в Афанасия Фета.
Стихи были дивные.
Афанасий Фет
расстался с Марией Лазич.
Она была бесприданница.
Мария Лазич

отомстила Афанасию Фету.
Взяла и померла.

Несчастный Фет
до гробовой доски
горевал о Марии Лазич.
Лучше ее
на этом свете
никого не оказалось.

Можно посмеяться
над доверчивой Лазич
и оправдать
вероломство Фета.
Можно посочувствовать
бедняжке Лазич
и возмутиться
поведением Фета
Можно пожалеть
и Фета, и Лазич.

Но трудно остаться равнодушным
к этой грустной истории,
которая произошла в прошлом веке
с полковым адъютантом Афанасием Фетом
и генеральской дочкой Марией Лазич.

Саломея

Как она пляшет!
О, как она пляшет,
чертовка!

Что же потребует она
в награду за свой танец?

Голову Иоанна!
Голову Иоанна!
Конечно, голову пророка Иоанна,
чего тут сомневаться.

И вот Саломее
подносят голову Иоанна
на серебряном блюде.

— Зачем вы суете мне эту мерзость? —
говорит Саломея. —
Я танцевала для собственного удовольствия,
я люблю танцевать.

– Ах вот как! —
кричит Ирод. —
Голова пророка ей не нужна!
Голова пророка ей омерзительна!
Так убейте же её!

И Саломею убивают.

А как она плясала!
О, как она плясая!

Отплясалась, голубушка.

Рядышком

Сядет рядышком
сущий болван
и бубнит мне в ухо
околесицу.

Сядет рядышком
истый мудрец
и молчит,
только носом посапывает.

Сел бы рядышком
Соловей-разбойник,
посвистел бы
часик-другой.

Сел бы рядышком
Христофор Колумб,
рассказал бы мне
про Америку.

Ахилл и Пентесилея

– Ахилл, голубчик,
пощади Пентесилею!
Ахилл, дружище,
зачем тебе мертвая Пентесилея?
Ахилл, подонок,
не тронь Пентесилею,
она ведь женщина!

Но дело сделано,
и Ахилл вытирает травой
свой окровавленный меч.

Остается оно —
убить Ахилла.

– Погляди же, Ахилл, на эту парочку,
которая целуется в парадном, —
ты умрешь,
а они будут целоваться здесь
до утра.

Поглядел?
Подставляй пятку.

Просил же я тебя по-дружески:
пощади Пентесилею!
Спрашивал же я тебя по-человечески:
на кой черт тебе мертвая Пентесилея?
Сказал же я тебе русским языком:
не тронь Пентесилею,
она еще девчонка!

Подведем итоги:
Ахилл убил Пентесилею,
я убил Ахилла.
Сейчас и меня убивать будут.

Говорил же я себе, дураку:
не лезь ты в Троянскую войну!

«На фанерном жеребце вы никогда не скакали?..»

На фанерном жеребце вы никогда не скакали?
– Нет.
А на жестяной кобыле?
– Тоже нет.

С незнакомыми тополями вы не здороваетесь?
– Нет.
А со знакомыми липами?
– К сожалению, нет.

Вчерашний дождь вы в переулке не встретили?
– Нет.
А прошлогодний туман?
– Разумеется, нет.

Ветхие стены вы плечами не подпираете?
– Нет.
А падающие башни?

– Упаси бог!

Графу Милорадовичу вы письма не пишете?

– Нет.

А Лидии Чарской?

– Тем более!

Так что же вы мне голову-то морочите!

«Я боюсь ходить по Невскому...»

Я боюсь ходить по Невскому.
Каждый раз
Казанский собор кричит мне:
– Привет, дружище!
Как давно мы не видались! —
и так обнимает меня
каменными ручищами,
что у меня трещат кости.

Однажды я не вытерпел
и сказал ему:
– Дорогой мой,
твои объятия несколько тяжеловаты.
Обнимал бы лучше
Александровскую колонну.

Он обиделся.

Но чем плоха Александровская колонна?
Не понимаю.

Кармен

Она танцевала на площади
рядом с таверной.
Она танцевала с белым веером
и в красной юбке.
Она танцевала босиком
на каменных плитах.
Нет,
никогда я не видел,
чтобы цыганка так танцевала,
честное слово!
Она целовала меня
всю ночь напролет.
Она целовала меня неумело и робко,
как девчонка.
Она целовала меня жадно и яростно,

как женщина.

Нет,
ни одна женщина
меня так не целовала,
честное слово!

Но когда я спросил ее,
она ухмыльнулась и пожала плечами.
Но когда я спросил ее,
она отвернулась и ничего не ответила.
Но когда я спросил ее в последний раз,
она рассмеялась мне в лицо.

Нет,
не зло,
весело так рассмеялась,
честное слово!

Там, на площади,
рядом с таверной под яркой вывеской,
там, на площади,
среди апельсиновых корок на каменных плитах,
там, на площади
лежит белый веер.

Нет,
не белый —
красный.
Но раньше он был белый —
честное слово!

Старинное оружие

Можно сражаться новейшим оружием,
но старинное понадежнее.

Наденешь наручни
с тонкой насечкой,
наденешь кирасу
с изображением Марса,
наденешь позолоченный шлем
с пышным султаном,
вооружишься до зубов —
и кинешься в бой за правду.

Одного
насквозь проткнешь алебардой,
другого
зарубишь одноручным мечом
третьего
в упор застрелишь из аркебузы,
а четвертый
и сам наткнется на твой кинжал

для левой руки.

Но пятому удастся задеть тебя
очередью из автомата.

Обливаясь кровью,
теряя последние силы,
ты будешь биться до конца.

Окруженный разъяренными врагами,
заколешься острым граненым стилетом.

Но ты убедишься —
прекрасно погибнуть за правду.

«Что же ты...»

Что же ты,
ветер,
листву не колышешь?
 Что-то,
 брат ветер,
 ты обленился.

Что же ты,
прачка,
белье не полощешь?
 Что —
 тебе, прачка,
 руки свело?

Что же ты,
леший,
из лесу вылез?
 Что тебе,
 леший,
 в лесу не сидится?

Что же ты,
Каин,
такой невеселый?
 Что —
 тебе, Каин,
 Авеля жалко?

В лунном свете

Не прогуляться ли нам,
 Гретхен,
в лунном свете,
в стране подлунной,
по дороге лунной,

в лесу,
полузатопленном луною?

Не искупаться ли нам,
Гретхен,
в лунном свете,
в прохладном свете,
в горьковатом свете?
Не поплескаться ли
в прозрачном этом свете,
сиренью пахнущем
и корочкой лимонной?

Не пробежаться ли нам,
Гретхен,
по лучу,
по голубому тонкому лучу,
по тонкой и прямой блестящей спице,
лежащей на коленях у лунной ночи?

Не покружиться ли нам,
Гретхен,
в лунном танце,
в хрустальном танце,
в полуночном танце?

Не почитать ли нам,
о Гретхен,
в лунном свете,
в печальном свете
сказки братьев Гримм
про королей,
принцесс
и колдунов,
про Эльзу мудрую,
про Гензеля и Гретель?

Ах, как прекрасны,
Гретхен,
в лунном свете
серебряные сказки
братьев Гримм!

Мумия ребенка

В музее
я обнаружил маленький детский трупик
под стеклянным колпаком.
Внизу была надпись:

«Мумия ребенка
в льняных пеленах
со следами позолоты».

«Бедный ребенок! – подумал я. —
Бедный древний ребенок
в льняных пеленах
со следами позолоты!»
И опечалился.

Выходя из музея
я встретил туристов.
– Не ходите туда, – сказал я, —
там лежат останки ребенка
в простых льняных пеленах
со следами скромной позолоты, —
это очень грустно. —
Туристы послушались
и повернули обратно.

В автобусе
кто-то не очень вежливо
пихнул меня в бок.
– Вот вы пихаетесь, – сказал я, —
а там, в музее,
под стеклянным колпаком
покоится совсем сухой ребенок
в узких льняных пеленах
со следами скудной позолоты! —
И тот, кто пихнул меня,
устыдился.

Придя домой,
я прочел в газете,
что в Пакистане идет борьба
не на жизнь, а на смерть.
– Если б они знали! – вздохнул я. —
Он же совсем беззащитный
и к тому же давным-давно мертвый,
этот египетский ребенок
в серых льняных пеленах
со следами тусклой позолоты!

Друзья мне сказали:
– Тебе надо отдохнуть.
Поезжай к теплому морю
и валяйся на теплом песке.
– Вы что, смеетесь? – ответил я. —
Он же остается совсем один

под своим стеклянным колпаком,
этот маленький беспомощный ребенок
в плотных льняных пеленах
со чуть заметными следами позолоты!

– Он рехнулся! – решили все
и оставили меня в покое.
Но о покое я теперь и не думаю.
Угораздило же меня
влипнуть в историю
с этим злополучным древнеегипетским ребенком
в этих дурацких льняных пеленах
со следами
никому не нужной позолоты!

К вопросу о французском престолонаследии

А я и не знал,
что у Карла Лысого
был наследник – Людовик Заика!
Занятно!

Мне и в голову не приходило,
что после Карла Лысого
королем стал Людовик Заика!
Вот смех!

Признаться, что даже не верится,
что после Карла Лысого
Францией правил Людовик Заика!
Ей-богу, не верится!

Но что с того,
что Карла Лысого
сменил на престоле Людовик Заика?
Мне-то какое дело?
Да плевать я хотел
и на этого Карла,
и на этого Людовика,
и на французский престол!
Пропади они пропадом,
все французские монархи,
все Карлы и все Людовики!
Ну их к лешему!

И все же забавно,
что преемником Карла Лысого
оказался Людовик Заика.

Сильно небось заикался,
бедняга.

Бессмертный Карло

*«Карло Кривелли. Упоминается 1457 года...»
Подпись под репродукцией.*

Венецианец Карло Кривелли
упоминается с середины пятнадцатого столетия,
но ранее
о нем не было ни слуху ни духу.
Где же ты раньше был,
уважаемый Карло?
Где ты скрывался?

Венецианский живописец Карло Кривелли
упоминается ныне довольно часто,
хотя он помер
пятьсот лет назад.
В чем тут секрет,
любезный Карло,
скажи мне,
не скрытничай!

Венецианский живописец Раннего Возрождения
Карло Кривелли
будет упоминаться еще долго —
его не забудут, пока существует мир.
Ведь это бессмертие,
милейший Карло!
Ты что —
не рад?
Или ты полагаешь,
что мир долго не протянет?

А ты пессимист,
дорогой мой Карло,
как я погляжу.

Чужая муза

Я заметил,
что ветви деревьев в Летнем саду
образуют узор
весьма изысканный,
но лишенный претензии,
что все статуи Летнего сада
одеты не по сезону

и им не избежать
простудных заболеваний,
что бесчисленные рыболовы,
расположившиеся с удочками у Летнего сада,
величаво спокойны
и уверены в полном успехе,
хотя у них не клюет.

Мимо меня по аллее
протопала моя муза —
сделала вид,
что меня не заметила
(строптивая досталась мне муза).

Я окликнул ее по имени —
она притворилась,
что не слышала
(несносная попалась мне муза).

Я догнал ее и схватил за руку —
она обернулась,
и я понял, что обознался
(это была чужая муза).

Много всяких муз
бродит по аллеям Летнего сада —
не мудрено и обознаться.

3

Пригородный пейзаж

Голубое небо
в белую полосу,
слегка измятое по краям.

Желтовато-зеленое
поле ржи
с синими кляксами васильков.

Труба электростанции,
высокая и толстая,
горделиво торчащая из-за холма.

Пестрый жучок
с длинными усами,
неподвижно сидящий на моем рукаве.

Жучок любит пригородным пейзажем.

Стою не шевелясь,
чтобы ему не мешать.

Анастасия Вяльцева

1

В младенчестве,
завидя цветы,
тянулась к ним
и смеялась радостно.

Подросла —
собирала в поле цветы,
пела
и смеялась беспечно.

Выросла —
ей стали дарить цветы, —
она говорила «спасибо»
и смеялась смущенно.

На концертах
ее засыпали цветами,
и, выбираясь из цветов,
она смеялась от счастья.

На ее могилу

бросали охапки цветов, —
так она и осталась
там, под цветами.

2

Со старой поцарапанной пластинки
струится ее нестареющий голос.
На старой выцветшей фотографии
белеет ее молодое лицо.
По ночам она приходит ко мне,
шурша юбками,
садится на край постели
и сидит до утра.
Целый день в моей комнате
стоит запах ее крепких духов.
А под вечер я отправляюсь на кладбище
и кладу цветы
на ступени ее мавзолея.

Удивительный голос!
Дивное лицо!
Первоклассные духи!
Роскошный мавзолей!

Только цветы у меня скромные —
васильки и ромашки.

«На стене обои...»

На стене обои.
На обоях цветы.
Между ними порхают бабочки.

Послушай, человек,
сдирающий со стены обои, —
зачем ты пугаешь бабочек?
Остановись, человек,
отдирающий со стены обои, —
зачем ты губишь цветы?
Опомнись, человек,
в клочья рвущий обои, —
оставь хоть один цветок!
Одумайся, человек,
ненавидящий старые обои, —
пощади хоть одну бабочку!
Прошу тебя, человек,
сорвавший со стены обои, —
не топчи их хотя бы!

На стене уже нет обоев.
На стене уже не растут цветы.
На стене уже не порхают бабочки.
Стена голая.
Подбираю с полу обрывок обоев
с одним цветком
и с одной бабочкой
и прячу его за пазуху.

Люблю,
знаете ли,
природу.

Облака

1

Хорошо,
 когда июнь еще в начале
 и лето не запаздывает.
Хорошо,
 когда день ветреный
 и – солнце.
Хорошо,
 когда округлые упитанные облака
 быстро летят к горизонту
 и там долго толпятся —
 дальше их почему-то не пускают.
Хорошо,
 когда молоденькая осина
 тянется за облаками всем телом
 и просит: возьмите,
 возьмите меня с собой!
Мне очень хочется туда,
 где горизонт!

Но ее не берут,
и это тоже хорошо —
пусть подрастет.

2

Предаваясь погоне за облаками,
нельзя забывать о следующем:
утренние облака
легки и подвижны,
а вечерние

тяжелы и медлительны.
Настигнутое вами облако
попытается защищаться,
имейте это в виду.

Пойманные облака
немедленно выпускайте,
не томите их в неволе.

И снова,
снова ловите
летящие вдаль облака,
не ленитесь!

3

Привлекают внимание
облака странных очертаний
и цвета, не поддающегося описанию.
Приводят в умиление
юные утренние облака,
неопытные и трогательно застенчивые.
Вызывают восторг
грандиозные вечерние облака,
громоздящиеся над притихшем морем.
Внушают опасение
мрачного вида облака,
кого-то поджидающие на горизонте.
Полуденная зрелость облаков,
степенно проплывающих над городом,
вселяет уверенность и спокойствие
в сердца неуверенных и беспокойных.

4

Сегодня насчитал я сорок пять
внимания достойных облаков —
пятнадцать светлых
и двенадцать темных,
и двадцать восемь
темных только снизу,
а сверху светлых,
нежных и приятных
на ощупь.

Облака считая,
провел я годы лучшие.
Как славно,
что не были безоблачны они!

«Были земля и небо...»

Были
земля и небо.

Были
человек и птица.

Земля простиралась над небом
и была хороша.

Небо размещалось над землею
и было бездонным.

Человек стоял на земле
и был с ружьем.

А птица летала в небе
и была счастлива.

Человек, прицелясь,
выстрелил в птицу.

Птица камнем
упала на землю.

Земля покрылась
птичьими перьями.

А небо от выстрела
раскололось пополам.

Поди теперь докажи,
что земля и так была замусорена,
что небо издревле было с трещиной,
что человек не был слишком жесток,
а птица была неосмотрительна!

Попробуем склеить небо
и воскресить птицу.
Попытаемся обезоружить человека
и подмести всю землю.

О, если бы это удалось!

Ведь тогда
до скончания веков
в синем бездонном небе
летала бы белая счастливая птица
и на прибранной, чистой земле
стоял бы человек
без ружья!

Черная корова

По полю скачет
 черная корова,
задравши хвост.
По травам скачет
 резвая корова
и по цветам —
 по кашке,
 по сурепке,
 по ромашкам,
 по незабудкам
 и по василькам.

По лесу скачет
 черная корова
во весь опор.
По кочкам скачет
 странная корова
и по кустам,
 по пням,
 по мхам,
 по вереску,
 по клюкве
 и по чернике.

По небу скачет
 шалая корова,
по облакам.
Галопом скачет
 шустрая корова,
и хоть бы что!

Коровий хвост,
как черный флаг пиратский,
грозит бедой —
разбоем и убийством.

Ты что, рехнулась,
 глупая корова?
Уймись!

Крымские стихи

Ялта

Лестницы, крыши, балконы, веранды,
киоски, вывески, белье на веревках,

парни, девицы, старики, ребяташки,
голуби, чайки, воробьи, вороны,
кошки, собаки, катера, теплоходы,
пинии, платаны, магнолии, кипарисы,
фонари, скамейки, троллейбусы, такси,
персики, сливы, арбузы, помидоры —
все смешалось
в подоле у большого
синего моря.

Запускаю руку в подол
и вытаскиваю из него
то румяный лохматый персик
с зеленым листочком,
то желтый спасательный катер
с флажком на корме,
то круглую шишку кипариса
с удивительным запахом,
то старинный деревянный балкон
с затейливой резьбой,
то юную красавицу
в прозрачном комбинезончике
и туфлях на тончайшем
высоком каблукке —
словом,
что попадется.

Белый теплоход

Когда огромный теплоход
уходит в море,
становится как-то грустно.
Лучше бы он не уходил.
Когда огромный белый теплоход
входит в порт,
становится радостно.
Наконец-то он вернулся!
Когда красавец теплоход
долго стоит в порту,
становится слегка досадно —
почему он никуда не плывет?
Когда же его долго нет,
возникает тревога —
куда он запропастился?

Вдруг его погубил шторм
где-нибудь у берегов Индии?
Или он наткнулся на айсберг
невдалеке от Исландии?

Или его занесло на мель
у Канарских островов?
Но вот он снова входит в порт,
все такой же белоснежный
и величественный.
И я говорю ему:
– Здравствуй!
Хорошо ли поплавал?

Счастливчик

Плавая
у подножия величавых скал
и глядя снизу
на тела пролетающих чаек,
трудно удержаться от соблазна
и не вообразить себя
чуть-чуть счастливым.
Я и не удержался.

Потом я осмелел
и даже вообразил себя
вполне счастливым.
Мне это удалось.

А после я совсем обнаглел
и попытался представить себе,
что я безмерно,
безумно,
безоглядно счастлив.
И у меня это тоже
получилось неплохо.

Ошеломляюще,
оглушающе,
обезоруживающе счастливый,
долго я плавал около скал,
и чайки,
завидя меня,
вскрикивали от изумления.

Морские заботы

У моря
свои заботы.

Морю надо биться о скалы,
веками надо биться о скалы,
окатывая их белой пеной,
подтачивая их.

Морю надо качать корабли,
усердно, подолгу качать корабли,
накрывая их то влево, то вправо,
вздымая то нос, то корму.

Море должно шуметь и сердиться,
и брызгаться, и развлекать ребятишек,
выбрасывая на мокрую гальку
зазевавшихся крабов.

Мне бы, признаться,
морские заботы!

Уж я бы тогда
 побился о скалы!
Уж я бы тогда
 покачал корабли!
Уж я бы тогда
 швырял на камни
огромных кальмаров
и осьминогов,
а также остатки старинных
 галер,
 каравелл,
 галеонов,
 фрегатов
 и бригов!

А крабы —
эка невидаль!

Внезапное утро

Ходили слухи,
что утро придет
рано или поздно,
 но я не верил.
Когда оно пришло,
я растерялся —
утро застало меня
 врасплох.

Я стоял перед ним и молчал,
а оно разглядывало меня
с любопытством.

— Что ты делал всю ночь? —
поинтересовалось оно,

и я покраснел, как рак.
– Неужто ты спал! —
вскричало утро,
и я побелел, как полотно.
– А что тебе снилось? —
спросило утро,
и я ответил чистосердечно:

– Мне снился вечер,
теплый летний вечер,
после дождя.

Белые джунгли

Мороз изобразил на окне
дремучие белые джунгли.

В них раздавались трели
диковинных белых птиц.
По ним разносился запах
редкостных белых цветов.
Из них неожиданно вылез
большущий белый тигр
и от души поздравил меня
с Новым годом.

Я накормил его ветчиной,
он и ушел,
мурлыча.

Совсем белый тигр,
только нос розовый.

«И вдруг...»

И вдруг —
о чудо! —
вдруг она возникла
со мною рядом
на скамейке под каштаном
в потертых джинсах,
в желтой безрукавке,
с руками тонкими,
с огромными глазами,
в которых отражались кипарисы
и небо блеклое
(неяркий был денек).

– Откуда вы? —

воскликнул я в смятенье. —
Откуда вы?
Уму непостижимо!

Она ответила:
— Оттуда же, поверьте,
откуда я и раньше возникала, —
из той манящей бесконечной перспективы,
которую вы любите,
я знаю,
чуть больше, чем меня,
но я не злюсь —
любите ради бога
бесконечность!

И я,
склонясь,
поцеловал ей руку
на старой облупившейся скамейке
под величавым царственным каштаном,
глядевшим сверху
на нее и на меня
с улыбкой доброй
и немного снисходительной.
— Я тороплюсь, — она сказала
и исчезла.
— Куда же вы? —
я закричал ей вслед.

Издали донесся ее голос:
— Туда же,
все туда же,
в перспективу,
которую вы любите
так страстно!

— Какое дивное созданье! —
произнес
поблизости стоявший кипарис,
не проронивший за три года
ни словечка.

Сцилла и Харибда

Я спросил море:
— Сколько тебе лет?
— Не помню, —
ответило оно.
— А ты помнишь Одиссея, —

спросил я, —
того хитрого парня,
который так ловко проскочил
между Сциллой и Харибдой?
— Конечно помню! —
сказало море. —
Парень был хоть куда!
— Тогда запомни меня, пожалуйста, —
попросил я, —
и вспомни обо мне
лет через сто,
а после еще раз —
через пятьсот,
а потом еще разик —
через тысячу,
что тебе стоит!
— Так и быть, запомню, —
сказало море, —
даю слово,
хотя ты и не Одиссей.

Я ужасно обрадовался.
— Море не забудет меня! —
кричал я небесам.
— Море не забудет меня! —
кричал я скалам.
— Море не забудет меня! —
кричал я в уши кипарисам.
— Эй вы, все! —
орал я во все горло. —
Море тысячу лет будет помнить меня,
оно дало слово!

— Ему здорово повезло! —
сказали небеса.
— Он станет вторым Одиссеем! —
сказали кипарисы.
— Пусть проскочит между Сциллой и
Харибдой, —
сказали скалы, —
тогда поглядим.

Осенние стихи

1. Редкое имя

Явилась,
такая яркая,

рыжеволосая,
вся в желтом,
красном
и оранжевом,
и веет от нее
прохладой.

– Как зовут тебя? —
спрашивают ее.

– Осень! — отвечает.
– Осень! —
и улыбается торжествующе.

– Имя-то какое грустное! —
говорят.
– Имя-то какое редкое! —
говорят.
– Имя-то какое славное! —
говорят.
– Осень!

2. Креманчули

Осень как осень.
Свободные кошки
ночью выходят во двор на прогулку.
Дождик идет.
Далеко на Кавказе
гордые горцы поют креманчули.
А у соседей ребенок родился.
Что же?
Пойти и взглянуть на младенца?
Или не надо?
В уютном подъезде
рослый подросток бренчит на гитаре.
Дождик шумит.
И красавцы грузины
там, на Кавказе,
поют креманчули.
А у соседей старик умирает.
Что же —
пошел уж девятый десяток.
Пожил — и хватит,
и больше не надо.

Осень как осень —
ребенок родился,
дождь моросит

и старик умирает.
Здорово все же
поют эти горцы
там, на Кавказе,
свои креманчули.

3. Осенние деревья

Рябина красная,
красивая рябина,
все пристаёт ко мне
с осенними вопросами
о заморозках первых,
о дроздах,
и о дождях, усердно морозящих.
(Она настырна
и по-женски любопытна).

Осенний тополь
рассуждает очень здраво
о том,
что лето-де прекрасно,
но зима
не менее, чем лето, благотворна
(он любит осень
слегка пофилософствовать).

Осина мне лепечет,
как дитя,
невразумительно,
но очень мелодично
о непростительной крикливости грачей
и об осенней липкой паутине
(она болтлива —
любит лепетать).

Береза же
все жалуется мне
на ветер —
он давно уже грозит
сорвать с нее
оранжевое платье,
как прошлой осенью
(боится ветра).

Люблю поговорить
с осенними деревьями,
их голоса послушать
в сентябре.

Потерявшийся ребенок

Ребенок потерялся
Ребенок плачет.

– Мальчик, ты чей?
– Я не мальчик, я девочка.
– Девочка, ты чья?
– То есть как это – чья?
Я дочь природы,
я дочь Вселенной,
я дочь Земли,
я дитя человеческое!

– Так что же ты плачешь?
– Да я же потерялась!

– То есть как это – потерялась?
Ты по-прежнему во Вселенной,
вокруг тебя природа,
под твоими ногами Земля
и рядом – люди!
А вот и мама твоя бежит,
вся в слезах, —
думала,
что ты потерялась!

Наконец-то!

Когда-то был я
камнем придорожным.
А по дороге
проносились всадники,
и странники
брели по ней куда-то.

Когда-то был я
полевой ромашкой,
и мой сосед,
лиловый колокольчик,
надоедал мне
глупой болтовней.

Когда-то был я
рыжим муравьем.
Таскал еловые иголки
в муравейник.
И было много нас,

таких же рыжих.

Когда-то был я
 лосем горбоносым.
Бродил по лесу,
терся о деревья
и нюхал воздух,
шевелия ноздрями.

Вот, наконец,
я стал и человеком.

Подымающий руки

Я подымаю руки вверх.

Не то чтобы я сдаюсь —
 нечего сдаваться.
Не то чтобы я молюсь —
 некому молиться.
И не то чтобы я потягиваюсь со сна —
 не сплю уже тысячу лет.

Просто
я подставляю руки ветру.
Пусть он свистит в моих пальцах,
пусть.

Ему
это доставляет удовольствие.

4

Стихи о молодости

Утром я проснулся
и стал одеваться.
Вдруг чей-то голос мне шепнул:
припомни молодость твою!
– Не буду! – решил я
и пошел в ванную мыться.

Но тот же голос мне шепнул:
припомни молодость свою!
– Не хочу! – ответил я
и отправился в кухню завтракать.

Но голос снова произнес:
припомни молодость свою!
И добавил:
припомни, припомни,
не упрямясь!
– Да с какой стати
мне ее припоминать? —
рассердился я. —
Вот еще новости!

И тут мне голос говорит:
забыл ты молодость свою,
ай-яй-яй!
– Нет, не забыл! —
крикнул я разозлясь. —
Ничего подобного!
И в ту же минуту
без особого труда
припомнил я уже далекую
светловолосую, зеленоглазую,
веснушчатую молодость свою:
она лежит в траве
и смотрит в синее небо,
а я хожу вокруг
и собираю желтые купавки.
Цветы собирать
моя молодость,
признаться, ленилась.

Но как она была хороша
в венке из купавок!

Я и вселенная

1

Что же касается вселенной,
то она
вполне пристойна,
только слишком влюблена
в свою проклятую тупую бесконечность
и невнимательна поэтому ко мне.
Бывало, скажешь ей:
«Созвездие Тельца
куда-то ускакало,
третью ночь
его не видно на небе!»
Она же
глядит задумчиво
и отвечает невпопад.
А в остальном
вселенной я вполне доволен.

2

Сию я посреди вселенной
на лавочке
и размышляю о том о сем.

Чудная эта вселенная —
ни конца, ни краю ей не видно.
Смешная эта планета —
все вертится и вертится без усталости.
Странная эта затея – жизнь:
живешь, живешь, и все жить хочется.

Удобная, однако, у меня лавочка —
широкая и со спинкой.

3

По ночам я не сплю,
потому что вселенная
спит у меня на руках.
Она привыкла так спать —
я ее избаловал.

Вот уже двадцать лет

из-за нее я не высыпаюсь —
дремлю в автобусах,
зеваю на работе,
засыпаю на концертах.
Даже неудобно.
А ей и горя мало.

Каждую ночь
она сладко спит,
уткнувшись носом в мое плечо.
Интересно,
что же ей снится?

На платформе

Стоял на платформе,
глядел на проезжающие поезда.
Ехать
никуда не хотелось.
Хотелось стоять на платформе
и глядеть
на проносящиеся мимо поезда.

Они проносились
один за другим
и в ту,
и в другую сторону.

Один за другим,
один за другим
они проносились,
один за другим
и в ту, и в другую
они проносились,
и в ту, и в другую
сторону.

О, как мелькали окна их вагонов!

С платформы уходить
не хотелось.
Совсем не хотелось.

«Пришла...»

Пришла,
повертелась,
показала свои волосы,
шею,

лодыжки,
посверкала серьгами,
рассмеялась
и ушла.

Опомнившись,
бросился вслед,
да где уж там!

Далеко впереди
мелькают ее лодыжки,
далеко-далеко впереди
сверкают ее серьги,
далеко-далеко-далеко впереди
слышится ее смех.

Чего она смеется?

Пришла,
покрасовалась,
ушла
и все смеется.

Пожар

В моей душе
горит пожар,
уж двадцать лет
горит пожар —
тушить его некому.

Сплошной огонь
в моей душе!
Глядите, глядите —
какой огонь,
как полыхает!

О, как светло
в моей душе,
о, как тепло
в моей душе
от пожара!

«Казалось...»

Казалось,
все было ясно:
сначала нашел себя,
потом и ее.

Но обнаружилось,
что это ошибка:
ее я нашел чуть раньше,
чем себя.
Впрочем, и в этом
я не очень уверен:
возможно, и себя и ее
я нашел одновременно.

А она говорит,
что сначала нашла меня,
а после и сама отыскалась,
и уж потом
кто-то нашел нас обоих.
Словом,
поиски увенчались успехом.

Но временами мне кажется,
что ни я,
ни она
еще не найдены
ни мною,
ни ею,
ни кем.

Любовная переписка

Она написала:
ну вот,
я знала, что ты обо мне
и думать не станешь!
А он ей и ответил:
дуреха!
О ком же мне еще думать?

Она написала:
целуйся,
целуйся, с кем хочешь,
целуйся!
А он ей ответил:
спасибо,
спасибо, что разрешаешь.
Но мне почему-то охота
с тобою одной целоваться.

Она написала:
целую,
целую тебя,
целую!

А ты ведь меня не целуешь,
признайся – ведь не целуешь?
А он ей ответил:
неправда!
Целую тебя непрестанно!
Я даже слегка утомился,
тебя без конца целую.
Чуть-чуть отдохну
и снова
примусь тебя целовать.

Она написала:
как странно,
что я с тобой не коварна!
И он ей на это ответил:
и правда ведь —
очень странно!
Она написала:
соскучилась!
Немедленно возвращайся!
И он ничего не ответил,
а просто взял
и вернулся.

Мое счастье

Стою на углу
и жду свое счастье.

Рядом со мною
стоит мальчик со скрипкой в футляре.
Чего он ждет?

Надо мной
на барочном карнизе
стоят голые гипсовые младенцы.
Ждать им решительно нечего.

Мальчик худенький
и остроносый.
Младенцы пухлые
и важные.
А я прсто смешон —
сколько же можно торчать на углу?

Но вот оно прибегает,
мое непутевое счастье, —
плохо причесанное,
с ненапудренным носом

и с ненакрашенными ресницами.
Так спешило,
что не успело прихорошиться.

Младенцы
дружно хлопают в ладоши,
а мальчик
вынимает из футляра свою скрипку
и с чувством
играет «Хабанеру» Сарасате.

Стою и едва не плачу
от музыки
и от счастья.

Стихи о звездах

1. Звездный урожай

Тряхнул я ствол мироздания
и звезды посыпались к моим ногам —
розовые
желтые
голубые
спелые,
сочные,
пахучие,
но все с острыми,
колючими лучами.
Пока рассовывал их по карманам
все руки исколол.

Завтра ночью
небо будет беззвездным —
можете убедиться.
А послезавтра
созреют новые звезды —
можете проверить.

Потрясите ствол мироздания,
и все звезды – ваши.

Только запаситесь рукавицами,
мой вам совет.

2. Упавшая звезда

Звезда упала
пряমেхонько у моих ног.

Я подал ей руку.
Она поднялась,
отряхнулась
и потеряла коленки локтями.

– Вы, кажется, ушиблись? —
спросил я.
– Нет, ничего, —
сказала она, —
не беспокойтесь, пожалуйста!
– А отчего вы упали? —
спросил я.
Звезда покраснела
и потупилась.

Она была голубовата,
в меру лучиста
и на вид довольно скромна

Странно, право,
что она упала

3. Большая Медведица

По ночам
над моим балконом
нависает ковш Большой Медведицы.

Возьмусь за ручку,
зачерпну немного звезд,
высыплю их на стол
и рассмотрю как следует.

Вот желтая,
вот зеленая,
вот голубая,
вот розовая,
а вот и фиолетовая —
такая красotka!

Соберу их в ладонь
и зашвырну обратно,
в ночное небо, —
пусть горят,
как горели.

А ковш Большой Медведицы
повешу на место.

4. Близорукая звезда

Мне нравится
одна звезда.

Я подолгу гляжу на нее
и иногда
машу ей рукой.

Но она не замечает меня —
она близорука.

Непрочная душа

Бывают минуты,
когда душа разрывается на клочки.

Их собираешь,
кое-как склеиваешь
и ходишь с такой душой —
ведь новую-то
нигде не достанешь!

Но снова нахлынут роковые минуты,
и снова душа разлетится в клочья.

И снова,
сопя от усердия,
склеиваешь свою непрочную душу.

Так и живешь.

Многобашенный

Глядят
и не замечают.

А могли бы и заметить,
что я не так уж и прост,
могли бы разглядеть
мои высокие башни,
могли бы и увидеть,
что башни многоярусные,
могли бы и обнаружить,
что на каждой башне — часы,
могли бы и поинтересоваться,
почему все они спешат.

Глядят,

и ничего не понимают.
А могли бы и понять,
что я многобашенный.

Ведь это не шутка —
иметь столько башен.
Ведь это красиво,
что башни многоярусные.
Ведь это удобно,
что на каждой башне — часы.
Ведь это хорошо,
что все они спешат.
Ведь было бы хуже,
если бы они отставали.

Глядят,
поражаются,
возмущаются,
ужасаются.

А могли бы и полюбоваться
флюгерами на моих башнях,
могли бы и послушать,
как скрипят они
на ветру.

Озаренный

Внезапно
меня озарило.

Ничего не поделаешь —
хожу озаренный.
Хожу и смеюсь,
смешно как-то.

Все смотрят на меня
и тоже смеются.
— Вот это озарило! —
говорят. —
Ничего себе озарило!

Будто не видели никогда
озаренных.

За шторой

Из-за шторы
выглядывает маленький мальчик,

толстощекий веснушчатый мальчик, —
ему года два с половиной.

Кажется это я.

– Тю-тю! – говорю я себе.
– Тю-тю-тю! – говорю я себе.
– У, какой карапуз! – говорю я себе.
ущипнув себя за толстую щеку.

И мальчик прячется.

Приподымаю штору —
за ней стоит юноша,
очень знакомый юноша
с бледным серьезным лицом, —
ему едва исполнилось восемнадцать.

– Как ты молод! – говорю я себе.
– Черт подери, как ты молод! – говорю я себе.
– Ты просто не представляешь,
до чего ты еще молод! – говорю я себе
и опускаю штору.

Из-за шторы
выходит незнакомый старик
с морщинистым лицом.

– Погляди на себя, – шепчет он мне, —
вот тебе уже семьдесят!

– Вы меня с кем-то путаете, – говорю я ему.
– Я вижу вас впервые! – говорю я ему.
– Я не желаю вас видеть! – кричу я ему
и прячусь за штору.

Дурочка жизнь

О, дурочка жизнь!
Как она старается
мне понравиться!

Она катает меня
на реактивных самолетах,
она водит меня
на концерты органной музыки,
она поит меня
цейлонским чаем
и на каждом шагу
подсовывает мне красивых женщин —
пусть, мол, полюбуется!

О, дурочка жизнь!
Она думает,
что я совсем не люблю ее
и живу
из вежливости.

Обычный час 1986

«Возникает...»

Возникает,
возникает нечто.
Хорошо,
что нечто возникает!
Существует,
существует нечто.
Замечательно,
что нечто существует!
Исчезает,
исчезает нечто.
Огорчительно,
что нечто исчезает.

Появляется на свет некто.
Приветствую тебя,
появившийся!
Живет и здравствует некто.
Ты радуешь меня,
живущий!
Умирает одряхлевший некто.
Я оплачу тебя,
умирающий.

Печально,
что ничто не вечно.
Прискорбно,
что нет бессмертья.
Но прекрасно,
что мало печальных
и скорбящих
тоже немного!

Мои заботы

У меня много забот.

Надо позаботиться о Фонтанке,
чтобы она текла куда следует.

Надо позаботиться об облаках,
чтобы они плыли своей дорогой
и не толпились на одном месте.

Надо позаботиться о кошках,
чтобы они не попадали под машины,
когда перебегают улицу.

Надо позаботиться,
чтобы статуи
не бродили ночью по Летнему саду,
потому что они могут перепутать
свои пьедесталы.

Забот полон рот,
а мне говорят,
что я живу беззаботной жизнью.

«Разбудите спящего...»

Разбудите спящего,
чего он храпит!

Успокойте робкого,
чего он трясется!

Рассмешите хмурого,
чего он насупился!

Урезоньте храброго,
чего он в драку лезет!

Уберите мусор,
чего он тут валяется!

И разгоните зевак —
нечего им глазеть
на великолепие мироздания!

Пусть делом займутся.

Человек и гитара

Гитара лежала
на коленях у человека.

Красивая,
крутобедрая,
с алым бантом на грифе
лежала на коленях
у красивого,
усатого,
с алой гвоздикой в петлице.

Струны нежно,
чуть слышно гудели.

Рука человека
коснулась струн.
Гитара застонала.
Рука человека
ударила по струнам.
Гитара зарыдала
и вся затряслась,
забилась
на коленях у человека,
своего повелителя,
своего мучителя,
возлюбленного своего.

Рука человека
упала вниз,
и гитара затихла.

Какая парочка —
человек
и гитара!

Кот в магазине

Он сидит у двери
и фосфорическими глазами
оглядывает всех входящих
и выходящих.

- Подожди, миленький, —
говорит ему
какая-то старушка, —
подожди, мой хороший,
сейчас я тебе рыбки принесу!
- погоди, негодник, —
говорит ему
какой-то старичок, —
погоди, обжора,
сейчас я тебя курятиной угощу!
- Здравствуй, Вася! —
говорю я коту. —
Ты отлично выглядишь!

Выходя,
я наклоняюсь
и глажу голову
существу таинственному,
соседу моему
по вселенной.

Крымские стихи

Живя на берегах Тавриды

Живя на берегах Тавриды,
пытаюсь писать стихи,
столь же прозрачные,
как воды Понта Эвксинского,
и столь же бездонные.
Ибо, живя на берегах Тавриды,
грешно не писать такие стихи.

И, дабы не сгорать со стыда,
сочиняя мутные,
 мелкие стишки,
лучше не ездить
к берегам Тавриды,
лучше не совать сюда носа.

Однако
вышеупомянутые берега
столь неотразимо прекрасны,
что не ездить к ним
 непростительно,
что не видеть их
 даже преступно,
что забыть о них
 совсем невозможно.

Так что же прикажете делать?

Вероятно,
по-прежнему
пытаться писать стихи,
столь же прозрачные,
как воды Понта,
и столь же бездонные, —
 вдруг получатся!

Красное пятно

На поверхности моря
красное пятно.
 Красиво —
 красное на синем!
На ярко-синей поверхности моря
ярко-красное круглое пятно.

Эффектно —
кобальт и киноварь!

Но откуда взялось
это красное пятно?
Будто чья-то кровь
всплыла из глубины морской.
Неужели кого-то зарезали
там, на дне?

Звоню в милицию,
а мне говорят:
– Это краска.
Красят дворец Посейдона.
Старик обожает киноварь
почему-то

Разговор с эгоцентристом

Охота же тебе быть в центре!
Чего там хорошего?
Зачем тебе, скажи на милость,
торчать в центре?
Что за причуда!
И долго ли ты устоишь в самом центре —
подумай!

Но если ты собираешься,
чего бы это ни стоило,
утвердиться в центре,
но если ты намерен,
как бы там ни было,
красоваться в центре,
но если ты решил
при любых обстоятельствах
оставаться в самом центре,
то пеняй на себя.

Все на свете
будет вращаться
вокруг твоей персоны,
и надо стоять прямо,
безукоризненно прямо —
чуть-чуть наклонишься,
и все пропало.

Вот попробуй
наклонись!

Два камушка

Ну что вы!
Ничего ведь и не было!
Да, да,
ничего такого и не было,
ничего подобного,
ничего похожего!
Ничего ведь и быть не могло
похожего,
ничего подобного
не могло случиться!

Да бросьте вы, право —
какие глупости!

Просто однажды
на ливадийском пляже
положил я
два маленьких серых камушка,
два округлых,
обкатанных морем камушка
в ямки
ее загорелых ключиц.

Потому что ямки
были глубокие,
потому что лежала она
не шевелясь,
потому что камушки
были под рукой —
только и всего.

Гора

Неужели это она?
Да,
кажется, это она.
Вне всяких сомнений,
это она,
та самая гора,
к которой не захотел подойти
Магомет
и которой самой
пришлось идти к Магомету.

О, с каким трудом
она шагала,
еле волоча
свои толстенные базальтовые ноги!
И какие гигантские камни
сыпались с ее боков!

Подошла и остановилась
в неудобной позе.
Так и стоит.

А все лишь оттого,
что великому пророку
было лень пройти
километра два.

Космос

Ну что ты смотришь на меня,
не мигая
и не говоря ни слова?

Ну что ты глядишь на меня
миллиардами своих глаз
и не издаешь ни звука?

Ну что ты уставился на меня
своими бельмами,
слепец?
Ты меня слышишь?

Ничего ты не слышишь,
ничего ты не видишь
и не умеешь даже мычать!
Даром
что такой огромный.

И правильно делают

Копали-копали,
выкопали человеческий череп.
Удивились,
стали копать в другом месте.

Копали-копали-копали,
выкопали еще один череп.
Смутились,
принялись копать в третьем месте.

Копали-копали-копали-копали,
утомились,
немного отдохнули,
снова стали копать,
откопали третий череп.
Испугались,
перестали копать,
задумались,
немного успокоились
и взялись копать в четвертом месте.

Выкопали целый человеческий скелет
и пришли в полнейшее замешательство —
оказывается, Земля —
сплошное кладбище!

Бросили лопаты,
загрустили.
Но вдруг развеселились.
И вот они пляшут,
поют,
целуют женщин,
плодят детей.

И правильно делают!

Стихи о том, как плохо быть человеком

Хорошо быть обезьяной,
и попугаем хорошо быть,
и крысой,
и комаром,
и амёбой.

Плохо быть человеком:
все понимаешь.

Понимаешь,
что обезьяна – кривляка,
попугай – дурак,
крыса – злюка,
комар – кровопивец,
а амёба – полное ничтожество.

Это удручает.

Настырные

Садясь обедать,
я вспоминаю,
 что они лезут.
Принимаясь за бифштекс с луком,
я думаю о том,
 что они и раньше лезли.
Доедая клюквенный кисель,
я догадываюсь,
что они и впредь будут лезть.

Выйдя на улицу,
я вижу,
что, расталкивая всех локтями,
они лезут в троллейбус.

Войдя в троллейбус,
я замечаю,
что, наступая всем на ноги,
они лезут к выходу.

Бедные, – думаю я, —
жизнь у них собачья!
Все они лезут и лезут,
все вперед пролезают.
А ведь впереди-то им
и делать нечего.

Принципиальный

Скудные остатки своей совести
он завернул в обрывок газеты
и засунул в карман.

Последние остатки своей совести
он вознамерился скормить воробьям
в ближайшем скверике.

— Да ты погоди, — сказал я, —
воробьи и без совести обойдутся.
— Да ты не дури, — сказал я, —
побереги хоть эти остатки!

— Ха! — ответил он презрительно. —
Какие-то жалкие крохи!
— Нет! — ответил он твердо. —
Лучше совсем без совести!

Его принципиальность
меня поразила.

На берегу бытия

Стоит один
на берегу бытия,
и волны вечности
у ног его шипят
и пузырятся
и облизывают брег.

Как очутился он
на берегу бытия,
где волны вечности
у ног его дробятся
и пенятся
и омывают брег?

Как долго будет он
на берегу бытия
стоять, как статуя,
и пристально глядеть
на волны вечности,
которые кипят
и брызжутся
и увлажняют брег?

Возьмите за руку его
и уведите
подалее
от берега бытия.
На берегу бытия
стоять опасно.

Странная любовь

Он любил эту женщину
как-то странно.

Ему все время казалось,
что ее нет.

Он все время искал ее
и не находил.

— Где ты прячешься? —

спрашивал он. —

Куда ты запропастилась?

— Да вот же я! —

отвечала она

и подставляла ему свои губы.

Он устал искать

и разлюбил ее.

Она ему простить

этого не может.

«Человек спокоен...»

Человек спокоен,
вполне спокоен.
Душа его безмятежна.

Но вот возникает в ней
легкое движение.

Человек уже неспокоен,
человек нервничает,
человек волнуется,
человек уже разволновался.

Все в нем кипит,
все в нем бурлит,
все в нем бушует.

Целая буря в его душе,
целая буря!

Страшно смотреть на человека,
страшно!
Успокойся, дорогой человек,
успокойся!

Постепенно,
понемногу,
полегоньку
буря стихает.

Человек спокоен,
опять спокоен.

Только где-то по краям его души
еще что-то плещется
и колобродит,
что-то колеблется
и дрожит.

Хорошо,
что человек успокоился!

И вдруг
снова буря,
снова ураган в душе человеческой
и снова деревья в ней
гнутся до земли
и падают,
вырванные с корнем!

Дайте человеку
пузырек с валерьянкой —
нервы у него
шальют.

Химера

Охота на химер запрещена,
но браконьеры всегда найдутся.

Однажды в лесу
я наткнулся на мертвую химеру.
Она была огромна и несуразна.
У нее было множество конечностей,
но не было головы,
совсем не было головы,
не было даже намека на голову.

«Бедняжка! – подумал я. —
Эти браконьеры,
не разбираясь,
палят во все живое,
во все, что с головой,
и во все безголовое.

Хорошо бы, – подумал я, —
написать стишок
и срифмовать химеру с браконьерами,
хорошо бы в этом стишке
изобразить охоту браконьеров,
хорошо бы
описать мертвую безголовую химеру,
изрешеченную пулями
жестоких браконьеров».

Впрочем,
вряд ли кто поймет меня правильно,
вряд ли кто поверит,
что у нее не было головы,
совсем не было головы.
Вряд ли кто поверит,
что даже малейшего намека на голову
у нее
не было.

«Подходя к музею...»

Подходя к музею,
я замечаю толпу людей,
которые живут.

Блуждая по музею,
я гляжу на лица людей,
которые жили когда-то.

Выходя из музея,
я думаю о людях,
которым еще предстоит жить.

Покинув музей,
я вспоминаю о людях,
которых трудно заставить жить —
их упрямство
неодолимо.

Морда, которая просит кирпича

Эта морда
явно просит кирпича.
Она ухмыляется,
щурит глазки
и спрашивает меня сквозь зубы:
– Читал ли ты Ницше, кореш?

– Вы меня простите, —
говорю я морде, —
но я должен плюнуть в вас,
потому что поблизости нет кирпичей,
а тот запас,
который я таскал в карманах,
уже кончился.

– Шалишь, паря, —
говорит морда, —
ищи кирпич,
ищи не ленись!
И чтобы красивый был,
красненький!

Шут

Шут!

Шут!

Шут!

Тут шут!

Шута поймали!

Пошути, шут,

по шутовству соскучились!

Посмеши, шут,

по смеху стосковались!

Ташите сюда

всех царевен-несмеян!

Ведите сюда

всех зареванных царевен!

Шут!

Шут!

Шут!

А шут стоит

весь бледный,

и губы у него

трясутся.

«Они меня недолюбливают...»

Они меня недолюбливают,
и я их – тоже.
Но непонятно
почему.

– Ты же человек, —
говорят мне они, —
и мы люди.
Все мы люди-человеки,
так в чем же дело?

Действительно,
они вроде бы люди,
и я вроде бы человек.
В чем же, черт возьми,
дело?

Неужто
они все же люди,
а я
не совсем человек?

Неужто
я все же человек,
а они
не вполне люди?

Неужели
и они не совсем люди,
и я не вполне человек?

Неужели
мы так жестоко заблуждаемся?

Белая ночь

Белая ночь
стоит спиной к городу
и что-то жует —
уши у нее шевелятся.

Пожевала и обернулась —
смотрит на Тучков мост
и облизывается, как кошка,
как большая серая кошка.

Только у кошек уши не шевелятся,
когда они жуют.
Только невежливо стоять спиной к городу
так долго.
Только непонятно,
почему она уставилась на Тучков мост,
совершенно непонятно.

Клеопатра

1

Вхожу в огромный дворец,
прохожу анфиладой прекрасных залов
и вижу женщину
красоты непомерной.
Ведь это же Клеопатра!

Она подходит,
Целует меня в щеку
и что-то говорит по-древнегречески.
Но древнегреческого я не знаю.
Как глупо!

Тогда она
что-то говорит по-древнеегипетски.
Но древнеегипетского
я и подавно не знаю.
Какой конфуз!

Тогда она
говорит мне что-то по-латыни.
А по-латыни
я не понимаю ни слова.
Какой позор!

Но тут она произносит по-русски:
– Здравствуйте, мой дорогой! —
И я просыпаюсь
от изумления.

2

Что мне ее золотые запястья!
Что мне ее сердоликовый пояс!
– Дура! – крикну я ей
со злостью. —
С кем связалась!
Твой Антоний тюфяк,
слюняй,
размазня!

Тряпка он,
твой Антоний!

– Конечно, дура, – согласится она
с улыбкой. —
Вот ты бы на месте Антония
не дал маху!

– Разумеется, – скажу я
с вызовом, —
Октавиан не увидел бы Рима
как своих ушей! —
так и скажу.

Что мне ее в пол-лица глазищи!
Что мне ее алебастровый локоть!

Проходящий

Он проходит мимо,
 не останавливаясь.
Он всегда,
всегда так проходит —
 хоть бы раз остановился.
Он всегда проходит
 без остановки.

Он проходит,
 на меня не глядя.
Хоть бы раз,
хоть бы раз взглянул в мою сторону —
он всегда проходит,
глядя прямо перед собой,
он всегда,
всегда проходит
 так важно.

Он проходит
 в двух метрах от меня.
Полметра дальше,
полметра ближе —
 не более.
И всегда я говорю ему:
– Будь здоров,
 проходящий! —
Но ни разу
он не удостоил меня ответом,
 ни разу.
Он всегда,
всегда так проходит —
 хоть бы раз прошел иначе.
Он всегда проходит
 только так.

Пройдет —
и нет его,
 будто и не проходил.

Он всегда проходит
бесследно.

Беспомощность

Умение безнаказанно
ловить часы и минуты
 приходит к тому, кто ловок,
 к тому, кто на руку скор.
Умение поселяться
в чужих незнакомых душах
 приходит к тому, кто крепок,
 кто ест по утрам овсянку.
К тебе же приходит однажды
беспомощность в белой кофточке.
 Она говорит тебе «здравствуйте»,
 и ты говоришь ей «привет».
И ты угощаешь чаем
незваную эту гостью,
 цейлонским чаем с печеньем
 и яблочным пирогом.

Ты думаешь —
 напьется чаю и уйдет.
Но не тут-то было —
 она сидит у тебя до вечера.

Ты надеешься —
 поужинает и станет прощаться.
Но, увы, —
 она остается у тебя до утра.
Ты уверен —
 переночует и покинет тебя навеки.
Но куда там —
 она живет у тебя неделями.

Когда появляются гости,
ты говоришь: «Знакомьтесь,
это моя беспомощность,
я ее приютил».

И гости подмигивают тебе,
улыбаясь —
мол, недурна.

Девушка и собор

Девушка,
 площадь,
 собор.
Совсем юная девушка,
 не очень обширная площадь,
 очень древний собор.
Массивный объем собора,
 пустынное пространство площади,
 тоненькая фигурка девушки.
На девушке черные брючки и белая кофточка,
 площадь замощена розовой и серой брусчаткой,
 собор построен из красного кирпича и желтого
 камня.

Собор неподвижен.
Девушка движется к собору,
наискось пересекая площадь.
 Фигурка девушки все уменьшается,
 громада собора все увеличивается.
Внимание!
Девушка подошла к собору!

Колоссальный собор
и рядом
еле заметная фигурка девушки.
 Собор поглядывает на нее с умилением.
Но девушка проходит вдоль стены собора
и исчезает за углом.

Собор в растерянности,
собор в смятении,
собор в отчаянье.
 Сотни лет
 он простоял на этой площади!
 Сотни лет
 он поджидал эту девушку в белой кофточке!
 Сотни лет
 ему снились ее черные брючки!

Но внимание!
Девушка вернулась!
Она снова рядом с собором!

Собор не верит своим глазам,
собор не может прийти в себя,
собор сияет от счастья.

Покинем же площадь,
не будем им мешать.

Осторожный

Он с детства знал,
что осторожность не мешает,
и прожил жизнь
с великой осторожностью.

Он осторожно
незаметно умер
и после смерти
был предельно осторожен.

Неосторожным
был он только раз —
когда родился.

О, как он проклинал себя
за это!

Непонятливый

Звонил ей весь вечер,
хотел сказать – люблю!
Но никто не подходил к телефону.

Утром позвонил снова.
Она взяла трубку.

– Какого черта! —
сказал я ей. —
Звонил тебе весь вечер!
Где ты шляешься?—
А сам подумал:
«Не люблю я ее
нисколечко!»

Но вечером позвонил опять.

– Ты знаешь, —
признался я ей, —
не могу я что-то понять,
люблю тебя
или нет?

– Конечно, любишь! —
засмеялась она. —
Какой непонятливый!

Вот в чем штука

Любимой едой Геракла был гороховый суп с клецками.
Из книг

Совершил бы и я
с полдюжины подвигов.

Задушил бы
какого-нибудь льва,
если бы он
мне подвернулся,
застрелил бы
какого-нибудь вепря,
если бы он
от меня не убежал,
поборол бы
какого-нибудь великана,
если бы он
не уклонился от борьбы,
отрубил бы голову
какой-нибудь гидре,
если бы не стало
мне ее жалко,
очистил бы
какие-нибудь конюшни,
если бы они
были завалены навозом,
и раздобыл бы
какие-нибудь яблоки,
если не золотые,
то хотя бы серебряные.

Но не терплю я
гороховый суп,
вот в чем штука, —
особенно с клецками.
Обожаю кислые щи,
вот в чем дело, —
особенно со сметаной.

Катулл и Лесбия

Мой друг Катулл
своей подружке Лесбии
собрался было
подарить сережки,
да денежки с приятелями пропил.

И подарил он Лесбии
бессмертье.

Бабенка эта
до сих пор жива.
Она все злится на беспутного Катулла —
ведь обещал же
подарить сережки!

«Когда я прохожу мимо них...»

Когда я прохожу мимо них
белой ночью,
они смотрят на меня
и молчат.

Что означает
молчание зданий,
выстроившихся в ряд
вдоль бесконечных пустынных улиц
и глядящих на меня
не мигая
тысячами окон?

Или они просто спят
с открытыми глазами?

Погребение поэта

*Был ли кто при погребении поэта, кроме одного полицейского
чиновника, сведений не имеется.*

Из воспоминаний И. И. Васильева о А. С. Пушкине

Был ли кто при погребении,
кроме одного полицейского чиновника
с распухшей от флюса щекой?

Он прятал щеку
в стоячий воротник.

Был ли кто,
кроме этого чиновника
и какой-то приبلудной дворняжки
с отвислыми ушами?

Она вертелась
под ногами у могильщиков.

Был ли кто,
кроме чиновника,
этой дворняжки
и голых весенних деревьев?

Они стояли поодаль,
печально опутив головы.

Был ли кто при погребении поэта,
кроме полицейского чиновника
с его дурацким флюсом,
паршивой вислоухой дворняжки,
скорбных деревьев
и низких серых туч?

Они были недвижимы
и глядели сверху
в разверстую могилу.

Был ли кто еще?
Кажется,
никого больше не было.

Через час появилось солнце,
пробившись сквозь тучи.

Оно опоздало.

Вилла Цицерона

*Цицерон, например, владел семью виллами, одна из которых
найдена в окрестностях Помпеи.*

Из книг

Уступи мне, Цицерон,
одну свою виллу —
у тебя их вон сколько!
Подари мне, Цицерон,
хоть небольшую старенькую виллу —
хочется пожить на лоне природы.
Да отдай ты мне, Цицерон,
эту ветхую заброшенную виллу
у подножия Везувия —
она же тебе ни к чему!
Отдаешь?
Вот спасибо!
А я думал,
что ты жадина.

Целый месяц
я блаженствовал
на роскошной,
беломраморной,
многоколонной,
украшенной фресками,
установленной статуями,
увитой розами
сказочной вилле,
пока Везувий не проснулся.

Целый день
я любовался его извержением,
пока не погиб.

Целую вечность
я пролежал
под толщей камней и пепла,
пока мой прах не откопали.

Будь здоров, Цицерон,
подаривший мне виллу в Кампанье!
Да хранят тебя боги!

Ее счастье

Сидит,
сложив руки на коленках.
Чего-то ждет.

Пальцы тонкие,
хрупкие,
нежные.
Ногти длинные,
острые,
красные.
Коленки круглые,
гладкие,
белые.

Чего она ждет-то?
Ясное дело – счастья.

Оно уже идет к ней,
оно уже подходит,
оно уже на пороге,
оно уже пришло.

Тут она вскрикивает,
вскакивает
и бросается наутек —
испугалась, бедняжка,
своего счастья.

Счастье пускается за ней
вдогонку.

Смех, да и только!
Счастье несется за ней
большими прыжками.

Страх, да и только!
Счастье настигнет ее,
беглянку.

Нет ей спасенья!

Кто же это
может
спастись от счастья?
Глупость какая!

Дурная привычка

Долго я ковырял свою душу,
искал в ней изюмину.

Да так и не нашел.

Пришел приятель и говорит:

– Ты что, не видишь?

Вся душа у тебя расковырена! —

Я покраснел

и застегнулся на все пуговицы.

– Ты что, рехнулся?—

сказал приятель. —

Как же ты будешь жить-то

с расковыренной в кровь душой?—

Я побледнел

и стал барабанить пальцами

по столу.

– Зачем ты душу-то ковыряешь?—

спросил приятель. —

Делать тебе, что ли, нечего?—

Я потупился и говорю:

– Дурная привычка!

Жестокость гор

В предгорьях Копет-Дага и Памира
я жил когда-то.

И, помнится,
клубились облака
над горными вершинами
порою.

Когда же небо
было чистым и прозрачным,
врезались в синеву
зубчатые вершины,
и синева пред ними
в страхе трепетала.

И, помнится,
я синеве сочувствовал
и, помнится,
пытался ей помочь,
а синева была за это
благодарна.

Жестокость гор
в те годы для меня
была непостижимой,
но и после
она осталась для меня
загадкой.

«Какие мы, однако, смешные!..»

Какие мы, однако, смешные!

У каждого есть тело —
бестелесных вроде бы нет,
у каждого есть душа —
хоть маленькая, да имеется,
у каждого в груди что-то стучит —
представьте себе, у каждого! —
и каждому хочется неземного счастья —
ей-богу, каждому!

Но каждому чего-то не хватает.
Кому – благоразумия,
кому – безрассудства,
кому – крыльев за плечами,
а кому – и волос на темени.

Какие мы, однако, несовершенные!

Отчего же не обретаем мы совершенство?
Чего мы тянем?

У каждого на то свои причины,
свой отговорки,
свой резон.

Пессимисты полагают,
что совершенство недостижимо.
Так да здравствует же
оптимизм!

Странная жизнь

Вижу —
стоит в отдалении
какая-то женщина.

Кажется,
 это она!
Да, конечно,
 это она!
Несомненно,
 это она —
моя единственная,
моя несравненная,
возлюбленная моя
жизнь!

Подбегаю
и хватаю ее за руку.
— Чего стоишь, — говорю, —
пошли домой!

Странная жизнь у меня:
отойдет в сторонку
и стоит —
ждет, когда я о ней вспомню,
 когда спохвачусь,
 когда брошусь ее искать.

Но далеко не уходит
до поры до времени.

Каждое утро

Каждое утро,
когда я открываю глаза,
я вижу окно
и в окне – небо.

Каждое утро
оно напоминает мне о том,
что я не птица.

«Посмотришь, прищурясь, вдаль...»

Посмотришь, прищурясь, вдаль —
 берега не видно.
Поглядишь внимательно в голубую даль—
 берег незаметен.
Вглядишься пристально в ясную даль —
 берега нет.
 Безбрежность.

Зачем же тревожиться?
Не лучше ли радоваться?

Радуйтесь,
радуйтесь:
 берега нет —
 безбрежность!

Стихи об истории

История туманна.
Были какие-то гиксосы,
были какие-то филистимляне и арамейцы,
альбигойцы тоже были какие-то.

Были варяги
и были греки.
И отчего-то греки
 пробирались в варяги
(чего им дома-то не сиделось?),
а варяги почему-то
 пробивались в греки
(чего им, собственно, не хватало?).

Ужо и я погружусь
в непроницаемые туманы истории.

В розовом тумане древности
я непременно встречу гиксосов,
найду филистимлян
и разыщу арамейцев,
а в голубом тумане средневековья
я наткнусь на альбигойцев,
уж это точно.

И если вдруг
на минуту
все туманы рассеются,
вы увидите,

что я плыву с варягами в греки
на большой,
 крутобокой,
 красивой ладье
 под широким,
 разноцветным,
 туго надутым парусом.

Варяги возьмут меня с собой,
я надеюсь.

Если не возьмут,
будет обидно.

Мое дело

Что мне делать?
Разумеется,
свое дело.

Засучу рукава,
поплюю на руки
и приступлю к делу.

Весь день,
не разгибаясь,
без отдыха
буду делать свое трудное дело,
буду делать его сам,
без чужой помощи,
буду делать его
на совесть.

Сделаю свое скромное дело,
спущу рукава,
отдохну
и подумаю, что делать дальше —
точить ляды?
бить баклуши?
считать ворон?

Начну считать ворон
и вдруг замечу,
что мое дело еще не закончено.
Погляжу на свое дело внимательно
и внезапно обнаружу,
что оно сделано лишь наполовину.
Рассмотрю свое дело как следует
и неожиданно пойму,
что оно только начато.

Почешу в затылке,
снова засучу рукава,
снова поплюю на руки,
снова возьмусь за дело.

Всю жизнь
в поте лица
буду делать свое большое дело.
Умру,
и мое дело
останется незаконченным.

Меня похоронят
с засученными рукавами.

Писатель

Все пишет и пишет —
говорит, что он писатель,
говорит, что не писать
нет у него никакой возможности.

Как ему помочь?

Отнять у него машинку?
Отобрать у него авторучку?
Украсть у него карандаш?

Все равно он будет писать
обгоревшей спичкой на коробке
или ногтем по штукатурке,
все равно он станет писать на земле
носком ботинка,
и никак уж ему не помочь,
коли он писатель.

«Был ли я крылатым?..»

Был ли я крылатым?
Или крылья мне только снились?

А что,
если я и впрямь
потерял их?

А что,
если они и вправду
были длинными и белыми?

А что,
если они снова вырастут?

В последнее время
у меня часто чешутся лопатки.

Но куда лететь?

Упрямые музы

Я с сеточкой по улице иду,
а в сеточке
батон и пачка чая
и полкило молочной колбасы.
За мною музы семят,
все девять,
в сандалиях
и в тонких,
разноцветных,
струящихся по их телам
хитонах.

Вот дождичек пошел,
медлительный,
осенний, —
заморосил,
закапал,
зашуршал.

Я музам говорю:
– Оставьте вы меня!
Промокнете!
Ступайте восвояси!
Скорее возвращайтесь к Ипокрене! —
Они не слушаются
и упорно
под дождем
меня сопровождают.
Я сержусь,
я топаю ногами,
я кричу:
– Немедленно бегите к Геликону!
Простудитесь!
Ведь осень на дворе! —
Они и ухом не ведут —
ну что ты скажешь!

Но не сидеть же дома,
в самом деле,
из-за упрямства их?
Вот наказание,
право!

Гости

Позавчера
посетил меня Тристан Корбьер.

Почитал стихи —
немножко о море,
немножко о Париже,
немножко о себе.
Чаю пить не стал,
тут же ушел.

Вчера
заходил ко мне Аполлон Григорьев.

Кое-что почитал —
конечно, о гитаре,
конечно, о цыганах,
конечно, о любви.
Попил чаю
и вскоре удалился.

Сегодня забрели
два знакомых японских поэта
двенадцатого века.
Тоже пили чай
и просидели до полуночи.

Кто же завтра
ко мне пожалует?

Схожу в магазин,
куплю пачку чаю,
куплю сахару
и буду ждать.

«Жить бы да жить...»

Жить бы да жить,
жить бы не торопясь и не хмурясь
и не вызывая нездорового любопытства,
жить и не быть рыбой —
 не попадаться на удочку
 хитрого рыболова,
и не быть птицей —
 не порхать с дерева на дерево
 без особой необходимости,
и не быть четвероногим —
 не бегать, помахивая хвостом,
 безо всякого толку,
жить и быть человеком,
 хотя, разумеется,
 это не так-то просто,
жить и не признаваться жизни в любви —
 ей и без того
 это известно,
жить молчаливо,
 без излишней болтовни,
и умереть спокойно,
 без истерики.

Чудной

Был он чудной какой-то —
на голове его
росло дерево,
корни торчали из ушей.
На ветвях сидели птицы
и громко пели.

Когда он ходил —
дерево раскачивалось,
когда он нагибался —
птицы взлетали
и кружились над ним,
когда он выпрямлялся —
птицы снова садились
и принимались петь.
Спал он стоя,
чтобы не тревожить птиц.
Корни не подрезал,
чтобы не беспокоить дерево.

Подарок

Я подарил возлюбленной
год своей жизни.

Она сказала «спасибо»,
но в меня не влюбилась.

Я загрустил.

Она хотела вернуть мне
год моей жизни,
но я его не взял
из гордости.

Она сказала:
— Забирай свой год,
он тебе пригодится! —
Но я так и не взял,
заупрямился.

А чего стесняться?

Приснилось мне,
что я куст сирени.
Проснулся,
сладко благоухая,
будто только что из парикмахерской.

Приснилось мне,
что я крепостная башня.
Проснулся,
готовый к штурму:
не сдамся, думаю, ни за что!

Приснилось мне,
что я грудной младенец.
Проснулся
безумно счастливым:
не стану, думаю, расти, и так хорошо!

Приснилось мне,
что я адмирал Нельсон.
Проснулся
с подозрительной трубой в руках
и стал разглядывать в нее узор на обоях.

Приснилось бы мне,
что я гора Казбек.
Проснулся бы —
вся голова в снегу.
Так и ходил бы
с заснеженной головой.
А чего стесняться?

Старушки, посылающие телеграммы

Городские старушки
любят посылать телеграммы
своим полузабытым родственникам,
живущим в далеких деревнях.

Сочиняя телеграммы,
старушки вспоминают своих родственников,
плачут от умиления
и перевирают названия деревень.

Старушкам объясняют,
что таких деревень нет на свете,
а они плачут все пуще и пуще,
но теперь уже от недоумения.

Старушек просят не плакать,
отправляют их телеграммы неведомо куда,
и эти несчастные телеграммы
теряются в беспредельности мироздания.

Но старушки все плачут и плачут,
прижимая к глазам кружевные платочки,
плачут уже неведомо отчего,
и платочки у них мокрые, хоть выжми.

«Он пришел, и я сказал ему...»

Он пришел, и я сказал ему:
– Здравствуй!

Он улыбнулся мне
доброй,
открытой,
хорошей улыбкой
и удалился,
не сказав ни словечка.

И я крикнул ему:
– До свиданья!

Как это славно
с его стороны —
он приходил,
чтобы мне улыбнуться!

Труженики

Вчера был сильный ветер.
Все, что я построил,
он сдул.

Я не ленюсь,
я строю.
И ветер не ленится —
сдувает.

Мы с ним труженики.

«Как грустно...»

Как грустно
 уезжать и провожать!
Как горько
 покидать и оставаться!
Как радостно,
никуда не уезжая,
 встречать,
 встречать
 и встречать
и без устали
улыбаться всем приезжающим!

Я и Город 1991

Тебе и себе (*Нечто похожее на поэму*)

Тебе

1

я искал тебя на утренних улицах
ты могла идти
в магазин за покупками
но не шла

ты ходила за покупками после работы

я искал тебя на вечерних набережных
ты могла гулять там
со своим возлюбленным
но не гуляла
вы предпочитаете другой маршрут

я искал тебя на летних пляжах
ты могла лежать на спине
с листочком на носу
но не лежала
тебе было вредно загорать

я искал тебя в своих снах
ты могла бы присниться мне
хоть разок
но не снилась
ты не имеешь привычки
сниться чужим мужчинам

я искал тебя изо всех сил
и нашел
ты сидела в кафе за столиком
молчала
и загадочно улыбалась

чем не Джиоконда! —

подумал я —
только волосы какого-то странного цвета
то ли
цвета свежего снега
пасмурным мартовским утром
то ли
цвета перистых облаков
в безветренный июльский день
то ли
цвета молодого жемчуга
добываемого у берегов южной Японии
то ли
цвета сентябрьских сумерек
отраженных в озерах Карельского перешейка
трудно понять

2

я говорил тебе:
не мешайте мне
я занят важным делом
я влюбляюсь
я говорил тебе:
подождите немного
мне некогда
я же влюбляюсь в вас!

я должен влюбляться в вас
внимательно
мне надо здорово
в вас влюбиться

— ну и как? — спрашивала ты —
получается?
— ничего — говорил я —
все идет как по маслу
— ну что? — спрашивала ты —
уже скоро?
— да да — отвечал я —
только не торопите меня
— ну скорее же скорее! —
просила ты —
мне надоело ждать! —
— потерпите еще немножко —
говорил я —
куда вам спешить?
— но почему же так долго? —
возмущалась ты —
так ужасно долго!

— потому что это навсегда —
говорил я —
потому что это навеки
— ну теперь-то уже готово? —
спрашивала ты —
сколько можно тянуть?
— да уже готово! —
сказал я
и поглядел на тебя
влюбленными глазами
— не смотрите на меня так! —
сказала ты —
вы что
с ума сошли?

3

среди тысяч медлительных
знавших любовь
многоопытных женщин
и девушек резвых
с пушком на округлых щеках
я выбрал тебя

и я поставил тебя
на высокий пьедестал

ты стоишь там
и поправляешь кофточку
слегка смущенная
но ничего
скоро привыкнешь
ты стоишь там
и смотришь на меня сверху
слегка испуганно
но не беда
скоро осмелеешь
а я гляжу на тебя снизу
и удивляюсь

вот оно
это существо
с глазами цвета крепкого кофе
вот оно
это существо
с подмышками пахнущими
корицей
вот оно
это существо

которому нет подобных!

вот она стоит
и улыбается довольная
ей уже нравится
на пьедестале

4

ты отдалась мне
в сумерках
на берегу реки
сумерки были
серые
декадентские
твое тело было
смуглым от загара
и пахло осенью
я был так счастлив
что едва не рехнулся
а река была
Волгой
в верхнем течении

ты отдалась мне
на берегу Волги
в сухом высоком бурьяне
в начале октября
часов в девять вечера

ты сказала:
я хочу отдаться тебе
на берегу Волги!
и отдалась

5

я долго глядел
как угасал закат

когда все было кончено
я позвонил тебе и сказал:
милая
закат уже угас!

преобладало
густо-алое
ослепительно-золотое
и пронзительно-лимонное

а победило
 темно-зеленое
 мрачно-синее
 и безнадежно-фиолетовое

ноты не горюй милая —
завтра загорится новый закат

обязательно позвони мне завтра! —
сказала ты

с тех пор
я звоню тебе каждый вечер
но все закаты гаснут
все до одного

6

я вижу тебя
в полумраке

я вижу твой затылок
я вижу твою шею
я вижу твои лопатки сжатые вместе
и белые незагоревшие твои ягодичы я вижу
я вижу линию твоего бедра
круто избегающую вниз
и полого уходящую вниз
к колену
я вижу эту священную линию женского бедра
пред которой склоняется мир
я вижу твою голень
похожую на крупную рыбу
и твою пятку
ни на что не похожую
на этом все и кончается

по моим предположениям
существуют еще горы
 реки
 города
 и расписания движения поездов
 по железным дорогам

но мои предположения
могут и не подтвердиться

пока что я вижу только тебя
ты лежишь на боку

ко мне спиной
я послулся
а ты еще спишь

7

не утерпеть
и поцеловать тебя
сладко спящую
в теплое круглое плечо
ты повернешься
на другой бок
и забормочешь что-то невнятное
спросонья
не удержаться
и поцеловать тебя
сонную
в мягкие вкусные губы
не отнимая губ
ты ляжешь поудобнее
и прижмешься ко мне
животом и грудью
сдерживая нетерпение
долго ласкать
твое сонное
послушное тело
в полусне
ты будешь слегка постанывать
едва отвечая
ласками на ласки
овладеть тобою
сонной
в предрассветный час
когда вдали запоют петухи

засыпая в твоих объятиях
поцеловать тебя
уже спящую
в нежное теплое веко

8

я решил тебя разлюбить
зачем
думаю
мне любить-то тебя
далекую
ты где-то там
а я тут

зачем
думаю
мне сохнуть по тебе
 ты там с кем-то
 а я тут без тебя
к чему
думаю
мне мучиться
 разлюблю-ка я тебя
 и дело с концом

и я тебя разлюбил

целый день
я не любил тебя ни капельки
целый день
я ходил мрачный и свободный
свободный и несчастный
несчастный и опустошенный
опустошенный и озлобленный
на кого
неизвестно

целый день
я ходил страшно гордый
тем что разлюбил тебя
разлюбил так храбро
так храбро и решительно
так решительно и бесповоротно

целый день
я ходил и чуть не плакал
все-таки жалко было
что я тебя разлюбил
что ни говори
а жалко

но вечером
я снова влюбился в тебя
влюбился до беспамятства
и теперь я люблю тебя
свежей
острой
совершенно новой любовью

попытаюсь
опять тебя разлюбить

9

стоит мне захотеть —
говорю —
и я увековечу ее красоту
в тысячах гранитных
 бронзовых
 и мраморных статуй
и навсегда останутся во вселенной
ее ноздри
и узенькая ложбинка
снизу между ноздрей
 стоит мне только захотеть!

экий бахвал! —
говорят —
противно слушать!

стоит мне захотеть —
говорю —
и тысячелетия
будут каплями стекать
в ямки ее ключиц
и высыхать там
не оставляя никакого следа
 стоит мне лишь захотеть!

ну и хвастун! —
говорят —
таких мало!

тогда я подхожу к тебе
целую тебя в висок
и твои седые волосы
начинают светиться
мягким голубоватым светом
они глядят
и глазам своим не верят

10

в Индокитае горят джунгли
строительство Ассуанской плотины
подходит к концу
История упорно куда-то движется
а ты
голая
лежишь на спине и смеешься —

я пью из твоего пупка
я пью водку
 коньяк
 виски
 вермут
 и сухие вина разных марок
твой глубокий пупок
всегда наполнен

бедняжка История
вся в заботах
куда-то отчаянно спешит
а ты
совершенно голая
лежишь на спине
и тихо смеешься
стараясь не расплескать
содержимое пупка
я пьян беспробудно

11

оказавшись
в этом сложно устроенном мире
я с удивлением глядел
на безногого и однорукого инвалида
который очень ловко передвигался
с помощью единственной руки

по ночам
не переставая удивляться
я слушал сводный хор ангелов
который пел очень торжественно

к своему величайшему удивлению
я обнаружил здесь
твой рот
твои локти
и твой голос

это озадачило меня
вконец

Себе

1

накручиваю на палец

ее длинный белый волос
и гляжу во мрак
ее карих зрачков
что ты там видишь? —
спрашивает она

многое — говорю —
и себя тоже
свое отражение
не моргай пожалуйста
не мешай смотреть

собою значит любишься? —
говорит она —
ну и любуйся!

2

сказать ей:
люблю тебя!
но это так мало!
сказать ей:
безумно люблю тебя!
но это так банально!
сказать ей:
непозволительно нежно
неосмотрительно страстно
непростительно смело
люблю тебя!
но это так многословно!

что же сказать ей?

3

темный треугольник
(равнобедренный
почти равносторонний)
сверху волосы пореже
снизу погуще

в темный треугольник
погружаю свое лицо
и ухожу в предысторию
в первобытные леса

не заблудись милый! —
шепчет она —
будь осторожен!

4

шел неуместный зимний дождь
навстречу мне шел прохожий
изгиб канала
напоминал изгиб ее руки
когда она причесывается
глядя в зеркало
капли дождя
стекали по руке вниз
к плечу

ты же вся вымокнешь! —
сказал я громко

прохожий остановился
и поглядел на меня удивленно

да да! —
сказал я ему —
я сумасшедший!
ну и что?

5

трогать губами
ее гордо торчащие соски
и позабыть
 что было вчера
и позабыть
 что было неделю назад
и позабыть
 что было тысячу лет назад
и не думать о том
 что будет

трогать губами
ее розовые соски
и не слышать
 как тикают под ухом часы
и не слышать
 как злобно стучат часы
и не слышать
 как грохочут взбесившиеся часы
и не видеть
 как мчатся по кругу
 их озверевшие стрелки
легонько покусывать

ее прохладные соски
и быть младенцем

счастливейшим в мире

6

так не любят! —
сказала она —
любят иначе

дура!
дура!
идiotка несчастная! —
заорал я

ну вот
изругал меня всю! —
сказала она
и надулась

тронул пальцем ее локоть —
не помогло
дулась минут десять

7

она не глупа
но тело ее — умнее
и она ревнует ко мне
свое тело

ты любишь только его! —
говорит она мне с обидой —
ты любишь его потому
что оно послушно тебе! —
и она оставляет мне на ночь
свое обнаженное тело
а сама уходит куда-то
и возвращается только утром
чтобы приготовить завтрак
как увлекательны
длинные ночные беседы
с мудрым
все понимающим телом ее!
о чем мы только не говорим!

8

камень на сердце
(гранитный валун
килограмм этак в триста
не меньше)
сердце разумеется раздавлено в лепешку
(толщиной миллиметра в три
не больше)

она нашла автокран
дала шоферу на пол-литра
он и положил камень
на мое сердце

так ему и надо! – сказала

а что я ей сделал?

9

по воле слепого случая
мы коснулись друг друга
на кратчайший миг
в самом начале осени

наш миг еще не истек
и я говорю:
поглядите!
поглядите скорее!
она трется носом
о мою бороду
а я глажу ладонью
ее затылок!
поглядите как мы прекрасны!
но никто не глядит
все чем-то заняты
у всех свои заботы
всем не до нас
наш миг уже истекает

10

ночью просыпаюсь в сомнении:
неужели и впрямь
существует белый столп ее шеи
с двумя тонкими складочками

у подбородка?

включаю свет
разглядываю фотографии
и убеждаюсь —
да
существует!

ночью просыпаюсь в страхе:
неужели и впрямь
исчезнут когда-нибудь
пятнышки оспы
на ее левом предплечье
и само предплечье
исчезнет навеки?

встаю
подхожу к окну
и гляжу на облака
освещенные лунным светом
да
исчезнет!

11

рано утром
разбудила меня свобода —
прекраснейшая из женщин
она поцеловала меня в щеку
у правой ноздри

я проглотил слюну

и долго-долго
слюна скользила по пищеводу
к желудку —
целую вечность

Апостол духа

некто приблизительный
с одутловатым лицом
не говорящий ни по-французски
ни по-чукотски
ни по-монгольски

но со стулом в руках
некто приземистый
с угрюмым взглядом
похожий на папу Иннокентия
Десятого

(о
Веласкес был мастер великий!)
и с нежным цветом лица
похожий на мадонну Джиованни
Беллини

(о
Джиованни!)
некто неожиданный
ждали лругого

предположим
что он апостол духа
почему бы и нет?

он поставит стул
и сядет

если не сядет – тоже не страшно
постоит

рядом со стулом

Чаша

всего-то
только и было —
 Большая Медведица над лесом
 большое солнце над морем
 и высокие горы где-то на юге

всего-то
только и есть —
 глубокая чаша
 налитая до краев
 старинная красивая чаша

всего-то
только и надо —
 взять эту чашу
 и выпить

ибо и тебя
не миновала чаша сия
и тебя
 как видишь

Смерть Гипатии

днем
кого-то зверски убили
чье-то тело
кажется женское
разорвали на части

я представил себе лица убийц
у одного были гнилые зубы
у другого – красные глаза
у третьего был зоб на шее
у четвертого была язва на щеке
у пятого был шрам на лбу
но шестой был красив как Антиной
остальные
примет
не имели

вечером
радио сообщило
что в северной части Соединенных Штатов
прошел небольшой дождь
а на всей территории Индии
стоит сухая теплая погода
температура воздуха 32–34 градуса

радио сообщило также
что сегодня
в Александрии
толпа изуверов
растерзала Гипатию дочь Теона
женщину ума необычайного
итак
Гипатия уже мертва
пройдет лет восемьсот
и родится Данте

подождем

Бывает час

бывает час
когда они уходят
когда они удаляются
 не попрощавшись
когда все они покидают меня
 ненадолго
бывает такой час
когда уходят все печали
 и большие
 и средние
 и совсем мизерные
и остается одна
самая главная печаль

но бывает и такой час
когда нет меня здесь
когда я там

а там
я всегда беспечален

«ЛЮБЛЮ...»

люблю
когда рушится
цветущий мир моего благополучия
люблю смотреть
на его дымящиеся развалины
люблю
долго по камушку
восстанавливать разрушенное
и не люблю
когда меня отвлекают от работы
дурацкими вопросами:
зачем-де восстанавливать
все равно все разрушится

люблю
бессмысленный труд

«ВЫ НЕ ВЫЗЫВАЕТЕ ВО МНЕ...»

вы не вызываете во мне
симпатии
вы не вызываете во мне
сочувствия
вы не вызываете во мне
уважения
раздражения
удивления
любви
ненависти
злости
ужаса
отвращения
вы не возбуждаете во мне
никаких подозрений
вы не пробуждаете во мне
легкий интерес

съешьте одну из глав
храма Василия Блаженного
съешьте ее целиком
не выплевывая косточек
съешьте ее всухомятку
ничем не запивая
и я заинтересуюсь вами
всерьез
съешьте
хотя бы электрическую лампочку
я согласен
можно перегоревшую

Хищные люди

в числе прочего
был зверь пьющий воду
(жажда его измучила)
и была благодарность
в глазах пьющего зверя
(он пил из моих ладоней)
и были капли
стекавшие по морде пьющего зверя
(зверь пил жадно и неаккуратно)
и конечно
мне было жалко
измученного жаждой зверя
(хотя зверь и был хищным)
а напившись
благодарный зверь укусил меня за руку
и я понял
что это хищный человек
(ни один зверь так не поступит
ни один!)

но я не рассердился
я люблю хищных людей

я люблю вот этого
 который впился в мое колено
я люблю вот этого
 который дожевывает мое ухо
я люблю вот этого
 который перегрызает мне глотку

о как я полюблю вон того
 который сожрет меня целиком
 вместе с пуговицами!

пуговицы ему не помеха
я надеюсь

По-своему (вариация на тему о молчании)

буря
страшная буря
ветер чудовищной силы
гонит огромные волны
буря
невиданная буря
в стакане воды!
 так сказал человек
 имени которого не знаю

возьмите
возьмите поскорее их головы
их тела
их руки и ноги
их благие намерения
и злые умыслы
возьмите
возьмите их всех окаянных!
 так сказал человек
 имя которого не назову

не возмущаюсь чужим совершенством
только своим
не утомляюсь чужими трудами
только своими
не обжигаюсь чужими словами
только своими
не погружаюсь в чужое отчаянье
есть и свое
 так сказал я
 не стараясь быть слишком
 болтливым
все мы что-то сказали
и замолкли
 слово серебро
 а молчание золото
но была одна тонкость
 каждый из нас
 молчал
по-своему

«величие дел моих...»

величие дел моих
 то есть прискорбное их ничтожество
красота души моей
 то есть вопиющее ее безобразие
новизна размышлений моих
 то есть редкостная их банальность
глубина терзаний моих
 то есть полнейшее их отсутствие
пусть
вас
не смущают

кричите
 и вас услышат
входите
 и вам обрадуются
спите
 и вам приснится дивный сон

вам приснится
что у меня на плечах растут незабудки

подойдете
понюхаете
и почувствуете
 что вы счастливы

только не рвите эти незабудки —
пусть растут

«поглядеть на мир...»

поглядеть на мир
широко раскрыв глаза
удивленным наивным взором
(усыпить его бдительность)

он разоткровенничается
начнет хвастаться
станет кичиться своим величием

тогда
мельком
как бы невзначай
так взглянуть на мир
чтобы он осекся
чтобы он вздрогнул и сник
(пусть не зазнается!)

уходя из мира
самодовольно усмехнуться

Угол Исаакия

зады стоящих машин
торчащие над тротуаром
груды проходящих женщин
торчащие под кофточками
и угол Исаакия
торчащий в конце улицы
он остер
зловещ
и достаточно тверд
не расшибиться бы об угол Исаакия
дойдя до конца улицы!

только спокойствие
только сосредоточенность
только предельная выдержка
только безукоризненная точность
движений

могут спасти меня
от неминуемой гибели

Исаакий приближается!
Исаакий приближается!
угол Исаакия уже предо мною!

обгорелая спичка на асфальте
рядом окурок сигареты
рядом женская шпилька
вот и все

что я увижу перед смертью
скажут: красивая смерть!
и вытрут окровавленный угол
но угол Исаакия отодвигается!
но угол Исаакия удаляется!
но Исаакий уже далеко!

кажется
я спасся бегством

На берегу озера

как много птиц
на берегу озера!
и зяблики
и синицы
и дрозд-рябинник!
боже мой
сколько тут птиц!

на берегу озера
я проживу всю жизнь

в конце жизни
я сяду на пенек
и задумаюсь

чего тебе еще надо? —
спрошу я себя
и отвечу:
ничего!
чем ты недоволен? —
спрошу я себя
и отвечу:
ничем!
похоже что ты счастлив? —
скажу я себе
и отвечу:
похоже!
но как поют птицы
на берегу озера!
и щеглы
и малиновки
и лесной скворец!
ах черт
как они поют!

Лицо поэзии

показали топорное
 рябое
 веснушчатое
 очень глупое лицо
 с маленькими злыми глазками
вот – говорят —
полюбуйтесь
это лицо поэзии
 оно слегка простовато
 но ничего

покажите что-нибудь еще – попросил я

показали длинное
 желтое
 худое
 очень морщинистое лицо
 с глазами на выкате
извольте – говорят —
это тоже лицо поэзии
 оно слегка старовато
 но сойдет

а больше ничего нет? – спросил я

тогда показали круглый блин
румяный с краев
 глаз не было
 и носа – тоже
 но запах был аппетитный
сметана у вас найдется? – спросил я
– сколько угодно – говорят —
ешьте на здоровье!
я и позавтракал

На темы книги Иова

1

иные принадлежат к врагам света

гл. 25

одни

друзья самим себе

другие

друзья своих друзей

а третьи

принадлежат к друзьям света

друзей света великое

множество

всех не сосчитать

одни

враги самим себе

другие

враги своих врагов

а третьи

принадлежат к врагам света

врагов света несметное

количество

всех не перечесать

и врагов и друзей

у света предостаточно

их борьба будет долгой

но одно несомненно —

если победят враги

наступит тьма

и придется жить

при искусственном освещении

2

в день гибели пощажен бывает злодей

гл. 21

все верят в справедливость

и думают так:

рано или поздно

злодей должен погибнуть

и все ждут

долго ждут

терпеливо ждут
и наступает
(о наконец-то!)
тот долгожданный
 радостный
 лучезарный день
и
по обыкновению
в день гибели
пощажен бывает злодей
 судьба
 увы
 благоклонна к злодеям
но по-прежнему
все верят в справедливость
и думают так:
 рано или поздно
 злодей все равно умрет
 собственной смертью!

3

 не попирали ее звери величавые
 и не ходил по ней лев
гл. 28

скажу вам по совести
она
существует!

не бывал на ней
 Свифт
не писал о ней
 Птоломей
не растет на ней
 редиска
не валяются на ней
 окурки
не попирали ее
 звери величавые
и не ходил по ней
 лев

есть такая планета
есть!

я на ней свою кепку оставил
повесил на гвоздик
и позабыл

так она и висит там
на гвоздике
что с ней сделается?

Бегун

бегун бежал
бегун был предан бегу
бегун бежал боясь остановиться
бегун был робок
бегун бежал и грыз на бегу батон
бегун давно уже ничего не ел
бегун бежал и брился на бегу механической
бритвой
бегун давно уже не брился
бегун бежал и боролся на бегу с зевотой
бежать ему давно уже наскучило

бегун был молод
и древен
бегун был тяжек
и невесом
бегун был строен
и тучен до безобразия

бегун бежал но и не бежал однако
бегун был хитрый
бегун бежал но никуда не убегал
это был бег на месте

правда место было хорошее
бегун его выбрал умеючи

но было нечто в беге бегуна
ох было!

Кладбищенские кошки

кучка живых
у рыжего гроба
а вокруг
бездны пространства
и сытые кладбищенские кошки

жалкая кучка живых
у дешевого гроба из сырых сосновых досок
покрашенных рыжей краской
которая прилипает к рукам
а вокруг
просторы вселенной
(будь они прокляты)
и подозрительно жирные кладбищенские
кошки

неужто и правда! —
думаю я с содроганием —
неужто и правда эти кошки питаются
мертвецами?
неужто и правда по ночам они собираются
в стаи
раскапывают могилы лапами
и урча от удовольствия
пожирают свежих покойников?

устыдившись этой мысли
я прошу у кошек прощения
ни секунды не медля

и кошки меня прощают
помедлив
слегка

Монолог о смерти

как?
как вы можете жить
подлю позабыв о смерти
о застенчивой смирной смерти
день и ночь стоящей за дверью?

как?
как вы можете пожирать
этот торт со взбитым кремом
и при этом облизываться
и при этом даже не вспоминать о смерти
об этой скромнице?

и как я могу
глядя на вас
думать о смерти
только о смерти
об этой тихоне
и больше ни о чем?

ума не приложу

«их трое...»

их трое
мудрец
глупец
и мертвец
казалось бы
мудрец мудр
глупец глуп
а мертвец мертв
но как бы не так!
мудрец глуп
глупец мудр
а мертвец жив

но есть еще трое
храбрец
хитрец
и подлец
храбрец конечно не подлец
хитрец разумеется не храбрец
но подлец вероятно хитрец

есть еще и гордец
возможно что он мудрец
быть может он и хитрец
не исключено что он даже подлец
но несомненно что он не мертвец
от гордости не помирают
в дальнейшем произойдет следующее:
мудрец оживит мертвеца
глупец убьет мудреца
храбрец спасет хитреца
подлец предаст храбреца
но гордец еще больше возгордится
я его знаю!

дальнейшее и пугает меня
отчасти

но есть еще пловец
и он
как ни странно
 плывет
и еще есть певец
а он
как ни глупо
 поет

это обнадеживает

Веселые пьяненькие

веселые пьяненькие вакханки
на полотне Рубенса
 пляшут
 трясут грудями
 вертят голыми задницами
а ведь это неприлично!

веселые пьяненькие слепцы
на скамейке в парке
 хи-хи да хо-хо
 ха-ха да хе-хе
а ведь ни черта же не видят!

веселый пьяненький век
на восьмом десятке
 напугает до смерти
 и смеется
 и потом снова пугает
а ведь уже немолод!

Под грохот барабана

стою с краю
стараясь не выходить на середину
стараясь даже не глядеть на середину
 боюсь соблазна

голос флейты
 утром до завтрака
и голос гобоя
 вечером перед сном
как мало
как мало
 мне надо!

стою у порога
стараясь не мешать входящим
 и выходящим
стараясь не глядеть за порог
 боюсь искушений!

но издалека – грохот барабана
этот вечный грохот барабана!

если бы не барабан!
о если бы не барабан!
 я бы спал стоя
 если бы не барабан

Как я тебя люблю

ты знаешь
милая
я так тебя люблю
 что скулы сводит
 что першит в гортани
 что зубы ноют
 и в суставах ломота

ты знаешь
милая
любовь моя к тебе
столь велика
что взявшись измерять
ее длину
а также глубину
я скоро понял
что старания напрасны
 она не поддается измерениям

а знаешь
милая
когда я вдруг сказал
во всеуслышанье
что я тебя люблю
произошел переполох великий
 шпиль Петропавловки
 изрядно покосился
 а купол Исаакия осел
 и стал похож
 на крышку от кастрюли
я попытался купол приподнять
но ничего не вышло
он тяжелый
лишь руки оцарапал о края
они остры

и все меня жалеют
и все завидуют
и все потрясены

вот видишь
милая
как я тебя люблю!
 а ты смеешься
глупая ты
право

Знакомство

лет десять
она шла впереди

в руках я нее была сетка
в сетке лежало нечто округлое
завернутое в газету

пытался ее догнать
но безуспешно
пробовал ее окликнуть
но никакого результата
ждал – может оглянется
но она не оглядывалась

наконец она остановилась
обернулась
и уставилась на меня

почему вы меня преследуете? —
сказала она сердито —
я Юдифь
у меня в сетке голова Олоферна
хотите посмотреть?

она развернула газету
и показала
отрубленную голову Олоферна
я чуть в обморок не упал

так мы познакомились

с тех пор
идем рядом

я несу сетку с головой Олоферна
она идет налегке

голова довольно тяжелая
надо сказать

Положение во гроб

есть гроб
и мертвец имеется
 так положим же мертвеца
во гроб

вы двое – заклые враги
 берите покойника за руки
а вы двое – закадычные друзья
 беритесь за ноги
ты энтузиаст
с детства презирающий смерть
 берись за голову
а ты скептик
с пеленок привыкший к смерти
 поддерживай зад

взяли!
подняли!
понесли!
 ногами вперед!
 ногами вперед!
мать вашу так —
 ногами вперед!

эй враги
немного полегче!
 вы сломаете усопшему руки!
эй друзья
вы что – заснули?
 пятки почившего пашут землю!
эй энтузиаст
разве так держат?
 это же не арбуз а голова
 умершего!
но ты скептик
заслуживаешь похвалы
 век бы тебе таскать мертвецов!

принесли
приподняли
положили
 чуть-чуть правее!
 чуть-чуть левее!
мать вашу так —
 чуть-чуть левее!
теперь все в порядке

есть гроб
и есть мертвец
 лежащий в гробу
больше
 нам ничего не надо
 отдохнем
и начнем оплакивать

плакать будем долго
покойного жаль

Циприану Норвиду

я из отверженных этого мира
Норвид

как плох сей мир!
Норвид

не расстраивайтесь
Норвид
 обойдетесь и без этого мира
не отчаивайтесь
Норвид
 проживете и без этого жалкого мира
успокойтесь
Норвид
 позабудьте об этом несчастном мире
радуйтесь
Норвид
 вы отвергнуты этим уродливым миром
ликуйте
Норвид
 вы не поняты этим безмозглым миром
пляшите
Норвид
 вы не признаны этим миром-недоноском!

погодите
Циприан Норвид
 этот мир спохватится
 локти
будет
кусать

Возвращаясь к отчаянью

возвращаюсь к отчаянью
могу предложить следующее:

впадающий в мрачное отчаяние
да не оробеет в последний миг!
одолевший необоримое отчаянье
да останется жив и невредим!
приспособившийся к нестерпимому отчаянью
да не зазнается чрезмерно!
полюбивший смертельное отчаянье
да будет безмятежно счастлив!
не знавший истинного отчаянья
да познает его немедля!
дошедший до полнейшего отчаянья
да не лишится здравого рассудка!
приникший к родному отчаянью
пусть подремлет сладко

с чувством глубочайшей ответственности
я призываю вас к отчаянью
дорогие враги!
а вы
ненавистные друзья
отчаянья недостойны!

Старуха

старуха
с рыхлым бесформенным телом
старуха
шаркающая туфлями
старуха
бредущая вперевалку
старуха
с лицом добродушной ведьмы
 о эта вечная старуха
 ковыляющая где-то рядом
 то ли сзади
 то ли сбоку
 то ли спереди!

впрочем
она безобидна

два раза переводил ее через улицу
 два раза она сказала мне «спасибо»
два раза помогал ей сесть в автобус
 два раза она сказала «благодарю вас»
один раз помог ей собрать апельсины —
они вывалились из сумки и раскатились
 по асфальту
и она сказала мне «дай бог вам
 здоровья»

и все же
старуха

старуха
глядящая на меня с гравюры Кранаха
старуха
подающая мне пальто в гардеробе
старуха
прогуливающая облезлую болонку
старуха
целующая уголок иконы
старуха
порхающая по сцене в белой пачке
старуха
бегущая в школу в коричневом платице
старуха
лежащая в детской коляске с соской во рту!
говорю ей:
гу! гу!

и делаю смешную рожу
но она не смеется

она еще слишком мала

Безумный рыцарь (из средневековых стихов)

тревогой
опоясан славный рыцарь
 а конь его
 заботами подкован
 сражение неизбежно
в сомненья
облачен бесстрашный рыцарь
 а конь его
 покрыт попоной страха
 сражение уже близится
в уныние
закован гордый рыцарь
 а конь его
 растерянностью взнуздан
 сражение вот-вот начнется
сидит в кустах
наш благородный рыцарь
 а конь его
 привязан к ветке дуба
 сражение длится уже третий день

на четвертый день
обезумевший от ужаса рыцарь
вскакивает на изнемогающего от безделья
 коня
и с тылу
обрушивается на врага
 победа!
 победа!
 победа!
но где он
наш победитель
наш отважный безумец?

он сидит на лужайке
совершенно голый
и блаженно почесывается
рядом сложены в кучу
 неоправданная тревога
 неуместные сомнения
 излишние заботы
 смешной нелепый страх
и слегка непристойная растерянность
 веселый обнаженный конь
 роет копытом землю

эта картина
вызывает всеобщее умиление
и только женщины стыдливо
 отворачиваются
рыцарь-то голый
да и конь тоже

но женщины понимают:
храбрость безумцев
творит историю

Люди

все люди разные
одинаковых нет

стоит человек
в глазах у него восторг
в душе у него блаженство
в руках у него бутылка
с молоком
на ногах у него высокие котурны
эй человек
угости молоком
не жадничай!

сидит человек
в лице у него решимость
в сердце у него отвага
в руках у него острый меч
на ногах у него старые
шлепанцы
эй человек
положи меч
и успокойся!

лежит человек
лицо у него застывшее
души у него нет
сердце его остановилось
руки у него свободны
и он бос
эй человек
неужто ты умер?

эй люди!
все —
и живые и мертвые!
приступаем к утренней физзарядке!
глубоко вздохните
и положите руки на бедра
начинаем приседания!

Три страницы из дневника

Страница первая

утром проснулся разбуженный бесом
он щелкнул меня по носу
гулял с дочерью в скверике
она каталась на трехколесном
велосипеде
подстриг ногти на руках
они были слишком длинными
спорил с бесом об искусстве
он меня не убедил
играл с дочерью в кубики
она была очень увлечена
уснул в полночь под невнятный шопот беса
он тоже уже засыпал

Страница вторая

утром проснулся разбуженный Эротом
он тормошил меня и смеялся
гулял с дочерью во дворе
она копалась в песке
подстриг себе бороду
она изрядно отросла
беседовал с Эротом о любви
он был красноречив
играл с дочерью в прятки
она пряталась очень старательно
уснул далеко за полночь
Эрот не давал мне покоя

Страница третья

утром проснулся разбуженный ангелом
он щекотал мне пятку
испугался
и снова заснул
проспал весь день

Три вечерних стихотворения

1. Дошло

(вариация на тему о бессмертии)

в один печальный туманный вечер
до меня дошло что я не бессмертен
что я непременно умру
в одно прекрасное ясное утро

от этой мысли
я не подскочил
как ужаленный злющей осой
хотя мог бы и подскочить
не вскрикнул
как ошпаренный крутым кипятком
хотя мог бы и вскрикнуть
не взвыл
как укушенный бешеным псом
хотя мог бы и взвыть
но признаться
я отчаянно загрустил
от этой
внезапно пронзившей меня мысли
в тот
невыносимо печальный
и на редкость туманный вечер

погрустив
я лег спать
и проснулся прекрасным ясным утром
летали галки
дымили трубы
грохотали грузовики

может быть я все же бессмертен? —
подумал я —
всякое бывает

2. Обычный час

(вариация на тему о тишине)

Был вечерний час
с десяти до одиннадцати.
Ветра не было,
были сумерки,
было прохладно,

была тишина.
Лишь внезапный грохот реактивного
истребителя
над самой головой
(пролетел —
и опять тишина).

Лишь гул товарного поезда
вдалеке
(прошел —
и опять тишина).

Лишь треск мотоцикла
где-то за озером
(проехал —
и снова тихо).

Лишь глухой стук
в левой части груди
под ребрами.
(он не смолкает
ни на минуту).

Был обычный час жизни
на пороге ночи.
Был необычный век,
двадцатый по счету.

3. Вариация на тему о моем кресте

поздним дождливым вечером
 я бреду один
 по грязной дороге
 с корявым
 кое-как сколоченным крестом
 на плече

холодный дождь
хлещет в лицо
голые ноги
тонут в грязи
тяжелый крест
давит плечо
и в сумерках дороги почти не видно

но к девяти утра
мне надо придти на Голгофу
я не люблю опаздывать

я б хотел
чтобы утром была хорошая погода
я б хотел

чтобы на казнь собралось побольше народу
я б хотел
чтобы меня распяли не одного
а хотя бы с бандитами
все веселее
я б хотел умирать долго
как и положено распятому
могут ведь прикончить и раньше

я б хотел
чтобы народ кидал в меня камнями и гнилой
картошкой
пусть потешится

я бы не хотел воскресать
но судя по всему
придется

Я и Город

не буду злопамятным
и всех прощу
 город
 похвалит меня за это

нет
лучше подожду
подойду к окну
и подумаю
глядя на мотороллер
оставленный кем-то у входа в булочную
 город
 не станет меня торопить

или нет
лучше
уйду
и буду бродить по городу
пока не стемнеет
пока не пойдет дождь
пока не устану
 город
 не будет меня ни о чем спрашивать

а потом вернусь
задерну штору на окне
и лягу спать

мне приснится
что я никого не простил
и тысячи непощенных бродят по городу

нет
сотни тысяч

Памятник

я воздвиг себе памятник
своими руками

я соорудил его
из фанерных ящиков
и из железных бочек
я обклеил его
бумажками от конфет
и фотографиями кинозвезд

стою
и люблюсь

я воздвиг себе приличный памятник
из недорогих материалов
зачем деньги тратить?
я воздвиг себе небольшой памятник
в укромном месте
зачем привлекать внимание?
я воздвиг себе скромный временный
памятник
зачем думать о вечности?

постою
полюбуюсь
а потом засомневаюсь
а потом разочаруюсь
а потом приду в уныние
а потом дойду до отчаянья
и стану искать спички

пока не найду
не успокоюсь

я сожгу свой памятник
сам

Созвездие Стрельца

стреляй в меня
созвездие Стрельца!
ночь нынче лунная
я весь на виду
только целься как следует

первая стрела
раздробит мне левую ключицу
и выйдет под правой лопаткой
я потрогаю ее оперение
и определю ее калибр

вторая стрела
воткнется мне в правый бок
и выйдет в левом паху
я пощупаю ее наконечник
и определю марку стали

двух стрел
будет вполне достаточно

стреляй же
стреляй
созвездие стрельца!
чего ты медлишь?

ты не умеешь Стрелять
я так и думал
я научу тебя стрелять
хочешь?

На пути из Петербурга в Москву

на пути из Петербурга в Москву
я забрел в вагон-ресторан
и выпил стакан вермута
 за окном темнели леса
 серели избы
 желтели поля
Петербург удалялся
Москва приближалась

о Русь! —
вздохнул я
и выпил второй стакан вермута
 за окном пошел дождь
 и капли текли по стеклу
 слева направо

эх Русь! —
сказал я
и тихо заплакал сладкими слезами
Петербург все удалялся
Москва все приближалась
 но дождь прекратился
 и солнце запрыгало
 между стволами берез

ох Русь! —
простонал я
и продолжал плакать
пока не успокоился
чего я плакал
на пути из Петербурга в Москву?
– черт его знает

К истокам

выбрать реку получше
и идти по ней к истокам
преодолевая
 непроходимые чащи
 человеческого недомыслия
 непролазные болота
 человеческой подлости
 неприступные скалы
 человеческой злобы
прийти к истокам
отдышавшись
и пойти обратно
вниз по течению
наслаждаясь
 поражительным зрелищем
 человеческой доброты
радуясь
 бесчисленным доказательствам
 человеческого благородства
восторгаясь
 удивительными примерами
 человеческого мужества

прийти к устью
 все понявшим
 все познавшим
 все оценившим
 и немного уставшим
сесть на камушек
и ждать у моря погоды
 ждать
и надеяться
 ждать
и надеяться
 ждать
и надеяться

Танцевальные мотивы

1. Дальняя пляска (вариация на тему о дали)

вдали
кто-то пляшет

пляшите милые
пляшите!
пляшите родные мои
пляшите!
пляшите смелые!

о как уместны
как своевременны
как незаменимы
вы
ретиво пляшущие вдали!
вы
бесшабашно пляшущие вдали!
вы
искусно пляшущие
на изрядном от меня расстоянии!

пляшите же!
пляшите без отдыха!
пляшите не на жизнь а на смерть!
и все вам простится
только пляшите вдали
не приближайтесь

2. Полонез (посвящается моей жене посетившей Польшу)

станцуем полонез!
станцуем его как следует!
станцуем его на воде
потому что на воде танцевать так удобно!

о как дивны твои белые кружева
моя дорогая!
как великолепен твой белый парик
моя радость!
как шуршат твои белые юбки
мое счастье!
о как хорошо

что ты вся в белом!

взявшись за руки
медленно
и чуть-чуть приседая
мы пойдем по Неве

мы пройдем
 мимо дворцовых колоннад
 мимо якорных цепей
 мимо шлюпок и катеров
 мимо ржавых пароходов в доках
и выйдем в залив

многобашенные облака
встанут перед нами на горизонте
и крейсер на кронштадтском рейде
произведет салют
в нашу честь

медленно
и чуть-чуть приседая
мы уйдем в море
и нас никто не остановит
потому что танцевать полонез никому
 не запрещено
 ни на суше
 ни на воде

3. Свистопляска

раздался свист
и началась пляска

плясали в одиночку
 парами
 группами человек по десять
 небольшими толпами человек
 по триста
 и необозримыми многотысячными
 толпами

топот стоял
адский

кто свистел? – спрашиваю —
кто свистел?

ты! – говорят —
ты и свистел!

ты устроил эту свистопляску!
свистни еще раз
и запляшет все человечество!

я свистнул
и все человечество заплясало
домашние животные
плясали тоже
судя по всему
свиста ждали давно
страдали и ждали
терпели и ждали
верили и ждали
ждали и готовились

«скромный...»

скромный

укройся в глубинах бесстыдства
вырви свой корень из высохшей почвы
каждую птицу оклихни по имени

наглый

побалуйся штучным подсчетом
гальки
на пляжах Кавказа и Крыма
вытащи тело свое из чулана
и осмотри его —
все ли в порядке?

нервный

нажми на рычаг – не пугайся
выскочи ночью один из трамвая
крикни невеждам что жалость истлела
и подымайся на сотый этаж

твердый

рассыпся

голый

оденься

грязный

умойся

рослый

пригнись

безобразные

обретите красоту

и станьте слева

бессердечные

вооружитесь добротой

и станьте справа

я встану посередине

сфотографируемся

на память

Кватроченто

тонкий
указующий палец ангела
улитка
ползущая у ангельских ног
и обкусанный рот
измученной родами девы
 волхвы
 пастухи
 короли
все на коленях

ранний рассвет
 на ресницах Марии
рощи и реки
 в ресницах Марии
рыбы и птицы
 в ресницах Марии
робкие звери
 в ресницах Марии

нежный пушок
на затылке Марии
чуть позолочен
ранним рассветом

вдали на дороге
всадники
один
в красном плаще

Надежда

появилась надежда
крошечная надежда
ростом с дюймовочку

посадил ее на ладонь
разглядел —
экая диковина!

поставил ее на пол
говорю: прощай! —
она не уходит

подтолкнул ее носком ботинка
говорю:
проваливай! —
она не уходит

поднес ее к двери
поставил на порог
говорю: беги пока жива! —
она схватилась за косяк
и не уходит

придется задушить девочонку

приглашу профессиональных убийц
и отвернусь —
пусть душат
о блаженная безнадежность!

Вариация на тему о зависти

стою над Зимней канавкой
и гляжу на проплывающий мусор

— к вечеру — думаю я —
этот мусор выплывет в залив
через неделю
он окажется в море
через месяц
его вынесет в океан
через год
его прибьет к берегам Аргентины

о черт! неужели я завидую мусору? —
спохватываюсь я
и отворачиваюсь от Зимней канавки

о дьявол! неужели я так завистлив? —
ужасаюсь я
и ухожу прочь от Зимней канавки

о господи! зачем мне берега
Аргентины? —
возмущаюсь я
и выхожу к Мойке

стою над Мойкой
гляжу на проплывающий мусор
и ни о чем не думаю
ни о чем

Вариация на тему о Голгофе

лет десять
я забирался на высоченную гору
и вот вершина!

на вершине большой крест
у креста палачи
 воины
 и народ

– как называется эта гора? —
спрашиваю я
– Голгофа! – отвечают —
Голгофа!

– неужели Голгофа так высока? —
удивляюсь я
– высока! – говорят —
страшно высока!

вздохнув
я отдаюсь в руки палачей

– не зря же я лез на эту гору! —
думаю я —
пусть распинают!

«сегодня как вчера...»

сегодня как вчера
как два дня назад
как тысячи лет назад

сегодня как всегда
вчера же
как завтра

но завтра
я буду есть сегодняшний суп
который станет вчерашним

— кто знает что будет послезавтра
подымите руки!

и подымается
лес рук

начинаю считать
дохожу до двухсот
и бросаю

сегодня как вчера
как два дня назад
как тысячи лет назад
все знают что будет послезавтра

и так будет всегда
я надеюсь

«ВОТ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ...»

вот жизнь и смерть
два славных существа

я доверяю им
но что-то в их повадках
меня пугает

я им говорю:
повадки ваши вызывают по ночам
во мне тревогу —
я тревожно засыпаю
тревожно сплю
и просыпаюсь вдруг
в тревоге

но жизнь и смерть
повадок не меняют

два своенравных
и упрямых существа

Неизвестность

взгляните
 перед нами неизвестность
 перед нами подозрительная неизвестность
 перед нами чрезвычайно опасная
 неизвестность
 перед нами совсем не та неизвестность
 которую мы искали!

ВЗГЛЯНИТЕ
ВО ТЬМУ НЕИЗВЕСТНОСТИ
УХОДИТ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК
ВПЕРЕДИ БРАВОЙ ПОЛКОВНИК

ВЗГЛЯНИТЕ
ВЗГЛЯНИТЕ
ВО ТЬМЕ НЕИЗВЕСТНОСТИ
ВСПЫХИВАЕТ ОГОНЕК —
ПОЛКОВНИК ЗАКУРИВАЕТ!

ВЗГЛЯНИТЕ И СКАЖИТЕ:
храбрец

но учтите
перед вами полнейшая
 неизвестность
полнейшая

Новости (из средневековых стихов)

все так обыденно:

войны
пожары
чума и холера

и вдруг новость:

в самом обширном зале
самого неприступного замка
на самом видном месте
нашли ржавую подкову
самую обыкновенную подкову!

изумились

приколотили подкову к воротам

и снова все стало обыденным:

пиры
турниры
споры схоластов

но вдруг еще одна новость:

подкова исчезла!

возмутились

стали искать подкову повсюду

но не нашли

и опять все до отвращения обыденно:

мятежи
ереси
охота на кабанов

и вдруг самая последняя новость:

на том самом месте
в том самом зале
того самого замка

нашли еще одну подкову —
такую же самую!

обрадовались

спрятали подкову подальше

и снова все до омерзения обыденно:

коронования
казни
и толкования на апокалипсис

толкований

было множество

новостей

больше не было

На заливе

снега
и небо
беспредельность
и безмолвие

беспредельность снегов и неба
от нее больно глазам
безмолвие снегов и неба
от него больно ушам

но гляжу
и слушаю

кое-где вдалеке
черные точки на белом —
рыбаки
время от времени над головой
хрипкое карканье —
вороны
но в основном
беспредельность и безмолвие

долго стою
гляжу
и слушаю

постепенно
рыбаки исчезают
вороны умолкают
снега сливаются с небом
а беспредельность сливается
сливается с безмолвием

в результате
все слилось воедино
как и следовало ожидать

но все еще стою
все гляжу и слушаю
по привычке

Гуляя по городу

немой
 фронтон
слепая
 колоннада
глухая
 арка
непричесанные
 окна

отважный
 монумент
запуганная
 площадь
озлобленный
 фонарь
бесчувственный
 киоск

изысканные формы мороженой трески
 на прилавке
интеллектуальная морда шотландской
 овчарки
 нюхающей воздух
музыкальное позвякивание пустых бутылок
 в кузове движущегося грузовика
крылатый пешеход остановившийся
 у магазина
 уцененных вещей

в пальто
у него
две дыры
овальной формы
 из них
 и торчат
крылья

все остальные пешеходы без крыльев
надо бы выяснить
почему

«замахнувшийся на святыни...»

замахнувшийся на святыни
спохватился
и опустил руку
замахнувшийся на святыни
понял что совершил оплошность
замахнувшийся на святыни
не был профессиональным святотатцем

но ему все равно отсекали руку
до самого плеча

люди незлые
говорят что это жестокость
 достаточно было
 отсечь кисть руки
люди добрые
говорят что чрезмерная жестокость
 достаточно было
 отсечь один палец
очень добрые люди
говорят что это изуверство
 достаточно было пожурить
 замахнувшегося на святыни

но послушаем
что скажет сам потерпевший

— отсекали
и ладно! —
 говорит он —
отсекли
и делу конец!

«я хочу вам что-то сказать...»

я хочу вам что-то сказать

я хочу сказать
что в ваших оболочках
в ваших мягких
но вполне надежных оболочках
в ваших мужественно-грубоватых
женственно-хрупких
младенчески-розовых
старчески-сморщенных
телесных оболочках...

я хочу сказать
что в ваших бранных оболочках
содержатся ваши бранные внутренности
только и всего

я не спрашиваю
куда вы дели
ваши бессмертные души
я деликатен

В тени обелиска

стою у подножия обелиска
тень обелиска падает мне на ногу
тень обелиска лежит у меня на плечах
тень обелиска холодит мне щеку
в тени обелиска
я никому не виден

но наступит
(наступит!
наступит!
наступит!
некий час
и все тени исчезнут
останется яркий
ровный
торжествующий свет

полностью освещенный
я буду виден всем
и верхолазам
и дантистам
и коллекционерам висячих замков
и продавцам уцененных книг
по алхимии астрологии и черной
магии

безукоризненно освещенный
я буду виден издалика
как обелиск

Вариация на тему об этом

когда бы я только знал
как это выглядит
откуда это взялось
для чего это предназначено
кому это нужно
кто к этому причастен
кого это возмущает
где это останется
с кем это раньше случалось
как этого избежать
и почему это так происходит!

но кое-что
я все же об этом знаю

когда бы я ничего не знал
я бы плевал против ветра
но разве я плюю?
когда бы я совсем ничего не знал
я бы обрился наголо
а я волосат
когда бы я не знал решительно ничего
я бы играл главную роль
но мне поручили роль статиста

главная роль
досталась девчонке
бойкой девчонке
по имени «метафора»
сопливой девчонке
взрослой как смерть

Небольшая коллекция кратких монологов

гневный монолог

ВОЗМУЩЕНИЯ

по знаку своего предводителя
дети с визгом бросились на меня
и повалили на землю!

внезапный монолог

ЛЮБОПЫТСТВА

куда он сбежал
дегустатор чистейших фантазий?

обычный монолог

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

не отраженья ли мостов?
не их ли арок
очертанья?

непростительный монолог

БЕЗЗАЩИТНОСТИ

дверные ручки
не кусайте мне ладони!
зачем кусаться?

скучный монолог

ПОВСЕДНЕВНОСТИ

о матершинники!
ваш заунывный мат
меня ввергает в сон необоримый!

заключительный монолог

РАСТЕРЯННОСТИ

Литейный проспект
врезался в солнце
по нему мчатся дымящиеся трамваи
будь что будет!

Среди колонн

брожу среди колонн
круглых
и граненых
стройных
и приземистых
гладких
и с каннелюрами
за каждой колонной
кто-то дышит
за каждой колонной
кто-то стоит
из-за каждой колонны
кто-то выглядывает

кто же это дышит?
кто же это стоит?
кто же это выглядывает?

улавливаю
останавливаюсь
и стою неподвижно
как колонна

и вот они выходят из-за колонн
мужчины
женщины
и дети
что это значит?
спрашиваю я

это значит
что ты неодинок
говорят мужчины
сомневаюсь!
говорю я

это значит
что ты нам нравишься
говорят женщины
не уверен!
говорю я

это значит
что нам не хватало одной колонны
говорят дети
я так и думал!

говоря я

Вечер

будничный вечер
с ухом навывкате
 теплый февраль
 раскисает от слякоти
в девять часов
пришла мысль
бесформенная и огромная
как тень Барклая
на фасаде Казанского собора
 а с нею Али-баба
 и все сорок разбойников
в половине десятого
пришел даровитый прозаик
с бутылкой портвейна
 Али-баба оживился
 разбойники тоже
в десять
пришла талантливая поэтесса
с бутылкой водки
 Али-баба совсем развеселился
 разбойники ликовали
в половине одиннадцатого
пришло странное чувство
имевшее форму усеченной пирамиды
и похожее на гробницу фараона
 Джосера
а с ним Черномор
и тридцать витязей прекрасных
словом
народу было множество

в половине первого
все ушли
остались пустые бутылки
и несчастный февраль

простенький вечер
с глазом беззубым

Рижский дождь

струится дождь
по водосточным трубам
 в кофейне сухо
 тихо
 и уютно
струится дождь
по черепичным крышам
 в кофейне пахнет
 кофе и корицей
струится дождь
по плитам тротуаров
по фонарям
и по телам машин
 в кофейне
 полумрак и безмятежность

не думать о дождях средневековья
струившихся по крышам старой Риги
смывавших кровь с дощатых эшафотов
стиравших копоть с крепостных бойниц

о маске думать
о гранитной маске
глядящей с улицы
в окно кофейни
о маске думать
мокрой от дождя
 несмотря ни на что
она улыбается

«ВОЗЬМУ СКРИПКУ...»

возьму скрипку
и попробую сыграть цыганские напевы
Сарасате
усядусь за орган
и начну импровизировать на темы Генделя
куплю глиняную свистульку
и просвищу военный марш собственного
сочинения
засуну руку в карман
и стану позвякивать медной мелочью

отберите у меня
скрипку и свистульку!
отгоните меня от органа!
отнимите у меня последнюю мелочь!
я же не музыкант!

и скажите
сто плюс один
не равно ли подчас единице?
сто минус сто
не равно ли порой десяти?

Вариация на тему о боге

без ненужной игривости
строго
и даже слегка чопорно
беру себя за воротник
приподымаю
и ставлю на первую ступеньку лестницы

без излишнего шума
не кашляя
не сопя носом
и стараясь не шаркать ногами
забираюсь на седьмой этаж
и перевожу дух

на двери табличка:

Заковыкиным	1 звонок
Мямлиным	2 звонка
Говорковым	3 звонка
Тряпичкину	4 звонка
Запрягаевой	5 звонков
Богатенковым	6 звонков
Господу Богу	7 звонков

звоню семь раз
и выходит заспанный бог

чего надо? спрашивает он
а ничего! говорю я
и сбегая вниз по лестнице

ах негодник!
ах поганец!
ах шпана!
 кричит бог

а вы потише! кричу я
оскорблять не имеете права!

внизу
я сажусь на первую ступеньку лестницы
подпираю щеку рукой
и без ложного глубокомыслия
размышляю о боге

Женихи Пенелопы (из антологии)

«Бесследно все, и так легко не быть!»
Ф. Тютчев

женихов было не много
но и не мало

пятьдесят семь
 с Дулихия
двадцать три
 с острова Самы
сорок четыре
 с Закинта
и двенадцать
 с самой Итаки

всего
сто тридцать шесть женихов
 и никто из них
 не спасся
козопас Мелантей
был тоже убит

мертвых женихов
сложили в штабель крестообразно

десять
 ногами на запад
десять
 ногами на юг
десять
 головами на запад
десять
 головами на юг

и так четырнадцать рядов
сверху
положили Мелантея

сложив
их облили смолой
и сожгли
а пепел развеяли
по склонам холмов

бесследно все и так легко не быть!

что правда
то правда

Возвращение в Коринф (из антологии)

три дня
мы плыли по Коринфскому заливу
 проплыли Димы
 проплыли Патры
 проплыли Эгион
миновали Гелику
 до Коринфа
 оставался день пути
но начался шторм
и нас выбросило на скалы

оставив разбитую триэру
мы пошли пешком
 прошли Карру
 прошли Булиду
 прошли Платеи
миновали Мегары
 до Коринфа
 было рукой подать
но началась война
на нас надели доспехи
и повели к Афинам

 прошло пять лет
 прошло еще пять лет
прошло еще пятнадцать лет
прошло еще два года
и война окончилась
 страдая от незаживающих ран
мы скинули доспехи
и направились в родной Коринф

по дороге
мы остановились в Микенах
 здесь
 меня и убил фракиец
 польстившийся на мои сандалии

хорошие были сандалии
на толстой подошве

Вавилонская башня (вариация)

башня!
громадная
глухая
голая
грузная

башня!

что там
на башне?
у башни?
под башней?

что там
над башней?

на башне
ничего нет
у башни
что-то виднеется
под башней
земная твердь
над башней
небесные бездны

снизу вверх
по стене башни
тысячу лет
ползет муравей

стало быть
башня бесконечно высока
стало быть
башня Вавилонская
стало быть
с ней все в порядке
она стало быть
еще стоит

слухи о разрушении Вавилонской
башни
не подтвердились

У стен

стою
у стены

вглядываюсь
вслушиваюсь
озираюсь по сторонам
не замечаю ничего существенного

прижимаюсь к стене
растаю в стену
сливаюсь со стеной
становлюсь ее частью

постояв немного
стена не выдерживает
и рушится

вместе с нею
разваливаюсь на куски
рассыпаюсь
распыляюсь
взвиваюсь столбом
оседаю
и забиваюсь во все щели
уцелевших стен

у каждой стены
кто-то стоит

вглядывается
вслушивается
озирается по сторонам
не замечает ничего существенного

Разувшийся

два ботинка
стоят посреди улицы
 дальше он пошел в одних носках
 стараясь не шлепать по лужам
грязные носки
лежат на тротуаре
 дальше он пошел босиком
 стараясь не наступать на плевки
 и окурки

вот он идет
гордо подняв голову
вот он идет босой
один среди обутых

будь же тверд
 наконец-то разувшийся
будь непреклонен
 публично разувшийся
будь неподкупен
 отважно разувшийся

не обувайся
 будь
 вечно
 бос!

В полях

пустынный полуостров
прибрежный павильон
простуженный петух
 продрогший полотер
посредственный пророк
приличный пианист
поджаренный пескарь
 потешный парикмахер
приветливый пастух
пристроенный портал
прирученный поток
 примерный полководец
пристыженный подлец
потертое пальто
подделанный портрет
 прилежный пацифист
подстриженный простак
порванные паруса
палящая пушка
 притаившийся паук
пожелтевший пергамент
погашенное пламя
парящий птеродактиль
подробнейший перечень пустяков
 и поля
 поля
 поля до горизонта
в полях полно перепелок

«ТЫ ЛИ ЭТО?..»

ты ли это?
вечер?
ты ли это?
ночь?
ты ли это?
минута
разбудившая меня на рассвете?
ты ли это?
рубеж
который переступаю отважно?
ты ли это?
моя верная тень?
на рубеже
ты переломилась надвое

Похожие

высокий усатый человек
похожий на Петра Великого
продает сигареты
рядом стоит бородатый человек
похожий на протопопа Аввакума
мимо проходит человек
с широким грубым лицом
похожий на Каракаллу
а в витрине овощного магазина
мое отражение —
я похож на Марка Аврелия

у витрины привязан
стройный рослый эрдельтерьер
кудрявая челка
падает ему на глаза
он похож на мою возлюбленную

Реальный случай

внимательно разглядывая
перегрызающего мне горло
я обнаружил у него на темени
небольшое отверстие
и дунул в него

перегрызающий перестал грызть
и задумался

– чистейший вымысел! —
скажут одни
– вполне реальный случай!
скажут другие

возникнет дискуссия

Колосс

издалека виден
возвышается

ни дать ни взять
Циклоп
но двуглазый

ни дать ни взять
Голиаф
но смирный

ни дать ни взять
Гаргантюа
но не обжора

подхожу к его ноге
и стучу по его колену
пальцем
он вздрагивает
и издает странные звуки
напоминающие детский плач

ни дать ни взять
колоссальный младенец
но бородат

словом
загадочен

отовсюду виден
возвышается

Горечь

горько от мысли
что день на исходе
что растворяется сахар в стакане
что растворяется дым над трубою
что испаряются льдины на солнце

горько что ветер ломает деревья

как горек лук!
как горек черный перец!

но потребности в горечи
удовлетворяются лишь частично

нужна великая желтая горечь
на голубом фоне

и нужен черный свет

Мудрый восьмой

Это приличный человек —
говорит первый
и все зевают в кулак
это суровый человек —
говорит второй
и все сдвигают брови
это презренный человек —
говорит третий
и все криво усмеваются
это опасный человек —
говорит четвертый
и все беспокойно поеживаются
это великий человек! —
говорит пятый
и все с ним соглашаются
это обычный человек —
возражает шестой
и все бурно негодуют
это не человек! —
заявляет седьмой
и все удивленно переглядываются

но что же это? —
вопрошают все хором
мне кажется
что это большие старинные часы —
говорит первый
похоже
что это уличная тумба для афиш—
говорит второй
не исключено
что это дымовая труба на крыше —
говорит третий
вполне возможно
что это нога гипсовой статуи —
говорит четвертый
предположим
что это футляр от контрабаса —
говорит пятый
быть может
это надгробный камень? —
говорит шестой
одним словом
это черт знает что! —
заклучает седьмой
и все приходят в уныние

не унывайте! —
говорит восьмой
неизвестно откуда взявшийся
мудрый восьмой
и все глядят на него
с надеждой

Крылья (две вариации)

1

Вспомнить о своих крыльях
и расправить их
 (как долго они были сложены!)
распустить их широко и свободно
взмахнуть ими с легкостью
 с шумом
 и с торжеством
приподняться над землей
повисеть в воздухе
и плавно опуститься

сложить крылья
 (они еще пригодятся)
тщательно сложить крылья
и выглядеть вполне бескрылым
 (так оно спокойнее)

и снова позабыть о своих крыльях
 (долго не вспоминать о них
 до-олго!)

2

Крылья мне надоели

отрежьте – говорю
 эти громоздкие крылья!
отпилите – прошу!
 эти тяжкие крылья!
отрубите – умоляю
 эти никчемные крылья!
не отрежем – говорят
 не можем
не отпилим – говорят
 не положено
не отрубим – говорят
 не имеем права
на роду – говорят
тебе написано
 быть крылатым

а летать не дают

запрещено – говорят —
летать

Ночной всадник

Еду шагом
конь у меня вороной
 в темноте его не видно
а копыта я ему тряпками обмотал
 чтобы не цокали
так и еду
в сторону рассвета
так и еду
невидимый и неслышный
 хоть и шагом
 да на коне

рассвет еще и не брезжит
а я уже еду
 не терпится мне
конь у меня умный
сам дорогу знает
 я и поводья бросил
 чтобы ему не мешать
так и еду
навстречу рассвету
так и еду
 неведомый и неожиданный
хоть и медленно
да неуклонно
едва рассветет
вы меня отыщете
там
впереди
 рядом с рассветом

«Надо научиться...»

Надо научиться
себе не доверять
надо постараться
себя разлюбить
надо привыкнуть
себя ненавидеть

надо люто себя ненавидеть
люто
и однажды вечером
надо покончить с собой
раз и навсегда

только тогда и успокоиться
только тогда
и не надо бояться себя
стыдно
быть трусом

Вам

Вы говорите – не можешь!
а я могу

могу забраться
на кудыкину гору
 могу и кислые щи
 похлебать лаптем
могу поймать вас
на честном слове
 могу и камушек бросить
 в ваш огород
могу разузнать
где собака зарыта
 могу и объяснить вам
 где раки зимуют

что вы все твердите —
не можешь!
не можешь!

а сами-то вы можете
 попасть пальцем в небо?
а сами-то вы сможете
 вломиться в открытую дверь?
а сами-то вы сумеете
 вовремя смотать удочки?

и напрасно вы ставите мертвому
 припарки
не мучайте мертвеца!

Камни

Под лежащий камень
 вода не течет
на стоящем камне
 что-то написано
за плывущим камнем
 чайки летят
пред бегущим камнем
 народ расступается

говорящий камень
болтает без умолку —
 разговорчив на редкость
поющий камень
напевает что-то
 все дни напролет
а упавший камень
разбился вдребезги
 из осколков сочится
 какая-то жидкость

если это не кровь
то что же это
позвольте спросить?

Сундук

Сундук уже опустел
а чего в нем только не было —
и дневные восторги
и ночные кошмары
и сладкая утренняя сонливость
на самом дне
лежала ржавая зазубренная сабля
ею я и отсекал когда-то голову
величайшему из негодяев
голова так и покатилась
так и покатилась!

можно спрятать в сундук
остатки бывшего великолепия
запереть его на большой замок
а ключ бросить в реку
с высокого моста
в самую глубокую реку
с самого высокого моста

пусть поныряют и поищут его
те
кому охота
те
кого прельщает бывшее великолепие

но можно оставить сундук пустым
пусть посидит на нем
тот кто хочет
кто любит посидеть
на пустом сундуке

Вариация на тему об истине

Частица истины в этом есть
небольшая частица
но есть
крошечная частичка
но есть
что ни говорите

да
доля истины в этом имеется
немалая между прочим доля
изрядная даже доля
это сразу заметно

короче говоря
все это истина
чистейшая истина
от начала до конца
вне всяких сомнений!

истина!
истина!
это она – истина!
долгожданная истина!
светозарная истина!
вы что —
не верите?

может быть в этом и есть
некоторое преувеличение
но совсем ничтожное
поверьте!

Ответ моему почитателю

Я не могу вам ответить
я занят
я считаю пальцы у себя на ногах
кажется их десять
а сколько их у вас?
неужели больше?
я вам завидую

к сожалению
я не могу вам ответить
я слишком занят
я собираю на улицах раздавленных
голубей

их валяется великое множество
а вы что собираете?
неужели окурки?
вы молодчина!

увы
я не могу вам ответить
я чертовски занят
я чищу Авгиевы конюшни
ждали Геракла
но он запил
и попросили меня
а вы не могли бы
мне помочь?

Вариация на тему о судьбе

Возникнет то
что судьбе будет угодно
свершится то
что сударыне судьбе будет приятно
стрясется то
что ее сиятельству судьбе захочется

а то
что ее величеству судьбе не захочется
никогда не произойдет

стоит ли скрежетать зубами
хрустеть пальцами
и пинать ногами стулья?
стоит ли ерепениться?

сядем у ног владычицы судьбы
и будем лущить семечки

кто-то щекочет свою судьбу?
шутники они
однако!
кто-то ссорится со своей судьбой?
дураки они
право!
кто-то борется со своей судьбой?
с ума они сошли!
кто-то одолел свою судьбу?
невероятно!

«Надуваем щеки...»

Надуваем щеки
 будто мы трубим в большие трубы
вынимаем из кармана кулаки
 будто мы хотим подраться
наклоняемся и что-то разглядываем
 будто мы нашли нечто стоящее
распрямяемся и широко раскрываем глаза
 будто мы чем-то потрясены
идем домой
раздеваемся
и ложимся спать
 будто сон нам поможет

никто нам не поможет
 даже смерть
ничто нас не спасет
 даже бессмертье

Красота (вариация)

Красота неумна

что это он стоит как столб
деревянный?
– красотой окрашен

что это он бежит стремглав
запыхавшись?
– красота его ловит

что это он лежит ничком
и не дышит?
– красотой замучен

красота беспощадна

Чудо

Чуда, говорят
не будет
 а мы уповаем на чудо
чуда, говорят
не ждите
 а мы его ждем

чуда хотим!
чуда!
настоящего чуда!

неужели мы не заслужили
хоть маленького чуда?
неужели мы не выстрадали
хоть крошечное чудо?

добывайте нам чудо
где хотите!
подавайте нам чудо
и все!

чуда, говорят
не будет —
 как бы не так!

«Одни говорят...»

Одни говорят:
лучше поздно
чем никогда
другие полагают
что лучше никогда
чем поздно
третьи же утверждают:
чем позже
тем лучше

не будем же торопиться
подождем

созреют поздние осенние яблоки
нахлынет поздняя последняя любовь
появится поздняя но твердая решимость

в самый поздний час жизни
сядем у лампы
и подсчитаем на бумажке оставшиеся
минуты

чем меньше их останется
тем легче будет
считать

«Обретя мужество...»

Обретя мужество
тут же его теряют
по причинам от них зависящим
и независящим
и долго вспоминают
об утраченном мужестве
с тоской несказанной
а зачем им это мужество?
купаются
в море наслаждений
и загорают
на песке пресыщения
на теплом
усыпанном мусором
вязком песке пресыщения
пусть загорают коли охота!

забираются
на башню спокойствия
и дышат воздухом
на балконе равнодушия
с балкона
открывается изумительный вид
на долину полнейшей
безучастности
хорошо они устроились однако!

влезают в «кадиллак» новейшей
модели

и мчатся в сады ликования
по широкой автострате
причудливых галлюцинаций

счастливого им пути!

Удивительная женщина

Какая красивая
стройная
высокая женщина
идет издалека!

какая умная
добрая
обаятельная женщина
приближается ко мне!

какая удивительная женщина
прошла мимо меня!

гляжу ей вслед

«Шли они очень старательно...»

Шли они очень старательно
с усердием подымали ногу
внимательно ее опускали
и добросовестно размахивали
руками
потому они и пришли
куда надо

тот же
кто шел небрежно
кто лениво подымал ногу
нехотя ее ставил на землю
и бестолково двигал руками
пришел совсем не туда
трудно даже сказать
куда он пришел

пусть он и не мечтает о том
что когда-нибудь
уйдет оттуда

впрочем
пусть помечтает немного
чего уж там
пусть помечтает

«Все что есть...»

Все что есть
отдай
все что дают
бери

все свои силы
отдай лишенным сил
и будь бессильным
а дадут тебе гривенник
бери, не стесняйся
весь свой разум
отдай лишенным разума
и стань безумцем
а дадут тебе умный совет
прими его к сведению
всю свою волю
отдай лишенным воли
и живи безвольно
а подарят тебе кота в мешке
скажи спасибо

развяжи мешок
вытащи кота
и погладь его

Начало

Попробуйте начать
лиха беда начало

чуть-чуть что-то
сдвинется
 изогнется
 наклонится
 и заколеблется
а после и продолжите

и поползет
и понесется
и застучит
и загрохочет
и польется
и заполыхает
и взовьется до самых небес
и обрушится вниз

возникнут
 новые непредвиденные
 обстоятельства
 новые неведомые препятствия
 новые невиданные возможности
 новые невероятные гипотезы

старым останется только небо
синее-синее
с белыми-белыми
загадочно безмолвными
и будто бы неподвижными облаками
даст бог
когда-нибудь и закончите

Почему

Почему я должен жить за всех вас
вы
неживущие?

мельтешат крылатые насекомые
перед оком моим
установленным в толщу пространства
кишащего чудищами чешуйчатыми
шевелиющими хвостами и лапами
в величавой тишине первозданности

почему я должен умирать за всех вас
вы
бессмертные?

колеблются длинные стебли трав
перед лицом моим
обращенным к пенному потоку времени
несущемуся по руинам неприступных
крепостей
и по обломкам детских игрушек

почему я должен терпеть за всех вас
вы
нетерпеливые —
с какой стати?

«Что вы шарахаетесь от меня...»

Что вы шарахаетесь от меня
будто я маляр
измазанный известью
будто я конюх
пропахший навозом
будто я уголовник
выпущенный по амнистии?

вам не нравится
форма моей бороды?
но это дело вкуса
вас раздражает
линия моего затылка?
а что в ней такого?
вас ужасает
то что я пишу?
но я не виноват!

мне хочется писать не так
честное слово!
я с радостью писал бы по-другому
клянусь вам!

но пишется мне только так
а не иначе
но пишется мне именно так
вы уж простите!

«Места для пассажиров с детьми...»

Места для пассажиров с детьми
и инвалидов
места для трудновоспитуемых
и неопрятных
места для признанных гениев
и шалопаев
места для прекраснотушных
и юродствующих

а вот и мое местечко
сбоку
никто не замечает
никто не толкает
никто не наступает на ноги
я доволен

куда нас везут?
поговаривают
что к счастью

Живучий

Кажется, он уже был?
да, был
в раннем средневековье
его тоже встречали

откуда он родом?
из южного Прованса
но вполне возможно
что он родился в Стерлитамаке

чего он хочет?
моченых яблок
но не исключено
что ему хочется спать

не болен ли он?
о да, он при смерти
его агония
всех утомляет

но он выживет?
конечно выживет
не пугайтесь – выживет!
он живучий

Лодка

Лодка виднеется
внизу под обрывом

весла бы достать!
весла!
вставлю их в уключины
усядусь в лодку
и погребу вдоль берега
жаль что нет весел!

а еще лучше —
мачта и парус
укреплю мачту
подыму парус
и поплыву в открытый простор
обидно что нет мачты и паруса

а лучше всего —
мотор
подвешу его на корму
включу на полную скорость —
только меня и видели
досадно что нет мотора

лодка качается
под самым обрывом
ни весел
ни мачты
ни паруса
ни мотора

спущусь с обрыва
прыгну в лодку
оттолкнусь от берега
и понесет
понесет меня течение
бог знает куда

и унесет меня отсюда
навсегда

«Мальчишек не терплю...»

Мальчишек не терплю
и юношей не жалую
люблю теряющих рассудок старичков

– вот помню – скажет
и засмеется
старческим дребезжащим смешком
я с ним и посмеюсь

– а бывало – вспомнит
и прослезится
пресными старческими слезами
я с ним и поплачу

– но однажды в сочельник – начнет он
задумчиво
и умолкнет надолго
тут я с ним и помолчу
вволю

сколь благотворно
долгое
бессмысленное молчание
с дряхлым
выжившим из ума
полусонным старичком
и для души
и для тела!

«Зовут тебя...»

Зовут тебя
и ты идешь
 чего ты такой отзывчивый?
просят тебя
и ты соглашаешься
 чего ты такой сговорчивый?
ведут тебя
и ты не вырываешься
 чего ты такой покорный?
бьют тебя
а ты молчишь
не просишь пощады
 какой ты гордый!

зовут тебя
 не отзывайся
просят тебя
 не соглашайся
ведут тебя
 упирайся
а бьют
 умоляй о пощаде
 или сопротивляйся
чего ты не сопротивляешься?

тебя ведь и убить могут
ты не боишься?

какой ты храбрец!

Зрелое яблоко

Зрелое яблоко срывается с ветки
падает
стукается обо что-то твердое
отскакивает далеко в сторону
долго катится по наклонной плоскости
проваливается во что-то рыхлое
натывается на что-то острое
и застревает в какой-то густой вязкой

жиже —

само виновато

висело бы и висело
на ветке родимой яблони
красовалось бы розовыми боками
подошел бы какой-нибудь мальчишка
сорвал бы его и съел
если оно вкусное

но если оно невкусное
тогда другое дело

не дай бог
родиться на свет невкусным яблоком!
не дай бог
отчаявшись сорваться с ветки
упасть
обо что-то стукнуться
отскочить

скатиться под уклон
куда-то провалиться
напороться на что-то острое
и погрузиться в какую-то вязкую дрянь!
не дай бог!

красуюсь на ветке
и пока не падаю
поглядим какое я яблоко

иди сюда
мальчик!

Три вариации

1

Взгляд вперед
 навевает грусть
взгляд назад
 порой веселит
но назад идти
как-то совестно

буду идти вперед
зажмурившись
буду идти на ощупь

надоест – плюну
и побегу назад
только пятки мои засверкают

2

Взгляд вперед
 повергает в трепет
взгляд назад
 слегка успокаивает
но назад уже нет дороги

буду идти вперед
и глядеть назад
буду идти пятясь
далеко ли уйду?
– как получится
нелегко ведь идти
пятясь

3

Взгляд вперед
 приводит в ужас
взгляд назад
 вызывает отвращение
никуда я не пойду

сяду
и буду разглядывать
свою правую ладонь

а после и левую
если захочется

Дорога вдаль (вариация на тему о дали)

В сумерках кто-то бродит
подхожу и вижу —
незнакомые люди
– что вы тут бродите? – спрашиваю
– ищем – отвечают —
внимательно ищем
 с какими-то незнакомыми людьми
 брожу в сумерках
 и что-то ищу
 захотелось что-нибудь
 поискать
– а что вы ищете? – спрашиваю
– дорогу – отвечают —
дорогу ищем
 с какими-то непонятными людьми
 брожу в сумерках
 ищу какую-то дорогу
 зачем она мне?
– а какая это дорога? – спрашиваю
– прямая – отвечают —
совершенно прямая
 с какими-то странными людьми
 брожу в густых сумерках
 ищу какую-то прямую дорогу
 делать мне что ли нечего?
– а куда ведет эта прямая дорога? —
задаю я последний вопрос
– вдаль – отвечают —
в неведомую даль
 с какими-то сомнительными
 людьми
 брожу в густых вечерних
 сумерках
и ищу какую-то прямую дорогу
в неведомую даль
 с ума я что ли спятил?
был же я там
в неведомой дали!
издали
сюда и пришел!

Голубая дорога

Глыбы, глупости
голодные людоеды
слюнявые младенцы
 пускающие пузыри
и голубая долгая дорога

голубою дорогой
иду совсем голый
прикрывая свой срам
и вглядываясь в горизонт

приголубь меня
господи!

Его жизнь

И снова он остался наедине
со своей надоевшей жизнью

– почему ты так несуразна? —
спрашивает он
она молчит
– почему ты так неутешительна?
допытывается он
она не отвечает
– почему ты так невыносима? —
не унимается он
она начинает плакать —
– пропади ты пропадом! —
кричит он расвирепев
и она рыдает в голос
– ну ладно, не плачь —
говорит он устыдившись
и она вытирает глаза
скомканным мокрым платочком

и опять он глядит вопросительно
на свою опостылевшую жизнь
его ли это жизнь?
быть может
чужая?

Вариация на тему о голове

Из головы твоей
торчат уши и нос
на голове твоей
растут жидкие волосы
а в голове твоей
ералаш полнейший

на кой черт тебе твоя голова?

вот Иванов
подарил свою безумную голову
анатомическому музею
и весел
вот Петров
продал свою горячую голову
заезжему грузину
и рад
вот Сидоров
позабыл свою несчастную голову
в молочной закусочной
и ликует

оттащи-ка ты свою умную голову
в ломбард
дадут за нее десятку
и ладно

думаешь не дадут?

Неблагодарный Маяковский

А вот и Маяковский
русский дворянин
с лицом мускулистым
и неприветливым

а вот и он
наш стихотворец
с лицом создателя
в дни творения
вот его мощный кадык
вот его сокрушительный подбородок
вот его знаменитый рот
вот его прославленный нос
вот его гениальный лоб
а вот и его темя
испачканное голубями

предо мною
голова великого поэта
высеченная из розового гранита
и поставленная на углу
для всеобщего обозрения

здравствуйте Маяковский!
хотите я вытру вам темя?
у вас неприличный вид!

я вытер его бритое темя
своим чистым носовым платком
а он и спасибо не сказал
стервец!

На побережье

На побережье океана безумия
живу тихохонько
разума своего
стыдясь

океан выбрасывает на песок
тела свихнувшихся дельфинов
и обломки тронувшихся кораблей
а там
на безумно кривом горизонте
маячат паруса
рехнувшихся яхт
и оттуда
день и ночь
дуют сумасшедшие ветры

на безлюдном побережье
живу в тоске
рассудок свой
ненавидя

лишиться бы рассудка
и поплыть в океан
в надувной резиновой лодке
с волны на волну!
с волны на волну!
Упиваясь!

Как оно было на самом деле

На самом-то деле
все деревья посадили вверх корнями
все стены разобрали по камушку
все столбы распилили на куски
изо всех туч выжали влагу
со всех заборов сорвали афиши
у всех кактусов обломали иголки
на всех лысых надели камилавки
а неповоротливого великана
уговорили стать шустрым карликом
вот как оно было
на самом-то деле

хотите смейтесь
хотите дуйтесь
хотите верьте
хотите нет

Выстрел

«Жизнь – это выстрел в упор».
Ортега-и-Гассет

Жизнь – это выстрел

хорошо если в сердце
или в голову
хуже если в живот

хорошо если бы в упор —
можно успеть пригнуться
или отскочить в сторону —
но стреляют издалика

жизнь
это меткий
снайперский выстрел издалика

от него не спасешься

Надо подумать

В беспечность заверните меня
да получше
в беспомощность затащите меня
да подальше
в безмолвие окуните меня
да поглубже
только сначала
посадите меня в кресло с высокой
посадите меня в кресло с высокой спинкой
надо подумать
кое о чем
о Гоге и Магоге
о Четырех животных
о море стеклянном
а также о прочем
к примеру
о кофе по-турецки
давно его не пил
или о младенце
которого выплеснули
вместе с грязной водой
экая оплошность!
или о красках зимнего заката
какое великолепие!

Богохульник

Видит бог, говорят
 что ты делаешь!
— видит, говорю
разумеется видит —
он глядит в оба

слышит бог, говорят
 что ты бормочешь!
— слышит, отвечаю
конечно слышит —
у него отличный слух

знает бог, говорят
 что ты задумал!
— знает, говорю
несомненно знает —
он всеведущ

так отчего, спрашивают
 он тебя не карает?
— видно он терпелив, отвечаю
видно он нерешителен
видно он бесхарактерный
не иначе

ну тебя к черту, говорят
 богохульник!

Браггарагуга

Облако плыло на юг
по облаку бежал таракан

глядите какой таракан! —
воскликнул кто-то

Браггарагуга! —
подумал я усмехнувшись
(так называли мы в юности
этого таракана)

как постарел ты однако
бедный Браггарагуга!
раньше ты бегал проворнее
по облакам

Витязь на распутье

Долго ехал на верном коне
и остановился на распутье

ехать налево – плохо
направо – еще хуже
а прямо – совсем нехорошо

синеет небо
зеленеет трава
белеют камни
желтеет песок
куда же
куда же мне ехать?
льют дожди
клубятся туманы
дует ветер
падает снег
скажите
куда мне податься?

вы советуете остаться на распутье?
с радостью бы остался
да неловко как-то
торчать на распутье

вы предлагаете вернуться восвояси?
давно бы уж вернулся
да позабыл я к несчастью
дорогу восвояси

вы полагаете
что надо набраться смелости
и двинуться вперед?
вы с ума спятили!

Мост

А не кажется ли тебе
что ты мост
 прочный
 широкий
металлический мост
на каменных опорах?

гляди —
по тебе движутся толпы народу
 праздник наверное
гляди-ка
по тебе ползут танки
 война что ли началась?
гляди-ка
гляди-ка
по тебе бежит коза с бубенчиком на шее
 слышишь — бубенчик позвякивает?

неужели тебе не ясно
что ты мост
и все кому не лень
 переходят
 перебегают
 переезжают по тебе
с левого берега
 на правый
с правого берега
 на левый?

неужели ты не догадываешься
что тебя взорвут
рано или поздно?

«Споем что ли?..»

Споем что ли?

споем старинную страшную песню
о всех распятых и обезглавленных
о всех изрубленных на куски
споем и ужаснемся

споем красивую грустную песню
о всех преданных и обманутых
о всех позабытых на вечные времена
споем и прослезимся

споем также песню
о всех побежденных
и о всех победителях
опьяненных победами
споем и такую нужную песню

так и будем петь
пока нам поется
пока не охрипнем
а потом перестанем петь
и умолкнем ненадолго
а может быть и надолго
а может быть и навеки

так споем же
чего мы ждем?
или нам уже не поется?
или мы уже охрипли?
или мы просто стесняемся?

а чего стесняться?

будем петь наши песни
безо всякого стеснения

Скакун

Наш скакун
никуда не скачет
 почему
 почему он не скачет?
 почему он стоит как вкопанный?
эй скакун
что с тобою случилось?
отвечай!

но глядите —
он уже скачет
он уже поскакал галопом!
 почему
 почему он скачет?
 почему не стоит на месте?
эй скакун
погоди
постой!
эй скакун
куда ты несешься?

но его уж и след простыл

наш скакун ускакал куда-то
никогда он к нам не вернется

но глядите —
он возвращается!
он галопом скачет обратно!

но позвольте —
он был вороной
а теперь почему-то
белый

о скакун
что с тобою стряслось?
 ты же весь поседел!

Вежливые

Не ждали их
а они пришли
откуда-то
– здравствуйте! – говорят

постояли немного
– до свиданья! – сказали
и ушли
куда-то

приятно что вежливые:
поздоровались
и попрощались

«Говорили...»

Говорили:

 будь осторожен

 жди выстрела в спину!

говорили:

 будь начеку

 жди коварного выстрела в спину!

он все оглядывался

был наготове

и вот результат:

 его убили

 выстрелом в лицо

Пораженец

Ты ждешь поражения?
и напрасно

одолей своих недругов
укроти супостатов
(только это и требуется)
и победа придет к тебе
и ты увидишь ее лицо
мокрое от восторженных слез
и ты поймешь
что она хороша

сокруши всех врагов своих
уничтожь неприятелей
(этого будет достаточно)
и победа обнимет тебя
и прижмется к тебе
всем телом
и ты убедишься
что она – твоя

ты готов к поражению?
не дури!

стань победителем!
не пожалеешь!

Фон

Какой отличный фон!

на этом фоне
хорошо стоять подбоченясь
выпятив грудь
и гордо подняв подбородок
еще лучше на этом фоне
сидеть в седле
сдерживая горячего скакуна
нетерпеливо перебирающего ногами
неплохо на этом фоне
сидеть в массивном вольтеровском кресле
положив руки на мягкие подлокотники
и небрежно закинув ногу на ногу

но крутить шарманку на этом фоне
нельзя

поймите
крутить шарманку на этом изысканном фоне
недопустимо!

поверьте
крутить шарманку на этом божественном фоне
преступно!

Путник

Горы
болота
реки
пустыни
лесные дебри
необозримые поля
морской берег
и путник с посохом

идет
по узким горным тропам
пробирается
по зыбучим непроходимым болотам
переплывает
бесплодные сухие пустыни
углубляется
в дремучие лесные дебри
пересекает
необозримые бескрайние поля
и долго шагает
по самому берегу моря

горы рассыпятся в прах
болота превратятся в пустыни
пустыни будут заболочены
реки обмелеют и высохнут
леса станут полями
поля зарастут лесом
морской берег станет непроходимым
но путник с посохом
и впредь
будет шагать своим путем

мы верим в это
ибо это нелепо

верой
и спасаемся

Несчастный

Поиду-ка я по Мойке!

с печалью в сердце
пойду я по Мойке
дойду до Пряжки
и остановлюсь

постою
погляжу на Пряжку
и пойду обратно
нет
счастье мое не здесь
счастье мое на Фонтанке
долго-долго
буду шагать к Фонтанке
бесконечно долго
задыхаясь
обливаясь потом
буду бежать к Фонтанке
но так и не добегу —
останусь глубоко несчастным

спешите на Фонтанку
друзья мои
и будьте счастливы!

«Идет старик...»

Идет старик
со старой собакой
ветхий
сгорбившийся
молчаливый старик
с дряхлой
облезлой
безмолвной собакой

да – говорите вы
жизнь печальна и бессмысленна
это очевидно

но вот бежит мальчишка
со щенком
шустрый
горластый
что-то орущий мальчишка
с веселым
лохматым
громко лающим щенком

что вы на это скажете?

да, да
я знаю
что вы на это скажете?
я отлично знаю
что вы на это скажете!
лучше помолчите!

Последнее стихотворение

*«Обедал, примерял стюртук.
Пил сельтерскую воду».
Из дневника Байрона*

Завтракал
мыл посуду
подметал пол
пришивал пуговицу к рубашке
стихов не писал

пошел в магазин
стоял в очереди
покупал копченую колбасу
ругался с продавщицей
стихов разумеется не писал

вернулся домой
сел за стол
что-то вырезал из бумаги
и с усердием клеил
стихов увы не писал

обедал
снова мыл посуду
долго курил трубку
и о чем-то размышлял
стихов естественно не писал

поздно вечером
написал письмо своей поклоннице
и закончил его словами:
«стихов я больше не пишу»

лег в постель
долго не мог заснуть
наконец встал
и написал это стихотворение

клянусь
оно будет последним!

Слово Иоанну Крестителю

На синем фаянсовом блюде
лежит моя голова
где тело мое
скажите?

по лбу моему
лениво
ползают две осы
прогоните их
поскорее!

сквозняк легонько колышет
волосы у меня на затылке
о
как приятно!

а раньше на этом блюде
лежал виноград
вы помните?

Злобным

Говорили же вам —
 будьте добры!
а вы не добреете

ваша злоба
как дым
клубится над городом
от нее чернеют лица домов
 подобрейте пожалуйста!

ваша злоба
как ржавчина
разъедает фермы мостов —
они могут рухнуть
 добрейте немедленно!

ваша злоба
как плесень
выступает на перилах всех лестниц
и прилипает к ладоням
 чего вы злитесь?

«Скользя к небытию...»

Скользя к небытию
по склону гладкой жизни
попытайся принять приличную позу

сражаясь с вечным злом
один в пустынном поле
старайся не простудиться

споткнувшись о порог
у входа в мир иной
не чертыхайся

«Не дичись дурака...»

Не дичись дурака
подойди к дураку
разгляди дурака
 милый умник

не пугай дурака
не дразни дурака
приголубь дурака
 добрый умник

оцени дурака
привыкай к дураку
полюби дурака
 гордый умник

утешай дурака
развлекай дурака
береги дурака
 бедный умник

полюбуйся
с каким усердием
он плюет против ветра!

плюет и плюет
неугомонный

Знамя

Наше знамя в чехле

снимем чехол
развернем знамя
и подыдем его
над головой

ветер подхватит наше знамя
будет мять его и комкать
будет вырывать его
из наших рук
(ветер обожает знамена)

постоим со знаменем
на весеннем ветру

Лес

Есть лес
еловый
под елками мох
во мху шишки
лесом
и восхищаюсь

есть тропинка
ведущая в лес
травой поросшая
по ней и хожу
туда
и обратно

есть еще лес
ей богу есть!
жиденький правда
вырубленный наполовину
и трава на тропинке
еще есть
честное слово!
хилая правда
затоптанная
есть даже дятлы в лесу
поверьте!

зря вы не верите

и умолкну

Неразбериха

Ясности нет:

то ли весна пришла
то ли осень вернулась
то ли рыбы поют
то ли птицы танцуют
то ли сердце щемит
то ль суставы ломит

не поймешь

четкости нет:

все расплывается
расползается
расслаивается
слипается одно с другим
колеблется
колышется
вибрирует
все контуры расплывчаты
и неопределенны

в глазах рябит

свежести нет:

черствый хлеб
позавчерашние щи
пыльные книги
выцветшие обои
выщербленный пол
засохшие нарциссы
несвежие люди
в непроветренном помещении

духота

света не хватает:

в потемках кто-то возится
кто-то сопит
куда-то что-то передвигают
к чему-то что-то привязывают
от чего-то что-то отрывают

чем-то увлечены очень

дайте свет!

зажгите все свечи

зажгите все лампы

включите все люстры и прожектора

больше света!

включите солнце
черт побери
почему оно выключено?

полная неразбериха

Вариация на тему о том, что меня нет и никогда не было

Ваничка-а!

Петинька-а!

Колечка-а!

где вы?

– мы здесь – отвечают дети

а кого же нет?

– тебя

не может быть – говорю я

не выдумывайте!

– все может быть – говорят дети

ты же знаешь

но я же был! – удивляюсь я

куда же я делся?

– а где доказательства

что ты был? – спрашивает Ваничка

– никто не поверит

что ты действительно был – замечает

Петинька

– и никому неизвестно

куда ты делся – добавляет Колечка

вы с ума сошли

дети! – кричу я

выходит что меня нет

и даже не было!

– не огорчайся – говорит Ваничка

многих же нет

– успокойся – говорит Петинька

многих и не было

но многие же есть! – говорю я

– это иллюзия – говорит Колечка

есть лишь немногие

раз-два

и обчелся

«Ходит тут один...»

Ходит тут один
 грязный
 лохматый
 небритый
 с длинными ногтями
а глаза у него
так и горят

поинтересуйтесь
 зачем он здесь ходит
 зачем он здесь околачивается
 зачем он здесь отирается
 чего ему надо?

узнайте
 отчего он
 не моется
 не причесывается
 не бреется
 отчего он не стрижет ногтей
 и что у него с глазами?

спросите его деликатно —
не беглый ли он каторжник?
 (это вполне вероятно)
спросите его без обиняков —
не безумец ли он?
 (это весьма возможно)
спросите его в упор —
не дьявол ли он?
 (уж очень похож!)

если ответит – да
 не верьте
если ответит – нет
 тоже не верьте
если он ничего не ответит
 не смущайтесь
если же он засмеется
 улыбнитесь
 (это не помешает)

ходят тут всякие
странного вида —
 невесть кто

«Придет ли юноша...»

Придет ли юноша
 который меня поймет?
прибежит ли собака
 которая меня полюбит?
появится ли надежда
 которая меня покинула?
наступит ли время
 которому я пригожусь?

может быть и придет
 и прибежит
 и появится
может быть и наступит
да что толку?
придет понятливый юноша
 а меня нигде не видать
прибежит хорошая собака
 а меня уже и нет
появится спасительная надежда
 а меня уж и след простыл
наступит мое время
 а я уже далеко-далеко
 и времени неподвластен
но хочется верить
что юноша придет поспешно
 непрерывно поспешно
собака примчится во всю прыть
 обязательно во всю прыть
надежда явится сияя
 во всем своем великолепии
а мое родное время
 будет носить меня на руках
 и баюкать
жаль что я неверующий

Кое-что о моем старинном приятеле Франсуа Вийоне

Когда Франсуа ждал казни
румяные девицы ткали полотно
нежный поросенок жарился на вертеле
бродячие акробаты кувыркались
на площади
а седовласый прелат усердно молился

Когда Франсуа помиловали
полотно было соткано на две трети
поросенок был целиком съеден
акробаты пьянствовали в таверне
а престарелый прелат мирно спал
утомленный долгой молитвой

ему снилось что-то греховное
что именно – уже не помню

давненько это было

Сонеты

1

Всю ночь ворочались, никто уснуть не мог,
Слепые статуи глядели на людей.
Рождались тысячи сомнительных идей,
Сапожник был, как прежде, без сапог.

Настало утро, кто-то ел творог,
За стенкой пел простуженный злодей.
Он обожал стрижей и лебедей,
За ним следили – не пускали за порог.

У круглолицего квадратное лицо.
Не утихает безуспешная борьба,
В ней погибают легионы храбрецов.

Кто обижает добродушного раба?
Глухой трубач выходит на крыльцо —
О, скоро, скоро протрубит труба!

2

Хромые падают, святые не крадут,
Пустые прыгают, несмелые робеют.
Давно мертвы все дети Ниобеи.
Кривое спрятано, прямое на виду.

Покличьте праздник – накличете беду.
Скупой хиреет, щедрые грубеют,
Патрициям потворствуют плебеи
Авианосец плавает в пруду.

Как длинноноги и крикливы кулики!
Как остроумны озорные дети!
Как неудобно ночью у реки!

Закат беспомощен, живите на рассвете.
Аркады близко, колоннады далеки,
У беспощадных бодрый на примете.

3

О злобный Хронос! О дыханье тьмы!
О тьмой объятые вселенские просторы!
Во тьме охотятся ежи, коты и воры,

Во тьме сияют светлые умы.

Не убегайте от тюрьмы и от сумы,
Не прикасайтесь к ящику Пандоры,
Не покушайтесь на золотые горы,
Любите с детства киммерийские холмы.

Блестят на солнце крылья стрекозы,
Никто не жмурится – все любят яркий свет.
Из глаз убийцы покатались две слезы.

Боюсь судьбы, страшусь дурных примет,
Люблю проснуться ночью от грозы.
Мой бедный Хронос, вот тебе сонет!

4

Надежды хрупки и простоволосы.
Какой-то скрежет, чей-то хриплый крик.
Мудрец был тих и ростом невелик,
Вокруг топтались глупые колоссы.

Ответчик не ответил на вопросы,
Красавица сняла седой парик,
Стада слонов промчались напрямик,
Среди мышей виднелись альбиносы.

Пришел четвертый, первого не ждали,
Пятнадцатый и вовсе не был зван.
Десятому вручили две медали.

Девятому сказали: вы болван!
Ступайте в рай! В раю вы не бывали!
Двенадцатый уселся на диван.

5

Пора безвестности, блаженная пора!
Жуешь треску, вокруг кишит народ,
Бездарный сторож плачет у ворот
И зычный мат несется со двора.

Идет игра, беззлобная игра.
Дорога в гору, скоро поворот.
Стекает в рот соленый теплый пот,
Зияет в небе черная дыра.

Потеря времени легка и безвозмездна,
Густая облачность потемками чревата.

На дно не хочется и не прельщает бездна.

Зловеще око фотоаппарата.
Жизнь высока, светла и бесполезна.
О, воскресить бы старика Сократа!

6

На телебашню накололась туча,
В музее слухов рухнул потолок.
Не скучно жить, но огорчений куча,
И волк овечку в чашу поволок.

Отважного спасет счастливый случай,
Нерасторопный угодит в силок,
Разумный спрячется в укромный уголок,
Поп-музыка надсадна и трескуча.

Пред нами обнаженная Даная,
Она скучая курит сигареты.
Погода нынче мокрая, дрянная.

Ласкают глаз вчерашние газеты,
Плакат, зовущий на берега Дуная,
Афиша желтая театра оперетты.

7

Все правильно, но все притом неправы.
Овраг, окоп, колодец, котлованы.
Плыву на шлюпке в Тихий океан
Здоровья ради, но не ради славы.

О век огнеопасный и кровавый!
За палец не тащи меня в туман!
О век-пьянчуга, сунь меня в карман
Не с умыслом, а просто для забавы.

Будь терпеливым и дожуй пирог
С морковью, с рисом, с яблоками, с мясом.
Не будь ленив и вызубри урок.

Запей пирог московским пряным квасом,
Покончи с узостью, будь, как Нева, широк
И улыбайся старцам седовласым.

8

Кавычки, скобки, сказки, небылицы.

Вздыхает лев, зевает грозный лев.
Мужи и юноши лобзают жен и дев,
Трещат сороки, верещат синицы.

Мелькают строчки, двигаются спицы,
Растут грибы во мху среди деревьев,
Уходит год устав и постарев,
Преступник спит, невинному не спится.

На месте башни оказалась яма,
Бездельникам досталось много дел,
Картины не было, висела только рама.

Бессмертный умер, частый поредел.
В Истории скопились горы хлама.
Смерть беспредельности! Да здравствует
предел!

9

Нет, нет – не поздно и не рано!
Нет, нет – не ангел и не черт!
Жиреющим полезен спорт,
В груди птенца зияет рана.

Безумный глаз глядит с экрана,
Нашедший клад безмерно горд.
Сломайте стул, купите торт,
Воспойте доброго тирана.

Нет, нет – не ненависть – любовь!
Подайте пяточок колеке!
Порежешь палец – брызнет кровь.

Как много крови в человеке!
Гораций не родится вновь,
По крайней мере в этом веке.

10

Покоя нет, но есть лапша.
Приходит день – голодный зверь.
Он лапой открывает дверь
И ест лапшу, людей смеша.

Рыбак в реке поймал ерша.
Но ты не верь себе, не верь —
Ты поезжай в Торжок и в Тверь,
Пусть поболит твоя душа.

Снесли сарай, снесли собор,
Преодолев зимы суровость,
Воздвигли временный забор.

И вдруг весна – какая новость!
Весна – сосулька, всякий вздор,
Грачей и галок бестолковость!

11

Пересохший сухарь он грызет в январе,
В феврале он друзей принимает в халате.
Подарите ему телогрейку на вате,
А потом покажите его детворе.

Черный город недолго белел на горе,
Обнищавший должник не мечтал о расплате,
Неуместная жалость рождалась в солдате,
Непонятный озноб возникал на жаре.

Было сухо и пыльно, но ждали дождя,
Петухи на дороге готовились к драке.
Представление начали чуть погодя.

Прискакали кентавры, сбежались собаки.
Не хватало доски, не хватало гвоздя,
Что-то длинное долгю светилось во мраке.

12

Смешно быть битым, лучше быть забытым.
Томит безденежье, смущает бездорожье.
Опасно Зевсу строить злые рожи,
Полезно стать хорошим следопытом.

Не приставайте к неопрятным и небритым.
Большие яблоки пресны и толстокожи,
Слепые кролики на зрячих непохожи,
Гордится прачка новеньким корытом.

Врачам досадно, что никто не болен.
Как прихотливы очертанья рек!
Как темен лес! И как просторно в поле!

Влюбиться на год, поглупеть навек,
Кому тут тесно? Кто тут недоволен?
Кто тут шевелится? Ни зверь, ни человек.

13

Закрылась дверь, захлопнулись ворота,
Распалась цепь, рассыпалась звезда.
Ушли последние ночные поезда.
Над головою пролетело что-то.

Звучала некая неведомая нота,
За утешенье полагалась мзда,
Часы спешили – опасались опоздать,
И продолжалась тяжелая работа.

По лестнице спускался умный пес,
Мы уступили умнице дорогу.
В постройке пчел заметен перекося.

В апреле снег растаял понемногу.
Автобус оказался без колес,
Все утряслось, однако, слава богу.

14

Не ломайте кусты, не топчите газоны,
Берегите обои, цените паркет.
Оптимисту на почте вручили пакет,
Пессимист возмутился, и это резонно.

По Европе когда-то бродили бизоны,
Чуть попозже в Европе играли в крокет.
Кроманьонцев в Европе давно уже нет,
И любой европеец одет по сезону.

В Туле пьянствуют, в Хьюстоне пьют пепси-колу,
Постаревшая щука щадит карасей,
Одичавшие дети разрушили школу.

Вот большие качели, а вот карусель,
Вот билет на решающий матч по футболу
И Венера Веласкеса в полной красе.

15

Искал копейку – потерял червонец,
Просил теленка – получил коня.
Скворцы с утра приметили меня,
Но я свой ужин уступил вороне.

Иван Четвертый не дремал на троне.

Шли годы, шли сраженья, шла резня,
Цыганки шли, монистами звеня,
Встречающие ждали на перроне.

Чрезмерно молодого ждала кара,
Чрезмерно старый побежал в буфет,
Чрезмерно голый стал багровым от загара.

Сенека облачился в галифе.
Во рту Лукреция гаванская сигара,
Он приглашен на аутодафе.

16

Вокруг все падают, а ты уже упал,
Кругом все бегают, а ты стоишь на месте.
Презрительность заметна в каждом жесте,
Полуразрушен недостроенный квартал.

Ты грандиозен, ты ничтожно мал,
В твоей руке кусочек ржавой жести.
Но погоди, пройдет еще лет двести,
И ты польстишься на другой металл.

А кто-то гибнет раннею весной
Среди цветущих вишен и черешен,
А кто-то ищет шишку под сосной.

В глухой стене образовались бреши.
Семнадцать трезвых, сто один больной,
Сто сорок восемь странно подобранных.

17

Люблю я жителей нездешних островов.
Дымятся трубы, дремлют пауки,
Стреляют в воздух нерадивые стрелки.
Пришедший слева важен и суров.

Люблю я зябликов, тюленей и коров.
Границы смысла непомерно широки,
Но драчуны не разжимают кулаки.
Приплывший справа явно нездоров.

Зверь опечален, птица озабочена,
Немногословен самурай Басё,
В румянном яблоке таится червоточина.

О, бедный Рим! Куда тебя несет?

Все призрачно, прозрачно и непрочно,
Но бесконечно, кажется, не все.

18

Небезопасно быть бычком без стада,
Неосторожно быть смычком без скрипки.
Не улыбайтесь! К дьяволу улыбки!
О, господи, зачем все это надо?

За подвиги положена награда,
Но неизбежны гневные филиппики.
Моря глубоки, а болота зыбки,
Не все войска готовы для парада.

Славнейший из великих чудаков
Не растерялся, взял чужой портфель
Сказал – простите, да и был таков.

В ручье металась обреченная форель,
Блестели пуговицы бравых моряков,
Рояль забыли – слушали свирель.

19

Ты помнишь ту речку с кровавой водой?
Ты видел ножны Бонапартовой шпаги?
Ты полон сомнений, ты полон тревоги,
Ты слышал, как ночью кричит козодой.

Ты помнишь тот запах? Ведь пахло бедой,
И греки с трудом пробирались в варяги.
Ограбили щедрых, но были и скряги,
Наездник был черен, а конь был гнедой.

Исчезли шумеры, и нет могикан,
Но живы китайцы, калмыки, армяне.
Ты спишь, а вдали гроыхает вулкан —

Рождается остров в пустом океане.
Ты ждал и дождался – стальной великан
Играет чарльстон на гигантском органе.

20

Принцесса вертится – мешает спать горошина,
Гиганты вечно ссорятся с богами,
Озера издревле враждуют с берегами,
Лицо контуженого страшно перекошено.

Вот бывший бог. Пальто его поношено,
Он ходит боком робкими шагами,
Он любит выпить с верными врагами,
Он всем пресыщен, все им позаброшено.

И далее: безрукий ловит птиц,
А беззалаберный готовит скромный ужин.
Все ограничено, но сейчас нет границ.

Июль прекрасен, август будет хуже.
В осенней книге тысячи страниц,
И поводырь слепцу уже не нужен.

21

Три камушка, засушенный цветок,
«Роллс-Ройс», «фиат», старинная карета,
Два бутерброда, медная монета,
Бутылка пива, клетчатый платок.

Стучит за стенкой чей-то молоток,
Фемида спит, а в отдаленье где-то
Летит новорожденная комета.
Глоток печали, радости горток.

Что там бормочут дряхлые сивиллы?
Кто крикнул – грязь? Повсюду чистота.
Займемся главным, мелочи постылы.

Дракон когтист, чешуйчат и хвостат,
Шмели крылаты, барсуки бескрылы.
Предлога нет, попляшем просто так.

22

Не обижайтесь на фамильные портреты,
Не уповайте на лимонный сок.
Мы ненадолго, нам дадут пинок,
А нам нужны полезные советы.

Псалмы забыты, а частушки спеты,
За дверью тявкает двухмесячный щенок,
Ворота в ад закрыты на замок,
На все вопросы найдены ответы.

Красавчик счастлив, знаменит урод.
Чудес немало, насладимся чудесами.
Раскрасим море, разисуем небосвод,

Распишем солнце голубыми полосами,
Но что там движется на окоеме вод?
– Старинный барк под всеми парусами.

23

О чудеса затейницы-природы! —
Леса, пустыни и громады гор!
О жук! О дятел! О жираф! О Пифагор!
О континенты, страны и народы!

О эти резво скачущие годы!
О этот узкий бесконечный коридор!
О вкус гордыни! О терпения позор!
О жребий сладостный – у моря ждать погоды!

И ты, о музыка, и водопада грохот,
И скрип дверей, и пороссячий визг,
И бег толпы – ее зловещий топот!

И ты, катящийся по небосводу диск —
Твой наглый свет, твой непристойный хохот —
И ты, чудовище, и ты, мой василиск!

24

Я не был в Падуе, в капелле дель Арена.
Гляжу на небо – чаще в потолок,
Гляжу на запад – чаще на восток,
И вижу женщину, ее зовут Ирэна.

Живу пристойно, тихо и смиренно,
Не юн, не стар, не добр и не жесток.
Пиратский флаг взлетает на флагшток,
В кустах поет беспечная сирена.

Как неприветливы чугунные ограды!
Их раздражает чаек оперенье,
Им досаждают женские наряды.

Душа легка, ей не претит смирение.
Все фрески Падуи и все ее аркады
Я подарю при случае Ирэне.

25

Отважны комики, а трагики пугливы.
В восточной Азии течет река Меконг,

Но перед нами речка Рубикон,
И нас терзают благородные порывы.

Бананы приторны, куда приятней сливы.
Ромео пробует взобраться на балкон,
Но безуспешно – слишком высоко.
А под балконом заросли крапивы.

Был некий символ, но его украли,
Был некий бюст чугунного литья.
Не поздно ли? Не рано? Не пора ли?

Она и он, ты, вы и мы, они и я,
Все наши пропасти, все наши пасторали,
Все наши шалости и ужас бытия.

Из журналов и сборников

Из журнала «Аврора»

Верующий

Верю в ближнего.
Верю в будущее (что оно будет).
Верю, что в Сахаре не бывает дождей,
и верю в себя.
Не верите?

А я вам говорю:
– Верю в дальнего.
Верю в прошлое (что оно было).
Верю, что в Калифорнии растут секвойи.
И верю в себя.
Смеетесь?

А я вам говорю откровенно:
– Верю в победу совести!
Верю в триумф добра!
И верю в себя.
Хохочете?
И напрасно.

№ 12-73

Эй, ты...

Эй, ты,
слышишь – поют!
Закрой глаза и слушай,
хорошо ведь поют!

Эй, ты,
бегущий к ничтожной цели,
отдохни немного, отдышись!

Эй, ты,
скользящий по наклонной плоскости,
ухватись за что-нибудь,
удержись.

Эй, ты,
стоящий у окна,

рассеянно глядя на улицу,
кто ты?

Эй, ты,
невидимый,
ты ли это?
Покажись!

Эй ты,
недолгий,
погляди —
как торжественно в мире
после полуночи!

№ 8-74

«Берут...»

Берут,
все что-то берут у жизни.
Но я
еще ничего не взял.

Мне кричат:
Бери!
Бери скорее!
Бери что попало!
Бери, пока не поздно!
После будет нечего брать —
все разберут!
Но я не спешу.
Пусть берут,
я возьму последним.
Я возьму
самый жаркий летний день,
самое морозное зимнее утро
и самую темную осеннюю полночь.
Я возьму
лучший апрельский вечер
с долгим-долгим закатом.

№ 8-74

Кузнечик (из дневника солдата)

– Гляди-ка! – сказал Петр Гордеич.
И я увидел кузнечика со сломанной лапкой,
который ползал по брустверу,
припадая на один бок.

Когда пошли танки,
я снял кузнечика с бруствера
и посадил его
на дно окопа.

Когда танки повернули обратно,
я увидел, что кузнечик
сидит на сапоге убитого Петра Гордеича
и вид у него невеселый.

– Не горюй! – сказал я кузнечику. —
Не горюй, старина!

А что я мог еще сказать?
Что?

№ 3-80

Рядом с вечностью

Скромно живу рядом с вечностью
на третьем этаже
семиэтажного дома.
Но вечером пишу стихи о вечности
и засыпаю поздно.

Проснувшись,
встаю,
открываю окно
и гляжу на вечность,
зевая и поживаясь.

Свежестью веет
от вечности
по утрам.

№ 8-81

Вселенная

И вдруг взглянула на меня
Вселенная
из-под лохматой
черно-бурой шапки
(это была она – я сразу понял),
Вселенная с глазами голубыми
и с розовым румянцем
на щеках.
(это ее румянец, я сразу не догадался),

взглянула
и смущенно улыбнулась
(только она так улыбается).

И я подумал:
все же молода
у нас Вселенная!
(А кто-то утверждал,
что ей десять миллиардов лет.)

И я подумал:
все же недурна
у нас Вселенная,
да и скромна к тому же!
(А кто-то упрекал ее
в нескромности).

И я подумал:
все же повезло,
изрядно повезло нам
со Вселенной.

№ 3-83

Весна

1

Опять,
опять эта весна,
и пред нею я,
опять я.

Очень высокая весна,
и пред нею я —
субъект среднего роста.

Стою,
задрав голову.
Высокие женщины —
моя слабость.

2

Удивил весну
своим вниманием,
окружил весну
своими заботами.

Предупреждаю
каждое ее желание,
выполняю
все ее прихоти.
Поддерживаю ее под локоток
на улице.
Подаю ей руку,
выходя из автобуса.

С начала марта
у весны на побегушках.

Но я не стыжусь.

№ 3-83

Ночное стихотворение

Гляжу на Сириус,
на Альдебаран,
на Плеяды,
на Млечный путь —
гляжу на ночное небо.

Слушаю цикад в траве,
женский смех за деревьями,
чей-то шорох в кустах
и отдаленный шум прибоя —
слушаю ночную землю.

Хорошо уставшей земле
засыпать под ночным небом.
Хорошо и мне стоять на земле,
любясь ночным небом.
Хорошо и звездам мерцать в вышине
над землей и надо мною.

Всем нам неплохо.

№ 12-84

Манекен

Тощая,
высокая,
рыжеволосая девица
с запавшими щеками,
с острым подбородком,
с острыми локтями
и с тонкими, как у кузнечика,

ногами.

Встречаю ее то и дело
на разных витринах.
Даже стал здороваться с нею.
Она вежливо отвечает.
Иногда говорит
 «здравствуйте»,
иногда
 «добрый день»,
а вчера сказала
 «привет».

Пригласил бы ее в кино,
да жаль,
что такая тощая.

№ 8-85

«Время от времени...»

Время от времени
надо брать быка за рога —
без этого
не обойтись.

Но, взяв быка за рога,
вы долго его не удержите,
и вам придется
быстро отскочить в сторону,
чтобы сгорбленный
 и рассерженный бык
не нанес вам
смертельного удара рогами.

Поэтому сначала
вы все обдумайте,
а потом уж хватайте
быка за рога.

Так все и делают,
общаясь с быками.

№ 4-87

Связанный пленник (у статуи Микеланджело)

Связан.
Путы крепкие.w

Пытается их разорвать,
но тщетно:
путы очень крепкие.

Весь напрягся —
мускулы буграми.
Но свободы нет:
путы дьявольски крепкие.

Однако
не зовет на помощь —
молчит.
Надеется освободиться сам,
без посторонней помощи.

№ 4-87

«Если уж идти...»

Если уж идти,
 то не оглядываясь,
если уж ползти,
 то незаметно,
если уж бежать,
 то со всех ног,
если уж стоять,
 то не качаться,
если уж быть,
 то быть бесстрашным —
страшиться небытия
непростительно.

№ 4-87

Несколько слов о золоте

Довольствуюсь
общедоступным золотом:

легким, сырым золотом
поздней осени —
 его сгребают в кучи
 в садах и скверах, —
золотыми пуговицами
на мундире морского
офицера —
он прошел мимо
 твердым военным шагом,
золотой заколкой
в волосах красивой девушки —

она сидит в такси,
стоящем у подъезда.

Ходят слухи,
что в садах Гесперид
растут яблоки
из настоящего червонного
золота,
но разве туда доберешься!

Дорогу знает
только Геракл,
а где он теперь —
неизвестно.

№ 4-87

«Надо что-то делать...»

Надо что-то делать.
Совершенно необходимо
что-то делать!

Можно, например,
взять веник
и подмести набережную
от Горного института
до Академии художеств.
Дворники будут растроганы.

Можно наделать
бумажных голубей
и время от времени
пускать их из окна на улицу.

Ребятишки
придут в восторг.
Можно взять лесенку,
приставить ее к Медному Всаднику,
и наждачной бумагой
начистить плащ Петру Великому.

Царь
будет очень признателен.

Но обязательно
надо что-то делать.
Нельзя же сидеть
сложив руки!

№ 4-87

«Вышли с нею...»

Вышли с нею
к Неве.
Дул ветер.
Небо было синее,
вода была синяя,
глаза ее были синие-синие,
а челка была
золотая.

Как эффектно
выглядит золото
на синем!

Я и не знал!

№ 4-87

«Надо научиться...»

Надо научиться
себе не доверять,
надо постараться
себя не любить,
надо непрестанно
с собой враждовать
и однажды утром
объявить себе войну.

Надо победить себя
чего бы это ни стоило.
Только тогда и успокоиться,
только тогда.

И не надо бояться себя —
стыдно быть трусом.

№ 4-87

Из журнала «Нева»

Среди людей

Оба вы люди,
и ты,
Чингисхан,
и ты,
Януш Корчак.
Почему – непонятно.

И они тоже люди,
твои, Чингисхан, всадники
на лохматых лошадях.
 скок! скок!
И твои, Корчак, ребяташки
на своих палочках —
 прыг! прыг!

Так уж оно получается.

Но ты, Чингисхан,
взмахнешь своей саблей
и, крикнув,
отрубишь Корчаку голову,
 потому что ты все же
 Чингисхан.

И твои, Чингисхан, всадники —
 Э-ге-гей!
Возьмут на пики
твоих, Корчак, ребяташек —
 мамочка, боюсь! —
потому что эти всадники
любят убивать.

А мне, Чингисхан,
придется душить тебя голыми руками,
потому что я безоружен.

№ 7-76

Цветы

Цветы
пахнут похоронами
и любовью.

Но они
ни в чем не виноваты.
Иногда
ими осыпают негодяев,
иногда
их дарят круглым дурам,
иногда
их воруют на кладбище
и продают втридорога влюбленным.
Но цветы
ни в чем не виноваты.

Им не стыдно,
что Джордано Бруно
был сожжен на площади Цветов.

«Нева», № 7-76

Над крышей

Там,
над крышей
за крестом телеантенны,
там,
там,
в вечернем,
но еще голубом небе
движется светлая точка.

И радость,
непонятная радость
врывается в сердце.

Но самолет летит быстро,
и там,
над крышей,
за крестом телеантенны,
там,
там,
на том самом месте
уже пустая голубизна.

И тоска,
необъяснимая тоска
вгрызается в сердце.

Но там,
там,
над крышей
появляется белое облако.

И я успокаиваюсь —
пусть хоть оно.

№ 9-77

Твоя пропасть

Рубену Ангалдяну

Упасть в пропасть
и разбиться?
Упасть в пропасть
и расхохотаться?
Или не падать в пропасть?
Стоять над пропастью, не дыша,
боясь пошевелиться?
Сидеть на краешке,
свесив ноги в пропасть,
и грызть морковку?

Или держаться от пропасти вдалеке?
Осторожно спуститься в пропасть
и напиться из родника
на ее дне?
Во всяком случае
не забывать о пропасти.
Во всяком случае
любить свою пропасть.
В любом случае
заботиться о пропасти —
беречь свою пропасть,
беречь.

Кому ты нужен один,
без пропасти.
Что станет с пропастью
без тебя.

№ 12-80

«Кому они только не сияли...»

Нам звезды кроткие сияли.
А. Плещеев

Кому они только не сияли,
эти, кроткие на вид,
молчаливые звезды —
и властелинам,
и скоморохам,
и гувернанткам,
и карточным шулерам.

Гомеру
они сияли тоже.

Правда,
он их не видел,
но он знал,
что они сияют,
и был спокоен.

№ 9-84

Два варианта

Вот – тебе, говорят —
судьба Рубенса,
а вот судьба Рембрандта —
что выбираешь?

Вот задача, думаю,
что же выбрать?
Звездный жребий
амстердамского страдальца,
или антверпенского счастливчика
удел?

Оба варианта
вполне подходящи,
оба варианта
просто хороши!

Вот, черт, думаю,
что же предпочесть?

Слишком долго думаешь! – говорят.
Не получишь ни то, ни другое.
Получишь третье.
Ну ладно, думаю,
проживу и так!
Но самого так и тянет в Эрмитаж.

Сначала иду в зал Рубенса,
потом – в зал Рембрандта.
После – опять в зал Рубенса,
и снова – в зал Рембрандта.
Так и хожу целый день.

Йорданс,
Ван Дейк
и «малые голландцы»

дуются на меня.

№ 9-84

Цвет Истины

А что есть синее?

А синее есть ветер
и звуки музыки,
далекой и печальной.

А что есть желтое?

А желтое есть пламя
и треск
сгорающих в печи поленьев.

А что есть черное?

А черное есть туча
и гром
незатихающей грозы.

А что есть белое?

А белое – больница
и запах камфары,
и бормотанье спящих.

А что есть истина?

Какого она цвета?

О цвете истины

есть множество суждений.

Однако истина прозрачно-голубая,
безмерно и бездонно голубая,
как небо.

Да, да,

как небо!

№ 12–86

На рынке

Продажа певчих птиц,

цветов

и облаков,

продажа ветра,

овощей

и неожиданностей,

продажа кроликов,

успехов

и терпения,

продажа жареных семечек.

Дороже всего – успехи.

Дешевле всего – облака.

Купил щегла в клетке —
пусть поет.
Купил букетик незабудок —
подарю кому-нибудь.
Купил пару неожиданностей —
без них, право, скучно.
Купил немного терпения —
оно всегда пригодится.
Купил стакан семечек за полтинник —
отчего бы не погрызть?

Гляжу —
в ларьке торгуют наивностью.
Приобрел и ее за трешку.
Порою хочется стать наивным,
по-детски наивным и простодушным —
страсть как хочется!

№ 12–86

Консервная банка

Поддал ногою
жестяную консервную банку
из-под сардин,
и она полетела высоко-высоко:
пронзила атмосферу,
миновала стратосферу,
вылетела на околоземную орбиту,
сделала оборот вокруг Земли
и полетела дальше —
к орбите Марса
и еще дальше —
к орбите Юпитера,
и еще дальше...
Куда же она летит-то?
Куда ее понесло?

Вот так оно и бывает:
без серьезных намерений,
безо всякого умысла,
просто от скуки
поддашь ногою
обычную консервную банку,
и возникает проблема
космического масштаба,
прямо-таки космического!

Но, когда на улице
валяется пустая консервная банка,
так и хочется поддать ее ногой
изо всей силы —
не правда ли?

№ 12–86

Мечта и действительность

Две женщины
смущают нас всю жизнь —
наивная и чистая
мечта
и опытная, мудрая
действительность.

Две женщины
нам не дают покоя —
послушная и кроткая
мечта
и непокорная, строптивая
действительность.

Мечтатель однолюб,
он предпочтет мечту.
— Долой действительность! —
произнесет мечтатель.
— К чертям действительность! —
провозгласит мечтатель.
— Да здравствует мечта! —
воскликнет он
и отвернется
от обиженной действительности.

А действительность
не так уж плоха.
Иногда она очень эффектна.
Правда, временами
она выглядит непривлекательной.
Но ведь только временами!

№ 12–86

Предательство

Я был предан женщиной,
которую любил.
Я был предан ею бессовестно
и изящно
(все она делает

на редкость изящно).

Земля,
не проваливайся под ней
в преисподнюю,
если можно!
Стены, не обрушивайтесь на нее
с грохотом,
я вас прошу!
Ветер,
не приставай к ней
на осенних улицах,
не пугай ее,
не толкай ее,
не срывай с нее модную шляпку,
держи себя в руках!

Пусть она вспоминает
долгие годы
о том, как блестяще
я предан ею
(все удастся ей
просто блестяще),
и всякий раз улыбается при этом
нежной,
задумчивой
предательской улыбкой
(улыбка тоже
весьма хороша).

№ 12-86

Звездное небо

Все злитесь,
все обижаетесь,
все возмущаетесь
чем-то,
а, между прочим,
в безоблачные ночи
небо бывает удивительно звездное.
Все бегаєте,
все хлопчете,
все домогаетесь
чего-то,
а у ведь у вас
есть звездное небо
с миллиардами звезд.

Бросьте все,

дождитесь безоблачной ночи,
заберитесь на ближайший пригорок
и глядите:

вон созвездие Рыб,
вон Плеяды,
а вот и Сириус!

Чего же вам еще надо?

№ 10–88

«Когда сосны...»

Когда сосны
несутся за окнами сломя голову,
и в вагоне пусто,
мне кажется,
что леса в панике
и остановить их бегство
уже невозможно.

Поэтому я побаиваюсь
ранних электричек.

№ 10–88

Поздняя осень

Среди голых,
босых деревьев
брожу,
тепло одетый,
в новых ботинках на толстой подошве.

Совестно мне как-то.

№ 10–88

«Постучи в мое окно...»

Постучи в мое окно,
путник,
разбуди меня внезапным стуком
среди ночи,
постучи и пройди мимо
ночным путем.

Выйду на крыльцо —
никого.
Обойду вокруг дома —
никого.

Выбегу на улицу —
никого.

– Что за черт, – скажу, —
никого! —
и не засну до утра.

Потревожь меня
бестревожного,
путник,
после полуночи.

№ 10–88

Чего мне хочется

– Чего тебе хочется? – спрашивают. —
Чего ты, собственно, хочешь?

– Ничего, – говорю, —
ровным счетом ничего мне не хочется,
ничего я уже не хочу.

– Вот именно! – говорят. —
Ни черта ты не хочешь! —
И уходят.

– Подождите! – кричу
и подбегаю к ним запыхавшись.

– Простите, – говорю, —
я забыл.

Мне хочется
прожить остаток жизни
на берегу не очень широкой,
но глубокой реки
с высокими
зелеными
берегами.

№ 10–88

Чертовские стихи

Я говорю:
Да ну вас!
Надоели вы мне!
Идите вы, знаете куда!
Они говорят:
Нет, не знаем!

Тогда я и говорю:
То есть как не знаете?
Идите к черту,
к лешему,
к дьяволу,
к чертовой матери
ко всем чертям!
И они послушно уходят.

Потом возвращаются.

Где, – спрашиваю, – были?

То есть как, – говорят, – где?
У черта,
у лешего,
у дьявола,
у чертовой матери,
и у прочих чертей!

Шутите! – говорю,
а самому завидно:
сiju дома,
никуда не хожу
и ни черта не вижу,
ни черта!

№ 10–88

«Надуваем щеки...»

Надуваем щеки
будто трубим в большие трубы
вынимаем из кармана кулаки
будто мы хотим подраться
наклоняемся и что-то разглядываем
будто мы нашли нечто стоящее
распрямяемся и широко раскрываем глаза
будто мы чем-то потрясены
идем домой
раздеваемся
и ложимся спать.

Ничто нам не поможет
даже смерть
ничто нас не спасет
даже бессмертье

№ 10-88

Вопросы и ответы

У меня куча вопросов

что?

кто?

где?

как?

откуда?

куда?

зачем

и почему?

и куча ответов

ничто

никто

нигде

никак

ниоткуда

никуда

неизвестно зачем

и непонятно почему

я недоумеваю

неужели ничто и никто?

неужели нигде и никак?

неужели совсем ниоткуда и никуда?

неужели совершенно неизвестно зачем

и совсем непонятно почему?

я сомневаюсь

и еще у меня вопрос

когда?

когда же наконец

когда?

только не отвечайте мне пожалуйста

никогда

прошу вас!

№ 10–88

Из журнала «Литературное обозрение»

Шли

Шли бодро

шли и шли
мимоходом сшибая палками цветы
и ломая хребты доверчивым собакам
шли и звали идти с собой
и клялись
что их никто не остановит

их и не остановили

так они и ушли куда-то
больше их не видели

цветы снова растут
собаки снова бегают

говорят, новые идут
тоже с палками.

№ 10–91

Из сборников «День поэзии»

Надо

Кто-то говорит для одних,
кто-то говорит для других,
кто-то говорит для третьих.
Трудно, конечно,
говорить всему человечеству,
стоя на холодном ветру
перед лицом всей вселенной.

Но надо,
обязательно надо
говорить
всему бесчисленному человечеству
перед лицом
всей необъятной вселенной,
не опасаясь
пронизывающего до костей
космического ветра.

Надо сказать человечеству
все, что думаешь.

Пусть оно удивится,
или расхохочется,
или задумается,
или заплачет.

Нельзя ничего
от него скрывать.

«День поэзии – 87»

Многие

Многие о чем-то мечтают.
Одни – временами,
другие – частенько,
а третьи непрерывно
о чем-то мечтают,
непрерывно.

Многие на что-то надеются.
Одни – слегка,
другие – очень даже,

а третьи – со страстью,
с жаром,
от всего сердца.

Многие чего-то опасаются.
Одни – чуть-чуть,
другие – весьма,
а третьи ужасно
чего-то опасаются,
ужасно.

Но некоторые
ничегошеньки не опасаются,
вот в чем несчастье!

«День поэзии – 87»

На морском берегу

Вышел я на берег моря
с душой открытой,
и ветер,
ворвавшийся в душу,
все в ней
разворошил.

Зачем же,
зачем же
вышел я на берег моря
с душой, распахнутой настежь?
Ведь знал же,
что ветер
ворвется в нее
немедля!

А затем я и вышел,
душу свою не прикрыв,
чтобы ветер в нее ворвался
и устроил в ней
кавардак полнейший —
именно затем!

Надоел мне порядок,
царивший в душе.

«День поэзии – 87»

«Я накормил бы всех детей мороженым...»

Я накормил бы всех детей мороженым,

всем женщинам вручил бы по цветку,
а стариков лишил бы страха смерти,
да как-то некогда,
дел по горло.

Я море обнял бы,
расцеловал бы землю,
прижал бы к сердцу синий небосвод,
да все стесняюсь —
совестно на людях.

«День поэзии – 88»

«Ах, братцы...»

Ах, братцы,
надо понемножку сомневаться
в самом себе,
в способности детей
построить башню вавилонскую
из снега
и в предсказаниях погоды,
и в гаданьях
до наглости навязчивых цыганок,
а также в том,
что спящие вулканы
вдруг не проснутся с грохотом
однажды.

Помучиться сомненьями
не грех,
повоевать с сомнениями
полезно.

А без сомнений
как-то скучно,
братцы,
честное слово.

«День поэзии – 88»

Неопознанный летающий объект

Когда я летаю,
меня никто не узнает.

Одни принимают меня за дирижабль
(маловат я для дирижабля),
другие говорят, что я аист
(для аиста я слишком велик),

третьи утверждают, что я воздушный змей
(но где же тогда мой хвост?).

«Это же я!» —
кричу я,
летаю и все кричу.

«Это же я!» —
ору я изо всех сил
а сам все летаю.

«День поэзии – 88»

Сергий из Радонежа (картина Рериха)

Медведь ел хлеб.
Сергий смотрел на него.
До чего же вкусный был хлеб!
Как пряник!
Время еще спало.

Медведь ел хлеб.
Черный нос его влажно блестел.
До чего же весело было Сергию!
Он смеялся.
Время проснулось и потянулось.

Медведь съел хлеб
и благодарно лизнул руку Сергию.
До чего же шершавый
был язык у медведя!
Кожу оцарапал.
Время стало и пошло.

Сергий работал.
Медведь смотрел на него.
До чего же розовые были стружки!
Как закат над Радонежем.
Время блуждало в окрестных лесах.

Сергий обтесывал бревно.
Топорик блестел на солнце.
До чего же ярко блестел топорик!
Медведь зажмурился.
Время продиралось сквозь густой ольшаник.

Сергий вытер лицо рукавом.
Крыша была готова.

До чего же обрадовался медведь!
Даже приплясывал!
Время вышло на поляну и стояло молча.

Стены с высокими башнями,
купола с золотыми звездами.
Время ходит вокруг и удивляется.
Сергий спит в своей раке.

До чего же сладко ему спится!
Даже завидно.

«День поэзии – 88»

Эта женщина и эта крепость

В этой крепости сидели декабристы
а теперь
здесь сидит эта женщина
с гордым профилем.
В этой крепости сидел Достоевский,
а теперь
здесь сидит эта женщина
с большим ртом.
В этой крепости сидел Чернышевский
а теперь
здесь сидит эта женщина
с прямыми светлыми волосами.
Она сидит здесь каждый день
с девяти утра и до шести вечера.

В этой крепости я как дома.
Эта женщина водит меня
по всем закоулкам
и открывает мне
все двери.

«Погляди, – говорит она мне, —
здесь лежит Анна,
там – Павел,
а здесь никто не лежит,
здесь свободное место».

Перед смертью
я пойду в горсовет
и попрошу разрешение.
Эта женщина
будет говорить туристам:

«Поглядите,

здесь лежит Елизавета,
там – Александр Первый,
а тут – один мой знакомый,
он занял свободное место».

Эта женщина переживет меня,
я уверен.

«День поэзии – 88»

Кентавр на Невском

...судьба – загадочна, слава – недостоверна.

Марк Аврелий

Долгожителей в русской поэзии мало. И Геннадий Алексеев не из их числа. Первая его книга вышла в 76-м, последняя прижизненная в 86-м. Книг было четыре: «На мосту», «Высокие деревья», «Обычный час», «Пригородный пейзаж». За десятилетие поэт успел высказаться. Услышали его, как часто бывает, не столь многие. Но услышали. Без стихов Алексеева не обошлись ни антологии русского верлибра Джангирова, ни евтушенковские «Строфы века». А все же по-настоящему поэт не прочитан. Малоизвестен. Верность свободному стиху у нас и до сих пор не слишком ценится. Вокруг стихия силлабо-тоники, гул перекрестной рифмы.

Эпилог написанного от первого лица и во многом о себе романа Геннадия Алексеева «Зеленые берега» начинается с фразы «Моя смерть была загадочной и произвела сильное впечатление на всех, кто меня знал».

Что ж, загадочна смерть каждого поэта. Загадочна посмертная судьба его сочинений, зависящая и от нас. При жизни Алексеев от читателя зависеть не хотел:

...вам не нравится
форма моей бороды?
но это дело вкуса
вас раздражает
линия моего затылка?
а что в ней такого?
вас ужасает
то что я пишу
но я не виноват!
мне хочется писать не так
честное слово!
я с радостью писал бы по-другому
клянусь вам!
но пишется мне только так
а не иначе
но пишется мне именно так
вы уж простите!

Геннадий Алексеев жил и умер в Ленинграде, но имя родного города встречается в его книгах лишь на титульном листе. А в стихах – Нева, Мойка, Лебяжья канавка, Тучков мост, Елагин остров, Фонтанка, Казанский собор, Александрийский столп... Пушкинская топонимика. Уезжая за город, он садится в электричку на Финляндском вокзале или на Царскосельском спешит по тем самым ступеням, на которых в последний раз споткнулся Анненский. Он на редкость петербургский поэт.

В стихах его петербургское чувство стиля. Его язык – язык питерского интеллигентского просторечия, его поэтическая живопись графична, как городской силуэт, его миф тяготеет к лукавой притче. И всюду задушевная ирония.

Даже его «мирская» профессия – история архитектуры – рождена, наверное, этим необыкновенным для Руси городом.

В его стихах гнедой, с широким крупом кентавр, скачущий по Невскому, воочию зрим не только потому, что мастерски, как, скажем, ковалевский нос, вписан в реальность заполненного литературными и историческими тенями проспекта. А и потому, что за его свободным стихом, за его интонациями приятельского разговора с другом-читателем часто стоят римские лирики – Гораций, Катулл, Тибулл. В особенности Катулл.

И не столько в тех стихах, где с артистизмом разыграны античные сюжеты и мотивы, а скорее в тех, где нет и намека на классические древности. Вот строки из стихотворения, давшего название книге «На мосту» (1976):

Глядел я долго,
стоя на мосту,
как вдаль текла Нева,
как было ей выгодно
течь на закат,
как было ей смешно
течь под мостами,
то и дело огибая
быки гранитные...

А вот как совсем другой мост описывает Катулл:

Городок мой! Желаешь ты на мосту веселиться.
В пляс готовы пуститься все. Одного только трусят —
Плох мостишка. Прогнил настил. Сваи стали трухлявы...

Это Катулл в переводе Андриана Пиотровского, тоже петербуржца, начинавшего в Студии Лозинского. Пиотровский и создал для нашего времени русский образ Катулла с его естественностью и легкостью интонаций.

Как раз непосредственность, интонационная раскованность и связывают эти разные стихи. И кажется, особенно в стихотворениях Геннадия Алексеева о любви, что свободе и порывистости он сумел научиться именно у Катулла, прочитанного им свежо и остро, как овидиевские «Метаморфозы» прочитаны в рисунках Пикассо.

Вот Катулл (перевод С. Шервинского):

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть восходят и вновь заходят звезды, —
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню...

А вот Алексеев:

...трогать губами
ее гордо торчащие соски
и позабыть
что было вчера
и позабыть
что было неделю назад

и позабыть
что было тысячу лет назад
и не думать о том
что будет
трогать губами
ее розовые соски
и не слышать...
как грохочут взбесившиеся часы...

Сходство интонаций, даже метрической поступи.

Собираясь писать об Алексееве, я взял в цэдээловской библиотеке его книгу «Высокие деревья» (1980), единственную, которой не читал. Оказалось, до меня ее брал в руки лишь один читатель. Читатель этот был Владимир Бурич. Он оставил карандашные пометки. Дважды, рядом с недовольным отчеркиванием, он, принципиальный верлибрист, написал: «метр». С ним можно было бы спорить, замечая, что метрические фрагменты легко обнаружить и в прозе, что у Геннадия Алексеева метрика лишь частный случай свободного стиха, что их строфическая организация опирается на интонационный рисунок... Но недовольство Бурича оправданно. За интонацией, за ритмическим строем стихов Алексеева довольно часто стоит силлабо-тоническая просодия, а его свободный стих приближается к белому, в нем, говоря его же словами, «...как бы сам собою появляется некий внутренний ритм, все приводящий в порядок».

Бурич пометил плюсом стихотворение «В ту ночь», в котором лирическое действие строится на двух варьируемых строчках из элегии Тибулла:

В ту ночь мы изрядно выпили.
– Вот послушай, – сказал Альбий. —
«Паллы шафранный покров, льющийся к нежным стопам,
Пурпура тирского ткань и сладостной флейты напевы».
– Неплохо, – сказал я, —
но ты еще не нашел себя.
Скоро ты будешь писать лучше.
– Пойдем к Делии! – сказал Альбий,
и мы побрели по темным улицам Рима,
шатаясь
и ругая раба
за то, что факел у него нещадно дымил.
– Хороши! – сказала Делия,
встретив нас на пороге.
– Нет, ты лучше послушай! – сказал Альбий. —
«Паллы шафранный поток, льющийся к дивным стопам,
Тирского пурпура кровь и флейты напев беспечальный».
– Недурно, – сказала Делия, —
но, пожалуй, слишком красиво.
Раньше ты писал лучше.
В ту ночь у Делии
мы еще долго пили хиосское,
хотя я не очень люблю сладкие вина.
Под утро Альбий уснул как убитый.
– Ох уж эти мне поэты! – сказала Делия.

– Брось! – сказал я. —

Разве это не прекрасно:

«Паллы шафранные складки, льнущие к милым коленям,
Пурпура тусклого пламя и флейты томительный голос!»?

Почему в свободном стихе Геннадия Алексеева так естественно звучание, видимо, от природы поставленного голоса? Может быть, в его просодии откликаются античные размеры, конечно, в их русских переводческих вариациях? И они тоже.

Русский стих часто начинался с вслушивания в чужие гимны, чтобы иногда лишь через много лет скрестить их с собственной традицией песнопевцев и сказителей. Переводы литургической поэзии с греческого, молитвословный стих – это тоже некий свободный стих. Выразительный, емкий, сакрально вдохновенный, он до сих пор у нас мало изучен и мало прочувствован. В особенности палладинами верлибра. В XVIII веке, да и в начале XIX, его еще помнили: например, Сумароков в своих переложениях молитв и псалмов.

Увлечение свободным стихом, верлибром – одно из веяний нашего шестидесятилетия, которое заново открывало быстро забытое. Казалось, что оказанное стихотворчество сталинских лауреатов наложило некую печать на саму метрику, на рифму. А свободный стих – свобода вдвойне. С войны и почти до конца пятидесятых о нем, как о свободе, вслух и не вспоминали. Можно ли было совместить Главлит и верлибр? Это был некий «изм», как абстракционизм, как джаз, как кибернетика.

О давней традиции свободного стиха в русской поэзии помалкивали, на верлибр нападали как на космополита.

В романе Алексеева «Зеленые берега» есть эпизод: продавщица книжного магазина, полистав книгу стихов, говорит: «...чушь какая-то! Даже рифмы нет. Так и я напишу». Редакторы рассуждали несколько глубокомысленней, но поэтам, писавшим свободным стихом, печататься было трудно, почти невозможно. Хотя времена переменились, появились переводы – Элюар, Неруда, Ружевич, Хикмет...

Владимир Бурич, ровесник Алексеева, сумел выпустить свою первую и при жизни единственную у нас (за рубежом он издавался с 70-х, как и Айги, и некоторые другие) книгу лишь в 89-м. Вторая издана посмертно.

Спасибо Михаилу Александровичу Дудину. С его вступительными словами или при его поддержке и выходили в те годы книги стихов Геннадия Алексеева.

Посмертную книгу Алексеева «Я и город» (1991) Дудин мне прислал «в память, – как он написал, – о нашем милом друге, к судьбе которого мы были причастны».

Причастен был главным образом он. Он успевал делать добрые дела.

Первую книгу Геннадия Алексеева «На мосту» я прочел сразу же, как она появилась, в июне 76-го.

Имя запомнилось, книга понравилась. Она была из первых и редких книг, написанных свободным стихом. До того мне попала лишь одна – «Исчезаю в весне» Арво Метса.

С ним самим меня познакомил Дудин, когда в октябре 84-го я приехал в Ленинград. Речь шла об издании книги Алексеева. Я, по просьбе Дудина, был ее редактором. Эта книга, названная «Обычный час», оформленная репродукциями живописных работ автора, благополучно появилась к концу 86-го года. Конечно, с предисловием Дудина.

Его картины похожи на его стихотворения. Почти нефигуративная живопись при всей подчеркнутой геометричности скупых композиций лирична. Цветовое пространство внятных, архитектурно организованных холстов втягивает взгляд.

Художник с тонким чувством цвета, историк архитектуры (он изучал русский модерн), замечательный поэт, сумевший написать не «совершенно другого поэта», а такого, какого хотел (если вдуматься, это редкость), Геннадий Алексеев был наделен даром артистической верности самому себе, что бы ни делал.

На зажатом книжными полками столе его стояла небольшая старинная фотография исполнительницы цыганских романсов, любимицы Петербурга начала века Анастасии Вяльцевой. Геннадий Иванович написал роман о ней. (Позже, прочитав роман, я обнаружил, что он не столько о ней, сколько о себе.) Я вспомнил этот портрет, читая в его стихах:

Со старой поцарапанной пластинки
струится ее нестареющий голос.
На старой выцветшей фотографии
белеет ее молодое лицо.
По ночам она приходит ко мне,
шурша юбками,
садится на край постели
и сидит до утра.
Целый день в моей комнате
стоит запах ее крепких духов.
А под вечер я отправляюсь на кладбище...

Его умное, с аккуратной окладистой бородой лицо запоминалось своей открытостью, прямым взглядом.

В одном из стихотворений он написал: «В витрине овощного магазина / мое отражение – / я похож на Марка Аврелия».

(Не отсылает ли эта овощная витрина к «Зеленой» Гумилева, увидевшего в ней свою мертвую голову?)

Взгляд его художнически хваток, он действительно похож на императора-философа. Посмотрите на мраморный бюст Марка Аврелия «в одеянии жреца». У него иронично-добрая усмешка мудреца, открытые миру глаза, такая же почти, как у Алексеева, борода, правда, покурчавее.

Да и в сочинении самого симпатичного римского императора «К самому себе» есть строки, вполне созвучные русскому поэту: «Пока живешь, пока есть возможность, старайся быть хорошим».

И Алексеев говорил себе о том же:

Скользя к небытию
по склону гладкой жизни
попытайся принять приличную позу...

Его поза была не только безукоризненной, но и естественной.

В «Строфах века» к его поэзии прикреплена бирка: «слегка европеизированная русская ирониада».

Геннадий Алексеев действительно европейский поэт, как Петербург – европейский город.

В его стихах точное слово, ясная лирическая мысль, живая просодия.

Его свободный стих своеобразен и тем, что довольно часто ограничен в своей свободе и превращается почти в белый, и в нем внятно начинает звучать метр. Размер, поддерживая

интонацию, звучит естественно, придавая ей своеобразную музыкальность. И столь же естественны перескоки ритма, паузы, перемены мелодики.

Например, в стихотворении «Веспер» проступает шестистопный ямб:

Как встарь,
как в древности,
как сто веков назад,
восходит Вesper на вечернем
небосклоне.
Он так красив,
но мне не до него —
ищу иголку я
в огромном стоге сена...
А в стихотворении «Упрямые музы» — пятистопный:
Я с сеточкой по улице иду,
а в сеточке
батон и пачка чая
и полкило молочной колбасы.
За мною музы семят,
все девять,
в сандалиях
и в тонких,
разноцветных,
струящихся по их телам
хитонах.
Вот дождичек пошел,
медлительный,
осенний...

Лишь графическая разбивка, диктующая интонационный ход строфы и строки, связывает их с главенствующей в его книгах поэтикой свободного стиха.

В стихах, как и в его живописи, кстати, никаких следов поисков манеры, метаний, никаких царапин от борьбы со словом, чреватой косноязычием.

Почему? Поздний дебют? Главное — склад, характер.

Ровная свободная интонация живого удивления своим мыслям, домам и улицам, морским пейзажам и людям, которыми населены его стихи.

Его свободный стих прост и изощрен. Речевая природа этого стиха помнит о песенном начале поэзии. Это сказывается, например, в целой системе повторов.

Видимо, отсутствие рифмы, на которой по крайней мере три с половиной столетия держится столбовая традиция русской поэзии, требует компенсаций. Обильной метафорики, романтического парадокса, подчеркнутой поэтичности, упругого синтаксиса.

Метафорические ходы его стихотворений иногда сюрреалистичны. В наши теряющие чувство стилия виртуально-постмодернистские дни они кажутся обычными. В шестидесятых-семидесятых, когда написаны, звучали небывало.

Ржавый танк, выползающий на гобелене из кустов рядом с пастушком и пастушкой.

Озеро, покрывающееся трупами солдат, как ряской.

В стихотворении 73-го года он писал:

этот вечный грохот барабана!

если бы не барабан!
о если бы не барабан!
я бы спал стоя
если бы не барабан

Стихи эти отчетливо перекликаются и с пастернаковским «Не спи, не спи, художник», и с гейневским «Бей в барабан и не бойся беды...» В них ощущение неблагополучия и осознание некой внутренней задачи – противостоять дисгармонии несвободы и в свободе искать гармонию.

Несмотря на интимность тона и жеста, отсутствие актерства и наигрыша, лирику Геннадия Алексеева можно было бы назвать театром одного актера. В его книгах монологи, задушевные разговоры с читателем, который понимает его с полуслова, и, на худой конец, с самим собой, сменяются диалогами.

И чем фантастичней сюжет, образ, тем обыденней речь.

Был он чудной какой-то —
на голове его
росло дерево,
корни торчали из ушей.
На ветвях сидели птицы
и громко пели.
Когда он ходил —
дерево раскачивалось,
когда он нагибался —
птицы взлетали
и кружились над ним,
когда он выпрямлялся —
птицы снова садились
и принимались петь.
Спал он стоя,
чтобы не тревожить птиц.
Корни не подрезал,
чтобы не беспокоить дерево.

В его стихах всегда что-то происходит.

Происходит в Ленинграде-Петербурге.

Бежит по Невскому лошадь, на которую фыркают машины, потом несется кентавр, вступают в действие Александровская колонна, Исаакий, статуи Летнего сада, сфинксы. И прохождение, чаще – женщины, девушки, дети. Это мир, где прозаически подчеркнутые подробности не мешают его воздушности и одухотворенности.

Грустная сказочность, иронический трагизм этого мира романтичны. Поэт любит смотреть на облака, проплывающие над ним, он открыт природе, но это городской или пригородный пейзаж. Его город неотрывен от человека, который создал и населил это пространство и живыми людьми, и ожившими образами, среди которых так много античных теней – Геракл, Сизиф, Клеопатра, Цицерон, Катулл с Лесбией, Тибулл, Гипатия – дочь Теона... Эти персонажи, вочеловечиваясь, входят в жизнь поэта. Вроде бы здесь некая, подчеркнутая умной иронией поэтическая игра, предлагаемая читателю. И все же она не исключает и более глубокого, мистического отношения к этому алексеевскому мифу.

Вспомним Даниила Андреева, который с крайней серьезностью наделил подлинной жизнью в иных мирах не только литературные образы, но и свои детские игрушки. В стихах «Игрушечному медведю, пропавшему при аресте» он писал о своей детской вере в то, что «в будущем раю Мы непременно будем с Мишей». Эта детская вера в «Розе Мира» получила внятное обоснование.

Геннадию Алексееву, далекому от мистики, близко это одухотворенно детское отношение к миру. О своей лирической вере он говорит с ироничной улыбкой, скрывающей ребячье смущение.

Геннадий Алексеев мастер лирического сюжета. Развитие его поэтической мысли всегда естественно в своей прихотливости. Его ирония умна и добродушна. А сюжет строится по почти фольклорным законам с использованием параллелизмов. Чем неожиданней, раскованней в своих мотивах Алексеев, тем больше он стремится к точности слова и композиционной органичности. Вот стихотворение, называющееся «Браггарагуга» (1978):

Облако плыло на юг
по облаку бежал таракан
глядите какой таракан! —
воскликнул кто-то
Браггарагуга! —
подумал я усмехнувшись
(так называли мы в юности
этого таракана)
как постарел ты однако
бедный Браггарагуга!
Раньше ты бегал проворнее
по облакам

Свободные стихи всегда сложно цитировать. Они не раздергиваются на строки и строфы, их нужно приводить целиком. Тем более стихи Алексеева, лирический сюжет в которых так важен.

Но книга его «Я и город» завершается циклом сонетов.

Как настоящий мастер, он прекрасно чувствовал рифму и отказался от нее для того, чтобы написать именно такого поэта, какого хотел, каким был.

Процитируем последний терцет сонета, завершающего его посмертную книгу. Вот о чем он писал свои неповторимые стихи:

Она и он. Ты, вы и мы. Они и я.
Все наши пропасти, все наши пасторали,
Все наши шалости и ужас бытия.

Борис Романов
Журнал «Арион» № 4-2002